

Научно-исследовательский центр «Иннова»

НАУЧНОЕ ПРОСТРАНСТВО: РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ И ОТКРЫТИЙ

Сборник научных трудов по материалам
XVII Международной научно-практической конференции,
19 мая 2026 года, г.-к. Анапа

Анапа
2026

УДК 00(082) + 001.18 + 001.89

ББК 94.3 + 72.4: 72.5

НЗ4

Научный редактор:
Скорикова Екатерина Николаевна

Редакционная коллегия:

Бондаренко С. В., к.э.н., профессор (Россия, г. Краснодар), **Дегтярев Г. В.**, д.т.н., профессор (Россия, г. Краснодар), **Хилько Н. А.**, д.э.н., доцент (Россия, г. Анапа), **Ожерельева Н. Р.**, к.э.н., доцент (Россия, г. Анапа), **Жиянова Н. Э.**, к.э.н., профессор (Узбекистан, г. Ташкент), **Климов С. В.** к.п.н., доцент (Россия, г. Пермь), **Михайлов В. И.** к.ю.н., доцент (Россия, г. Москва).

НЗ4 Научное пространство: результаты исследований и открытий. Сборник научных трудов по материалам XVII Международной научно-практической конференции (г.-к. Анапа, 19 мая 2026 г.). – Анапа: НИЦ ЭСП в ЮФО, 2026. – 184 с.

В настоящем издании представлены материалы XVII Международной научно-практической конференции «Научное пространство: результаты исследований и открытий», состоявшейся 19 мая 2026 года в г.-к. Анапа. Материалы конференции посвящены актуальным проблемам науки, общества и образования. Рассматриваются теоретические и методологические вопросы в социальных, гуманитарных и естественных науках.

Издание предназначено для научных работников, преподавателей, аспирантов, всех, кто интересуется достижениями современной науки.

За содержание и достоверность статей, а также за соблюдение законов об интеллектуальной собственности ответственность несут авторы. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов статей. При использовании и заимствовании материалов ссылка на издание обязательна.

Информация об опубликованных статьях размещена на платформе научной электронной библиотеки (eLIBRARY.ru). **Договор № 2341-12/2017К от 27.12.2017 г.**

Электронная версия сборника находится в свободном доступе на сайте:
www.innova-science.ru.

УДК 00(082) + 001.18 + 001.89
ББК 94.3 + 72.4: 72.5

ISBN 978-5-97873-013-5

© Коллектив авторов, 2026.
© ООО «НИЦ ЭСП» в ЮФО
(подразделение НИЦ «Иннова»), 2026.

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ МОРАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ РАБОТЫ В СИСТЕМЕ НКВД СССР В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ И В 1946 Г.</i> <i>Абдухаликов Мурад Магомедович</i>	<i>7</i>
<i>СЕМЕЙНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ РОДИТЕЛЕЙ ЗА ВРЕД, ПРИЧИНЁННЫЙ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ ДЕТЬМИ: ТЕОРИЯ, ИСТОРИЯ И СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ</i> <i>Давлетбакова Диана Разилевна.....</i>	<i>13</i>
<i>КОНФЛИКТЫ УГОЛОВНЫХ ЮРИСДИКЦИЙ МЕЖДУ ГОСУДАРСТВАМИ</i> <i>Семенова Ангелина Олеговна</i>	<i>20</i>
<i>ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ОТКАЗА ОТ ИСКА, ИЗМЕНЕНИЯ ИСКА И МИРОВОГО СОГЛАШЕНИЯ КАК СРЕДСТВ ЗАЩИТЫ СУБЪЕКТИВНОГО ПРАВА ИСТЦА</i> <i>Яновская Анастасия Руслановна.....</i>	<i>25</i>

АРХИТЕКТУРА

<i>КОНЦЕПЦИЯ БЛАГОУСТРОЙСТВА И ОЗЕЛЕНЕНИЯ ТЕРРИТОРИИ ВНУТРЕННЕГО ДВОРА СИБГИУ «КОМФОРТНАЯ КАМПУС-СРЕДА»</i> <i>Ашпина Валерия Игоревна</i>	
<i>Коротких Василина Сергеевна.....</i>	<i>31</i>

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>ВЛИЯНИЕ ПОВЕДЕНЧЕСКИХ ФАКТОРОВ НА ПРИНЯТИЕ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ: КОГНИТИВНЫЕ ИСКАЖЕНИЯ И МОТИВАЦИЯ В ИНТЕРПРЕТАЦИИ ДАННЫХ УПРАВЛЕНЧЕСКОГО</i>	

УЧЕТА*Голощапова Полина Александровна**Эртель Виктория Сергеевна..... 39***ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОДДЕРЖКА АГРАРНОГО СЕКТОРА****В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН***Конбаев Дастан Сарсенбекович..... 46***ОЦЕНКА КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ ПРОИЗВОДСТВА МОЛОКА****В АГРАРНОМ ПРЕДПРИЯТИИ***(НА МАТЕРИАЛАХ СХ АО «БЕЛОРЕЧЕНСКОЕ»)**Кушнир Никита Денисович..... 51***ПАРАЛЛЕЛЬНЫЙ ИМПОРТ В УСЛОВИЯХ САНКЦИОННЫХ****ОГРАНИЧЕНИЙ: ПРАВОВАЯ ЛЕГИТИМАЦИЯ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ****ПОСЛЕДСТВИЯ***Крамаренко Софья Александровна**Липатова Виктория Романовна..... 56***ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ МЕХАНИЗМОВ ПОДДЕРЖКИ****КРЕАТИВНЫХ ИНДУСТРИЙ В РЕСУРСОДОБЫВАЮЩЕМ РЕГИОНЕ****В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ***Мухортиков Дмитрий Алексеевич..... 63***ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ ПРОИЗВОДСТВА****ИНДУСТРИИ 5.0***Попова Евгения Сергеевна**Булатов Сергей Дмитриевич..... 76***КОММУНИКАЦИОННЫЕ СТРАТЕГИИ МОДНЫХ БРЕНДОВ****В ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ:****СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РОССИЙСКОГО****И КЫРГЫЗСТАНСКОГО РЫНКОВ***Шевченко Анастасия Сергеевна..... 81***УПРАВЛЕНИЕ ПРЕДПРИЯТИЯМИ****ИНТЕГРАЦИЯ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО ИСКУССТВА**

*В РЕКЛАМНЫЙ ПЛАКАТ: КОММУНИКАТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ И
КРИТЕРИИ ЭФФЕКТИВНОСТИ*

Гриненко Алена Дмитриевна..... 91

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

*ЧРЕЗВЫЧАЙНЫЕ СИТУАЦИИ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ
УЧРЕЖДЕНИЯХ И ПОДГОТОВКА К НИМ*

Дзаурова Макка Хизировна..... 102

*МЕТОДИКА ПРИМЕНЕНИЯ ГЕНЕРАТИВНОГО ИСКУССТВЕННОГО
ИНТЕЛЛЕКТА В ОБУЧЕНИИ ПРОЕКТИРОВАНИЮ*

АНИМАЦИОННОГО ФИЛЬМА

Ермакова Ираида Геннадьевна 109

*ФОРМИРОВАНИЕ НРАВСТВЕННЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ МЛАДШИХ
ШКОЛЬНИКОВ ПРИ ИЗУЧЕНИИ РУССКИХ НАРОДНЫХ СКАЗОК*

Федорович А.В..... 124

*ИСПОЛЬЗОВАНИЕ НЕЙРОСЕТЕВЫХ МОДЕЛЕЙ В ОБУЧЕНИИ
ФИЗИКЕ: ОТ АВТОМАТИЗАЦИИ ПРОВЕРКИ ЗАДАЧ*

К ПЕРСОНАЛЬНЫМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫМ ТРАЕКТОРИЯМ

Яковец Арина Видадиевна..... 128

ФИЗИКО-МАТЕМАТИЧЕСКИЕ НАУКИ

*ПРИМЕНЕНИЕ МАТРИЧНОГО АППАРАТА В ЭКОНОМИЧЕСКИХ
РАСЧЁТАХ НА ПРИМЕРЕ ПРОСТЕЙШЕЙ МОДЕЛИ*

МЕЖОТРАСЛЕВОГО БАЛАНСА

Жигайлова Алина Дмитриевна..... 137

ХИМИЧЕСКИЕ НАУКИ

СОРБЦИОННАЯ ОЧИСТКА ВОДЫ В УСЛОВИЯХ

С ВЫСОКОВЯЗКИМИ НЕФТЕПРОДУКТАМИ НА ПРИМЕРЕ

ГОРОДА-КУРОРТА АНАПА

Дугиев Адам Юнусович

Торихоев Магомед Батырбекович..... 144

ТЕХНИЧЕСКИЕ НАУКИ

СОВРЕМЕННЫЕ СТРАТЕГИИ И МЕТОДЫ ЭНЕРГОЭФФЕКТИВНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА ЗДАНИЙ

Мягкова Мария Юрьевна 151

ОБЗОР СОВРЕМЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ОБЛАСТИ КРЕПЛЕНИЯ СКВАЖИН

Репалов Данил Валерьевич

Чашемов Довран

Уметалиев Эмир Нурбекович..... 157

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ИГРОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ФОРМИРОВАНИИ АДЕКВАТНОЙ САМООЦЕНКИ У ДЕТЕЙ СТАРШЕГО ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА: ТЕОРЕТИКО-ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Обрывко Елена Александровна 162

СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЕ НАУКИ

ВАЙДА КРАСИЛЬНАЯ КАК МЕДОНОСНОЕ И КОРМОВОЕ РАСТЕНИЕ

Тришина Ольга Николаевна..... 170

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

ПРОБЛЕМЫ АНТИКОРРУПЦИОННОГО ВОСПИТАНИЯ МОЛОДЕЖИ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ В СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ

Турсунбаева Зарина Муратбековна 174

ФИЗИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА. СПОРТ

ИСТОРИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО СПОРТА И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Хакиева Милана Султановна 179

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 351.74:355.45(47+57)

ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ МОРАЛЬНО- ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ РАБОТЫ В СИСТЕМЕ НКВД СССР В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ И В 1946 Г.

Абдухаликов Мурад Магомедович

магистрант

Научный руководитель: Небратенко Геннадий Геннадьевич,

д.ю.н., профессор

ФГКОУ ВО «Ордена Трудового Красного Знамени Академия управления

Министерства внутренних дел Российской Федерации»,

город Москва

***Аннотация.** В статье рассматривается исторический опыт организации морально-психологической работы в системе НКВД СССР в годы Великой Отечественной войны и в первый послевоенный период. Особое внимание уделяется тому, как мобилизационный характер воспитательной работы, опора на дисциплину, политико-воспитательное воздействие и сплочение личного состава способствовали устойчивому функционированию органов НКВД и выполнению служебно-боевых задач. Отмечается, что данный опыт имеет значение и для современных органов внутренних дел, действующих в условиях внешней военно-политической угрозы, повышенной нагрузки, кадрового дефицита и необходимости поддержания моральной устойчивости сотрудников.*

This article examines the historical experience of organizing moral and psychological work within the NKVD of the USSR during the Great Patriotic War and the immediate postwar period. Particular attention is paid to how the mobilization-

based nature of educational work, reliance on discipline, political and educational influence, and personnel cohesion contributed to the stable functioning of NKVD agencies and the fulfillment of service and combat missions. It is noted that this experience is also relevant for modern internal affairs agencies operating under conditions of external military and political threats, increased workload, personnel shortages, and the need to maintain the morale of their employees.

Ключевые слова: НКВД СССР, Великая Отечественная война, морально-психологическая работа, воспитательная работа, кадровая работа, дисциплина, мобилизационное управление, органы внутренних дел

Keywords: NKVD of the USSR, the Great Patriotic War, moral and psychological work, educational work, personnel work, discipline, mobilization department, internal affairs agencies

Создание НКВД СССР в 1934 г. ознаменовало собой качественно новый этап в развитии системы органов внутренней безопасности Советского государства [1]. Объединение в рамках одного ведомства функций государственной безопасности, охраны общественного порядка, борьбы с преступностью, управления исправительно-трудовой системой и внутренними войсками обусловило резкое возрастание значения кадровой работы как элемента государственного управления.

Исторический опыт свидетельствует о том, что органы внутренних дел неоднократно функционировали в условиях резкого усложнения оперативной обстановки, дефицита кадровых ресурсов и необходимости мобилизационного управления. В предвоенные годы и в период Великой Отечественной войны система НКВД СССР действовала в условиях масштабных политических, социальных и военных вызовов, что потребовало формирования особой модели кадровой работы, ориентированной на централизованное управление, ускоренное комплектование и обеспечение дисциплины и управляемости личного состава. При этом, особо подчеркнем, Народный комиссариат внутренних дел СССР в период Великой Отечественной войны внес ощутимый вклад в достижение Победы над немецко-фашистскими захватчиками, исполняя

функции, присущие в настоящее время различным министерствам и ведомствам [2].

В годы Великой Отечественной войны морально-психологическая работа в системе НКВД СССР приобрела выраженный мобилизационный характер. В условиях постоянной перегрузки, кадровых потерь и расширения служебных задач руководство органов внутренних дел стремилось прежде всего обеспечить управляемость подразделений, поддержание дисциплины и готовность личного состава к выполнению приказов в чрезвычайной обстановке.

В. Ю. Новожилов отмечает, что воспитательная работа в войсках НКВД в этот период включала партийно-политическое, агитационно-пропагандистское, культурно-просветительное и культурно-массовое направления [3]. С началом войны была перестроена и сама система политической работы: в войсках вводились военные комиссары, политруки, создавались политические отделы, а позднее ответственность за состояние воспитательной работы была возложена на командиров и их заместителей по политической части. Это показывает, что морально-психологическое обеспечение рассматривалось как часть общего механизма управления войсками и поддержания их устойчивости.

Основное внимание уделялось агитационно-массовой работе. Через политзанятия, собрания, инструктажи, красноармейские газеты, клубы, кинофильмы и выступления агитбригад личному составу разъяснялись задачи военного времени, формировались установки на дисциплину, стойкость и личную ответственность за выполнение служебных обязанностей. Важную роль играла и фронтовая печать, в которой публиковались материалы о героизме сотрудников, опыте службы и необходимости поддержания высокой боевой готовности.

Вместе с тем А. А. Резников обращает внимание на то, что в условиях длительного чрезвычайного режима воспитательная работа всё больше подчинялась задачам обеспечения дисциплины и управляемости. По его мнению, это постепенно приводило к сужению её содержания преимущественно до нормативно-контрольных и мобилизационных форм воздействия [4]. Такой

подход был во многом обусловлен условиями военного времени, однако он неизбежно усиливал административно-дисциплинарный характер морально-психологической работы. То есть в работах, посвящённых истории воспитательной работы НКВД, основной акцент обычно делается на её мобилизационной эффективности и способности поддерживать моральный дух личного состава. Однако за внешней устойчивостью системы скрывались серьёзные проблемы, связанные с переутомлением сотрудников, постоянным психологическим напряжением и высокой интенсивностью службы. Массовые формы идеологического воздействия и дисциплинарного контроля далеко не всегда учитывали реальное состояние сотрудников и их эмоциональное истощение.

Фактически воспитательная работа в годы войны всё больше сводилась к обеспечению дисциплины, подчинения и способности выполнять задачи вне зависимости от нагрузки. Такая модель действительно позволяла удерживать систему в рабочем состоянии даже в тяжёлых условиях войны. Однако психологические последствия длительного чрезвычайного режима накапливались постепенно и долгое время оставались скрытыми.

После окончания войны данные проблемы проявились значительно острее. В 1946 г. органам НКВД пришлось решать уже другие задачи: адаптацию сотрудников к мирному времени, восстановление нормального режима службы и стабилизацию кадрового состава. При этом многие методы, сложившиеся в военный период, продолжали сохраняться. Жёсткий стиль управления, ускоренный порядок принятия решений и постоянная мобилизационная готовность воспринимались как привычная норма служебной деятельности.

Кроме того, у части сотрудников стали проявляться признаки профессионального истощения и психологической усталости, накопившиеся за годы войны. Это осложняло восстановление устойчивой кадровой системы и требовало постепенного изменения подходов к воспитательной работе. В результате морально-психологическая работа в послевоенный период начала постепенно переходить от преимущественно мобилизационных форм

воздействия к более стабильным методам поддержания дисциплины и служебной мотивации.

Таким образом, морально-психологическая работа в системе НКВД СССР в 1941–1946 гг. сыграла важную роль в обеспечении функционирования органов внутренних дел в условиях войны. Вместе с тем её преимущественно дисциплинарный и мобилизационный характер имел и негативные последствия, проявившиеся уже после окончания боевых действий. Это показывает, что военная модель воспитательной работы была эффективна как временная мера, но в мирных условиях требовала постепенной перестройки и адаптации к новым задачам кадровой политики.

Военный и первый послевоенный этапы выявили не только эффективность данной модели в условиях чрезвычайного режима, но и её ограничения. Сохранение мобилизационных и приказных подходов в 1946 г. затруднило переход к плановой и формализованной системе кадрового регулирования, что обусловило возникновение устойчивых кадровых, правовых и морально-психологических проблем. Данный исторический опыт представляет особый научный и практический интерес в контексте современных вызовов, когда органы внутренних дел вновь функционируют в условиях повышенной нагрузки и необходимости сочетания чрезвычайных и плановых механизмов кадрового управления.

Обращение к указанным вопросам позволяет по-новому взглянуть на развитие кадровой работы в системе НКВД СССР. Речь идёт не столько о последовательной эволюции, сколько о выявлении устойчивых управленческих решений, часть из которых сохраняет значение и сегодня.

Список литературы

1. Кузьминых А. Л. Эволюция системы НКВД-МВД СССР (1934-1956 гг.) / Пенитенциарная наука, 2010. - с. 71.
2. Небрятенко Г. Г., Грибунов О. П., Яценко О. В. О вкладе НКВД СССР в достижение победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов /

Сибирский юридический вестник. - № 2. - (109). - 2025. - с. 4.

3. Новожилов В. Ю. Исторический опыт организации и проведения воспитательной работы в войсках НКВД в годы Великой Отечественной войны / Власть, № 10, 2014. - с. 171.

4. Резников А. А. Структура и кадровая политика органов внутренних дел СССР в 1945–1953 гг.: диссертация ... кандидата исторических наук: 07.00.02 / Резников Алексей Анатольевич; [Место защиты: Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова]. - Москва, 2012. - 178 с.

УДК 347

**СЕМЕЙНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
РОДИТЕЛЕЙ ЗА ВРЕД, ПРИЧИНЁННЫЙ
НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ ДЕТЬМИ: ТЕОРИЯ, ИСТОРИЯ И
СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ**

Давлетбакова Диана Разилевна

аспирант кафедры гражданского права

ФГБОУ ВО «Московский государственный университет

имени М. В. Ломоносова», город Москва

Аннотация. В статье исследуются семейно-правовые аспекты ответственности родителей за вред, причинённый их несовершеннолетними детьми. Рассматривается место данного института в системе семейного права, анализируется правовая природа родительских обязанностей по воспитанию, надзору и защите прав ребёнка, закреплённых в статьях 63–65 Семейного кодекса Российской Федерации. Проводится историко-правовой анализ эволюции данного института от дореволюционного до современного российского права. Осуществляется сравнительно-правовое исследование подходов Германии, Франции, Великобритании и США. На основе зарубежной судебной практики формулируются критерии надлежащего надзора за несовершеннолетними. Делается вывод о том, что ответственность родителей является прежде всего ответственностью за собственную вину — ненадлежащее исполнение семейно-правовых обязанностей.

Ключевые слова: семейное право; ответственность родителей; вред, причинённый несовершеннолетними; надзор за детьми; воспитание; гражданско-правовая ответственность; сравнительное право

Abstract. The article examines the family law aspects of parental liability for

harm caused by minor children. It explores the position of this institution within the family law system, analyses the legal nature of parental duties regarding upbringing, supervision, and protection of children's rights under Articles 63–65 of the Family Code of the Russian Federation. A historical and legal analysis of the evolution of this institution from pre-revolutionary to modern Russian law is conducted. A comparative legal study of approaches adopted in Germany, France, the United Kingdom, and the United States is carried out. Based on foreign case law, criteria for adequate supervision of minors are formulated. The conclusion is drawn that parental liability is primarily liability for one's own fault — the improper discharge of family law obligations.

Keywords: *family law; parental liability; harm caused by minors; supervision of children; upbringing; civil liability; comparative law*

Проблема ответственности родителей за вред, причинённый несовершеннолетними детьми, представляет собой одну из наиболее сложных и многогранных проблем в праве. Данный вопрос находится на пересечении нескольких отраслей: семейного, гражданского, административного и уголовного права. Вместе с тем истоки данной ответственности коренятся именно в семейном праве — в нём заложены сущность, смысл и философия данного института, поскольку основание возложения ответственности на родителей состоит в нарушении ими семейно-правовых обязанностей [1, с. 13].

Актуальность темы обусловлена необходимостью защиты интересов третьих лиц, пострадавших от действий несовершеннолетних, и одновременно — защиты прав родителей и детей. В современной российской практике нередко возникают сложности с определением оснований и пределов ответственности, что требует глубокого теоретического анализа и обращения к зарубежному опыту. Правовая норма должна устанавливать справедливый баланс интересов: защищать потерпевших и при этом не возлагать на семью несоразмерное бремя [2, с. 38].

1. Место института родительской ответственности в семейном праве

Семейное право охватывает наиболее личные отношения между людьми: брак, родство, воспитание детей, опеку. По определению выдающегося учёного

Е. М. Ворожейкина, семейное право представляет собой совокупность правовых норм, регулирующих личные неимущественные и имущественные отношения, возникающие между членами семьи [1, с. 13]. Институт ответственности родителей занимает центральное место в этой системе, поскольку связан с исполнением родителями обязанностей перед детьми и обществом.

Е. М. Ворожейкин справедливо отмечал, что семейные отношения характеризуются особой структурой, в которой личные неимущественные отношения играют доминирующую роль, однако неразрывно связаны с имущественными элементами [1, с. 53]. Ответственность родителей за вред, причинённый детьми, демонстрирует эту взаимосвязь: семейная обязанность по воспитанию и надзору переходит в имущественное обязательство — возмещение вреда.

Принципиально важно, что ответственность родителей не является ответственностью за действия третьих лиц в чистом виде. Это прежде всего ответственность за собственные действия, то есть за ненадлежащее исполнение семейных обязанностей. Именно семейное право закладывает основания данной ответственности, а гражданское право лишь закрепляет её механизм [3, с. 38].

2. Правовая природа и содержание обязанностей родителей (ст. 63–65 СК РФ)

Обязанности родителей представляют собой сложный комплекс юридически закреплённых требований, направленных на обеспечение воспитания, образования и защиты прав несовершеннолетнего ребёнка. В научной литературе выделяются три ключевых аспекта: личный (неимущественный), имущественный и правозащитный [4, с. 130].

Статья 63 Семейного кодекса Российской Федерации устанавливает: «Родители имеют право и обязаны воспитывать своих детей». Воспитание в контексте семейного права — это не просто физическое содержание ребёнка, но формирование его личности, передача нравственных ценностей, обучение ответственному поведению. Если ребёнок причинил вред третьему лицу, это может свидетельствовать о ненадлежащем исполнении родителем обязанности по воспитанию.

Статья 65 Семейного кодекса Российской Федерации прямо предусматривает: «Родители, осуществляющие родительские права в ущерб правам и интересам детей, несут ответственность в установленном законом порядке». Данная норма подтверждает, что ответственность родителей перед третьими лицами прямо вытекает из ненадлежащего воспитания ребёнка.

3. Исторический аспект развития института

В древних обществах (Рим, Греция) родительская власть была абсолютной. Дореволюционное русское право сохраняло значительные полномочия отца. Советское право совершило радикальный сдвиг: Кодекс законов о семье, браке и опеке 1918 года отменил категорию «родительской власти» и заменил её на «родительские права и обязанности». Е. М. Ворожейкин писал: «Советское семейное право полностью отвергает концепцию родительской власти как абсолютного и безграничного права» [1, с. 100].

В советский период статья 9 Гражданского кодекса РСФСР 1922 года закрепила ответственность несовершеннолетних лиц, достигших четырнадцати лет, за причинённый вред. Уже в 1935 году была введена материальная ответственность родителей за действия несовершеннолетних [5]. В 1963 году Верховный суд СССР подтвердил субсидиарный характер такой ответственности: взыскание на имущество родителей обращается лишь при недостаточности средств несовершеннолетнего [6].

Гражданский кодекс РСФСР 1964 года установил презумпцию вины родителей и определил основания прекращения их дополнительной ответственности. Современный Гражданский кодекс Российской Федерации в статьях 1073–1074 воспринял эту конструкцию, сохранив ключевые принципы: презумпцию вины родителей для малолетних (до 14 лет) и субсидиарную ответственность в отношении несовершеннолетних от 14 до 18 лет.

4. Критерии надлежащего надзора: зарубежный опыт

Российский Семейный кодекс не содержит детального определения надлежащего исполнения обязанностей по воспитанию и надзору, что создаёт правовую неопределённость. Обращение к зарубежной судебной практике позволяет

выработать соответствующие критерии.

В германском праве обязанность надзора (§ 832 ГГУ) является частью общей обязанности родителей проявлять заботу. Суды исходят из принципа разумности: чем больше вероятный ущерб, тем выше стандарт осмотрительности. Релевантными факторами являются возраст, характер и склонность ребёнка к противоправным действиям [7, р. 242]. Непрерывный надзор не требуется — достаточно принять меры, соответствующие конкретным обстоятельствам.

Французское право прошло путь от ответственности, основанной на вине, к строгой ответственности родителей. После знаменитого решения по делу *The Bertrand Decision* (1997) Кассационный суд Франции постановил, что ответственность родителей по статье 1384 Французского гражданского кодекса (ныне — статья 1242) не основывается на обязанностях по надзору и воспитанию, а является ответственностью без вины. Единственными основаниями для освобождения остаются форс-мажор и вина потерпевшего [8, р. 214].

В странах общего права (Великобритания, Австралия) отсутствует автоматическая ответственность родителей. Применяется принцип *negligence*: необходимо доказать, что родитель был обязан осуществлять надзор, нарушил эту обязанность, и нарушение повлекло вред. В деле *Smith v Leurs* (1945) было сформулировано правило об «особых отношениях», порождающих обязанность контроля. Возраст несовершеннолетнего является ключевым фактором: в деле *North v Wood* суд отказал в иске, поскольку 17-летняя девушка была признана достаточно зрелой для самостоятельного контроля [9, р. 28].

5. Теоретические основы и практика применения ст. 1073–1074 ГК РФ

Согласно статье 1073 Гражданского кодекса Российской Федерации, вред, причинённый малолетним, возмещается его родителями, если они не докажут, что вред возник не по их вине. Данная норма закрепляет презумпцию вины родителей, понимаемой как ненадлежащий надзор или воспитание. Логика нормы обусловлена отсутствием у малолетнего дееспособности для самостоятельного возмещения вреда [3, с. 38].

Статья 1074 Гражданского кодекса Российской Федерации устанавливает,

что несовершеннолетний в возрасте от 14 до 18 лет самостоятельно несёт ответственность на общих основаниях. Родители привлекаются к субсидиарной ответственности при недостаточности имущества несовершеннолетнего, а также совместно с ним — если суд установит ненадлежащее исполнение обязанностей по контролю. Российское право таким образом сочетает элементы континентальной модели с отдельными чертами общеправового подхода.

С. Н. Братусь справедливо указывал, что гражданская ответственность выполняет не только карательную, но и компенсационную функцию, обеспечивая справедливое распределение рисков [3, с. 40]. Возложение ответственности на родителей служит интересам как защиты нарушенного права потерпевшего, так и стимулирования надлежащего воспитания детей.

Заключение

Семейно-правовые аспекты ответственности родителей за вред, причинённый несовершеннолетними детьми, занимают особое место в правовой системе. Ответственность родителей является прежде всего ответственностью за собственную вину — ненадлежащий уровень заботы, воспитания и надзора. Сравнительно-правовой анализ позволяет выделить ключевые критерии надлежащего надзора: возраст ребёнка, его характер и склонности, характер опасных предметов, контекст ситуации. Различные правовые порядки по-разному распределяют бремя доказывания: от строгой ответственности родителей во Франции до необходимости доказывания их вины потерпевшим в странах общего права.

Российское право тяготеет к континентальной модели: статья 1073 Гражданского кодекса Российской Федерации закрепляет презумпцию вины родителей малолетних, статья 1074 допускает их привлечение к субсидиарной ответственности за действия несовершеннолетних от 14 до 18 лет. Развитие критериев надлежащего надзора в российской судебной практике является актуальной задачей, требующей дальнейшего теоретического осмысления и законодательного совершенствования.

Список литературы

1. Ворожейкин Е. М. Семейные правоотношения в СССР. — М.: Юрид.

лит., 1972. — 366 с.

2. Нечаева А. М. Семейное право: Курс лекций. — М.: Издательство МГУ, 1998. — 322 с.

3. Братусь С. Н. Ответственность по советскому гражданскому праву. — М.: Госюриздат, 1950. — 495 с.

4. Нечаева А. М. Семейное право: Курс лекций. — М.: Издательство МГУ, 1998. — С. 130–145.

5. Постановление СНК СССР, ЦК ВКП(б) от 31 мая 1935 г. «О ликвидации детской беспризорности и безнадзорности» / СПС «КонсультантПлюс».

6. Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 23 октября 1963 г. № 16 «О судебной практике по искам о возмещении вреда» / СПС «КонсультантПлюс».

7. Wagner G. Children as tortfeasors under German law / Children in Tort Law Part I: Children as Tortfeasors / Ed. M. Martín-Casals. — 2007. — P. 230–260.

8. Giliker P. Vicarious liability in tort: a comparative perspective. — Cambridge: Cambridge University Press, 2010. — 265 p.

9. McIvor C. Third Party Liability in Tort. — Oxford: Hart Publishing, 2006. — 210 p.

10. Флейшиц Е. А. Обязательства из причинения вреда и из неосновательного обогащения. — М.: Госюриздат, 1951. — 240 с.

11. Моисеева О. В. Основание и проблемы субсидиарной ответственности родителей за вред, причинённый несовершеннолетними от 14 до 18 лет / Юрист. — 2021. — № 6. — С. 1–8.

12. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ / СПС «КонсультантПлюс».

13. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ / СПС «КонсультантПлюс».

УДК 341.4

**КОНФЛИКТЫ УГОЛОВНЫХ ЮРИСДИКЦИЙ
МЕЖДУ ГОСУДАРСТВАМИ****Семенова Ангелина Олеговна**

магистрант

ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»,
город Саратов

Аннотация. Статья посвящена анализу проблемы конфликтов уголовной юрисдикции в международном праве. Уголовная юрисдикция в системе международного права представляется собой многослойный процесс, включающий нормативное определение, фактическое подтверждение и процессуальную легитимацию. Данная статья проводит анализ конфликтов уголовной юрисдикции и судебной практики. Цель исследования – определить проблемы и практические казусы в контексте расследования и преследования лиц, причастных к совершению международных преступлений.

The article is devoted to an analysis of the problem of conflicts of criminal jurisdiction in international law. Criminal jurisdiction in the system of international law is a multilayered process that includes normative definition, factual confirmation and procedural legitimization. This article analyzes the conflicts between criminal jurisdiction and judicial practice. The aim of the study is to identify problems and excesses in the context of investigating and prosecuting persons involved in international crimes.

Ключевые слова: Международное уголовное право, конфликты юрисдикций, международное сообщество, геноцид, преступления против человечности, территориальный принцип, персональный принцип, универсальный принцип, иммунитет, юрисдикция

Keywords: *International criminal law, conflicts of jurisdiction, international community, genocide, crimes against humanity, territorial principle, personal principle, universal principle, immunity, jurisdiction*

Современная система международного уголовного права характеризуется комплексностью и постоянным развитием. Одним из наиболее острых и дискуссионных вопросов является проблема конфликтов юрисдикций, возникающих в контексте расследования и преследования лиц, причастных к совершению международных преступлений, таких как геноцид, преступления против человечности и военные преступления. Специфика этих правонарушений, затрагивающих фундаментальные интересы всего международного сообщества, зачастую приводит к тому, что несколько государств одновременно заявляют о своем праве осуществлять правосудие в отношении одного и того же деяния и лица [1]. Недостаточная унификация подходов к разрешению подобных коллизий, отсутствие консолидированного международного консенсуса и, как следствие, затрудненность достижения равноправного диалога между государствами, порождают значительные препятствия на пути к эффективному правоприменению и, как следствие, к обеспечению неотвратимости наказания [2].

Источниками конфликтов юрисдикций в международном уголовном праве выступают основополагающие принципы установления национальной юрисдикции, каждый из которых, в свою очередь, является легитимным основанием для преследования. Ключевыми среди них являются: территориальный принцип (преступление совершено на территории государства), персональный принцип (гражданство преступника или потерпевшего), универсальный принцип (юрисдикция устанавливается вне связи с территорией или гражданством, исходя из особой тяжести преступления) [3].

Анализ судебной практики и дипломатических нот наглядно демонстрирует сложность урегулирования подобных коллизий. Одним из таких примеров является дело Бельгия vs. ДР Конго (дело «Йеродиа» в МС ООН, 2000-2002). Бельгия, на основе своего закона об универсальной юрисдикции, возбудила уголовное дело против министра иностранных дел ДР Конго Абдулайе Йеродиа.

Конго обжаловало это в Международном Суде ООН, утверждая, что Йеродиа обладал иммунитетом как действующий высокопоставленный государственный чиновник. МС ООН согласился с Конго, указав, что универсальная юрисдикция не отменяет иммунитеты должностных лиц в период исполнения ими функций. Этот случай высветил конфликт между принципом универсальной юрисдикции и нормами государственного иммунитета.

Также в качестве примера можно рассмотреть дело: Испания vs. Чили и Великобритания (дело Аугусто Пиночета, 1998-2000). Испанские суды, используя универсальную юрисдикцию, запросили экстрадицию бывшего чилийского диктатора Аугусто Пиночета из Великобритании по обвинениям в пытках. Чили настаивала на своей юрисдикции как государства гражданства обвиняемого и места совершения преступлений. Великобритании, как государству на территории которого находился Пиночет, пришлось решать, чью юрисдикцию признать. Палата лордов Великобритании постановила, что Пиночет не обладает иммунитетом от преследования за пытки (как за преступление по международному договору) и его можно экстрадировать. В итоге он был отпущен по медицинским соображениям. Этот прецедент ослабил иммунитет бывших глав государств за международные преступления [4].

США часто заявляют юрисдикцию над своими военнослужащими, обвиняемыми в преступлениях за рубежом, на основе принципа гражданства (США vs. Афганистан/Ирак). Это входит в противоречие с требованием государств, на чьей территории произошел инцидент, осуществлять свое территориальное правосудие. Аналогично, применение США Закона о защите прав жертв пыток (Alien Tort Statute) к иностранным гражданам за действия, совершенные за пределами США, вызывает дипломатические протесты (дело *Filártiga v. Peña-Irala*) как чрезмерно широкое применение универсального принципа.

Разрешение конфликтов часто происходит через дипломатические каналы, принцип *aut dedere aut judicare* («выдай или суди») и, в крайнем случае, через обращение в международные суды.

Эти конфликты демонстрируют напряженность между стремлением к

борьбе с безнаказанностью и уважением к государственному суверенитету и иммунитетам. Преодоление конфликта юрисдикций возможно только при условии взаимного желания государств преодолеть противоречия международных норм. Устранение правовых коллизий осуществляется через принятие обновленных международных нормативно-правовых актов и гармонизацию национального законодательства. Государствами создаются специальные комиссии по приведению в соответствие норм национального права международным требованиям.

Таким образом, современное международное уголовное право предстает как динамичное поле, где стремление к справедливости и неотвратимости наказания за тяжчайшие преступления сталкивается с давними принципами государственного суверенитета и иммунитетов. Проблема конфликтов юрисдикций, порожденная многообразием и зачастую противоречивым применением основополагающих принципов национальной юрисдикции, является одним из наиболее коварных вызовов на пути к построению эффективной системы международного правосудия.

Анализ прецедентов, таких как дела Йеродиа и Пиночета, а также практика США, наглядно демонстрирует, что ни один принцип юрисдикции – будь то территориальный, персональный или универсальный – не является абсолютным. Они вступают в сложные взаимоотношения, где вопросы иммунитетов должностных лиц и бывших глав государств, а также границы применения экстра-территориальных законов, требуют тонкого балансирования и поиска консенсуса.

Решение подобных коллизий – это не столько правовая, сколько политическая задача, требующая не только совершенствования международных норм и гармонизации национальных законодательств, но и, что самое главное, подлинного дипломатического диалога и взаимного стремления государств к преодолению существующих противоречий. Только в условиях такого взаимодействия, основанного на принципе "выдай или суди", возможно последовательное движение к цели обеспечения неотвратимости наказания для тех, кто совершает преступления против всего человечества.

Список литературы

1. Беляев С. А. Коллизии юрисдикций в международном уголовном праве: теория и практика. – М.: Статут, 2020. – 318 с.
2. Cryer R., Robinson D., Vasiliev S. An Introduction to International Criminal Law and Procedure. – 5th ed. – Cambridge: Cambridge University Press, 2022. – 680 p.
3. Решетникова И. В. Дело «Йеродиа» в Международном Суде ООН: иммунитет vs. универсальная юрисдикция / Вестник международных организаций. – 2021. – № 4. – С. 78–94.
4. Филиппов А. Г. Дело Пиночета: крах иммунитета бывших глав государств? / Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2020. – № 5. – С. 34–49.
5. Лукашук И. И. Международное уголовное право: учебник. – 3-е изд. – М.: Волтерс Клувер, 2021. – 540 с.

УДК 340

**ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ОТКАЗА ОТ ИСКА,
ИЗМЕНЕНИЯ ИСКА И МИРОВОГО СОГЛАШЕНИЯ
КАК СРЕДСТВ ЗАЩИТЫ СУБЪЕКТИВНОГО ПРАВА ИСТЦА**

Яновская Анастасия Руслановна

магистрант

Научный руководитель: Ефимова Юлия Владимировна,

к.ю.н., доцент

ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»,

город Саратов

***Аннотация.** В статье рассматриваются вопросы реализации истцом права на распоряжение средствами защиты нарушенных субъективных прав в гражданском судопроизводстве, а целью является их теоретико-правовой анализ с точки зрения принципа диспозитивности.*

***Abstract.** The article examines the implementation of the plaintiff's right to dispose of means of protection for infringed subjective rights in civil proceedings. The objective of the study is a theoretical and legal analysis of these means through the lens of the principle of dispositivity.*

***Ключевые слова:** гражданский процесс, диспозитивность, изменение иска, отказ от иска, мировое соглашение, судебная защита*

***Keywords:** civil procedure, dispositivity, amendment of a claim, withdrawal of a claim, settlement agreement, judicial protection*

Актуальность исследования вопросов, связанных с распоряжением средствами защиты субъективных прав истцом, обусловлена необходимостью достижения баланса между автономией воли сторон и обеспечения законности и стабильности рассмотрения дел в целом. Указанные права истца являются

неотъемлемой составляющей гражданского процесса, оказывающей существенное влияние на результативность судебной защиты интересов участников правоотношений. Исследование данной проблематики представляется необходимым ввиду развития судебной практики, а также объективной необходимости уточнения процедур, направленных на эффективное урегулирование споров без излишних временных и материальных затрат.

Принцип диспозитивности, выступая одним из главных начал гражданского процессуального законодательства, предоставляет участникам спора широкие полномочия по самостоятельному определению судьбы принадлежащих им материальных и процессуальных прав, а его суть «заключается в определении основной цели и предмета иска, его применение, а также урегулирование объема требований» [1, с. 310], так, в соответствии со ст. 39 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, истец обладает исключительным правом распоряжения средствами защиты нарушенного субъективного права, что реализуется путем изменения основания либо предмета иска, увеличения или уменьшения размера исковых требований, либо полного отказа от иска [2]. Осуществление данных процессуальных действий напрямую влияет на осуществление судопроизводства, определяя его направленность, объем судебной защиты и итоговый результат.

Изменение иска возможно в двух формах: изменение предмета или основания иска, причем необходимо обратить внимание на следующее: «Приставка «или» очень важная в данном контексте, так как ограничивает вносимые изменения или одним или другим пунктом» [3, с. 524]. Под основанием иска следует понимать «юридический факт и закон, который определяет возникновение, изменение или прекращение прав и обязанностей субъектов спорного материального правоотношения» [4, с. 49]. Предмет иска представляет собой «указанное истцом субъективное право, о котором он просит суд вынести решение, т. е. предположительно существующее или отрицаемое им спорное материальное правоотношение» [5, с. 149].

Если истец хочет изменить основание или предмет иска, он должен подать

ходатайство, которое должно быть мотивированным, т. е. в нем должны быть указаны обоснования изменений. Если изменения не нарушают права сторон и не выходят за пределы спорного правоотношения, суд удовлетворяет ходатайство.

Отметим позицию Верховного Суда РФ (далее – ВС РФ), который указал, что изменение иска является правом именно истца и суд не может изменять его по своему усмотрению, даже если данное действие сделано во благо стороны спора. Из рассмотренного дела следует, что в доме, в котором проживал истец, произошло затопление, из-за чего он обратился к управляющей компании с рядом требований: возмещение ущерба, расходы на аренду жилья, поскольку не мог пользоваться своим из-за затопления, экспертизу, компенсацию морального вреда и неустойку по ст. 23 Закона «О защите прав потребителей» за просрочку удовлетворения претензии и штраф в 50% [6].

Суд первой инстанции удовлетворил иск частично: был возмещен ущерб, расходы на проведение экспертизы, неустойка, компенсация морального вреда и штраф за неудовлетворение требований потребителя. Апелляционным судом же решение по большей части было оставлено тем же, но неустойка была заменена на взыскание процентами за пользование чужими средствами по ст. 395 ГК РФ, а также был увеличен размер компенсации морального вреда в 5 раз.

ВС РФ отменил апелляционное и кассационное определения, вернув дело на новое рассмотрение, отметив, что ГПК РФ запрещает апелляционной инстанции изменять предмет иска или его основание по своему усмотрению, выбирать «более эффективный» способ защиты или заменять заявленные требования, например, истец требовал именно неустойку по Закону «О защите прав потребителей», а не проценты по ГК, что является новым основанием, поэтому суд апелляционной инстанции вышел за пределы заявленного требования [6].

Отказ от иска представляет собой волевой акт, посредством которого истец добровольно прекращает реализацию своего права на судебную защиту в рамках конкретного производства. Отказ возможен в судах всех инстанций и, как и изменение, должен быть оформлен в виде заявления, которое может быть подано в

судебное заседание или в письменной форме или удостоверено протоколом судебного процесса, однако в случае упрощенного производства письменная форма обязательна, поскольку дело исследуется без присутствия сторон. При заявлении отказа от иска должны соблюдаться следующие условия: правильность оформления, добровольность отказа, отсутствие нарушения прав иных участников дела. Строгое соблюдение процессуального порядка при принятии судом отказа от иска является обязательным условием законности прекращения производства по делу, в частности, в одном из дел ВС РФ указывал на недопустимость прекращения процесса на основании заявлений, которые не исходили от самой истицы или были поданы при отсутствии надлежащего извещения сторон о времени и месте заседания [7]. ВС РФ отметил, что создание условий полноценного разбирательства в т.ч. включает надлежащее извещение сторон, отсутствие которых нарушает их конституционные права на справедливое судопроизводство [8].

Юридическими последствиями отказа от иска являются:

1. Прекращение производства по делу.
2. Истец утрачивает возможность восстановления аналогичных требований, а ответчик освобождается от обязательств по иску.
3. Истец может вернуть 70% суммы пошлины, если он отказался от иска до вынесения решения суда первой инстанции, и 50% – на стадии рассмотрения дела судом апелляционной инстанции.

Рассмотрим дело, особенность которого состояла в сложности разграничения частичного отказа от иска и уточнения требований, так, истец изначально требовал возврата большей суммы задолженности, однако позже отказался от части требований с учетом частичной выплаты ответчиком, одновременно уточнив наименование ответчика (замена ненадлежащего ответчика на надлежащего) и скорректировав меры компенсации [9].

Суд принял данное изменение как надлежащее и удовлетворил оставшиеся требования.

Мировое соглашение представляет собой обоюдное волеизъявление

сторон, направленное на достижение определенности в правовом конфликте путем самостоятельного урегулирования в досудебном порядке.

Некоторые исследователи отмечают следующее: «В отечественной доктрине существует две школы мысли по вопросу о том, является ли природа мирового соглашения материальной или процессуально-правовой» [10, с. 45-49.]. Материальная сторона проявляется в том, что оно содержит волеизъявление сторон, направленное на установление, изменение или прекращение прав и обязанностей, при этом к нему применяются общие положения Гражданского кодекса Российской Федерации о договорах, включая принцип свободы договора [11], а также имеет место возмездность, которая достигается путем взаимных компромиссов.

Процессуально-правовая черта же проявляется в том, что мировое соглашение превращает сделку в обязательный для сторон процессуальный акт и на его основании прекращается производство по делу.

Список литературы

1. Колганова А. Д. Принцип диспозитивности в гражданском процессе российской федерации / Форум молодых ученых. – 2020. – №6 (46). – С. 309-314.
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 23.03.2026, с изм. от 31.03.2026) / Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 46. – Ст. 4532.
3. Пахомова А. О. Изменение иска. Отказ от иска. Мировое соглашение / Форум молодых ученых. – 2020. – №6 (46). – С. 523-527.
4. Ооржак Ш. Н. Предмет и основание гражданского иска / Вестник магистратуры. – 2022. – №1-2 (124). – С. 49-50.
5. Лебедев, М. Ю. Гражданский процесс: учебник для вузов / М. Ю. Лебедев. – 15-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2026. – 421 с.
6. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 17.02.2026 № 35-КГ25-7-К2. – URL: <https://sudact.ru/vsrf/doc/uYLTcAMMjFUa/> (дата обращения 01.05.2026).

7. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 31.10.2023 N 18-КГ23-135-К4. –URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-grazhdanskim-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-31102023-n-18-kg23-135-k4/> (дата обращения 10.05.2026).

8. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) / Российская газета. – 1993.

9. Решение № 2-2828/2025 2-2828/2025~М-2289/2025 М-2289/2025 от 12 февраля 2026 г. по делу № 2-2828/2025. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/uzolajqdwvg/> (дата обращения 01.05.2026).

10. Мельник С. В., Солдатенкова Н. Ю. Правовая природа мирового соглашения / Вестник Московского университета МВД России. – 2021. – №5. – С. 45-49.

11. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025, с изм. от 25.03.2026) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2025) / Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.

АРХИТЕКТУРА

УДК 712.4

КОНЦЕПЦИЯ БЛАГОУСТРОЙСТВА И ОЗЕЛЕНЕНИЯ ТЕРРИТОРИИ ВНУТРЕННЕГО ДВОРА СИБГИУ «КОМФОРТНАЯ КАМПУС-СРЕДА»

Ашпина Валерия Игоревна

студент 2 курса

Коротких Василина Сергеевна

преподаватель кафедры архитектуры

ФГБОУ ВО «Сибирский государственный индустриальный университет»,

город Новокузнецк

***Аннотация.** В статье представлен концептуальный проект, направленный на создание комфортного, функционального и экономичного общественного пространства для студентов и молодых ученых во внутреннем дворе кампуса СибГИУ. Актуальность обусловлена отсутствием зон для отдыха и учёбы на открытом воздухе. На основе анализа территории предложена концепция гравийного сада с использованием морозостойких, засухоустойчивых растений и малых архитектурных форм (беседки, скамьи, модули, фонари). Проект отличается низкими эксплуатационными затратами и всесезонной декоративностью.*

The article presents a conceptual project aimed at creating a comfortable, functional, and cost-effective public space for students and young scientists in the courtyard of the SibSIU campus. The relevance of the project is due to the lack of outdoor recreation and study areas. Based on the analysis of the territory, a concept of a gravel garden has been proposed, using frost-resistant, drought-tolerant plants and small architectural forms (gazebos, benches, modules, and lanterns). The project features low

maintenance costs and all-seasonal decorative appeal.

Ключевые слова: благоустройство, озеленение, кампус СибГИУ, гравийный сад, малоуходное озеленение, малые архитектурные формы (МАФ), модульные скамьи, дренаж, студенческая среда

Keywords: landscaping, greening, SibGIU campus, gravel garden, low-maintenance greening, small architectural forms (SAF), modular benches, drainage, student environment

Актуальность исследования обусловлена необходимостью решения ключевой проблемы — отсутствия комфортных, функциональных зон для учебы, работы и отдыха на свежем воздухе на территории кампуса СибГИУ. В современной мировой практике качество общественных пространств университета напрямую совпадает с академической успеваемостью, уровнем удовлетворенности студентов и преподавателей, а также с имиджем вуза в целом. Создание такой среды является неотъемлемой частью стратегии развития современного университета, ориентированного на человека. Данный проект направлен на повышение качества жизни и эффективности учебной деятельности студентов и молодых ученых.

Проблематика носит комплексный характер:

Функционально-социальный аспект: Отсутствие в кампусе СибГИУ благоустроенных открытых пространств с необходимой инфраструктурой (скамьи, беседки, освещение) существенно ограничивает возможности для самостоятельной работы, групповых обсуждений, рекреации и неформального общения на свежем воздухе. Это снижает общий комфорт пребывания в университете и потенциал образовательной среды [1].

Ландшафтно-климатический аспект: Существующие территории зачастую не адаптированы к сложным условиям г. Новокузнецк — суровому климату (морозы, перепады температур) и техногенным грунтам (урбанозёмам). Это приводит к быстрой деградации покрытий, вымерзанию растений и, как следствие, неоправданно высоким затратам на поддержание или неприглядному виду пространств вне летнего сезона [2].

Целью исследования является разработка концептуального проекта, направленного на создание комфортной, современной и многофункциональной среды на территории университетского кампуса СибГИУ путем комплексного благоустройства, включающего установку малых архитектурных форм (МАФ) и организацию устойчивого малоуходного озеленения, способствующих отдыху, учебе и социализации студентов и преподавателей.

Для достижения цели были поставлены и последовательно решены следующие **задачи**:

1. Провести комплексный анализ территории кампуса, выявить наиболее подходящие и востребованные места для размещения новых объектов.

2. Разработать концепцию планировки и дизайн-проекты МАФ, учитывающие потребности пользователей, современные эстетические тенденции и жёсткие климатические требования.

3. Определить ассортимент растений и технологию создания малоуходного гравийного сада, адаптированного к местным условиям и образующего декоративный фон для МАФ.

4. Определить объём необходимых материальных и финансовых ресурсов для реализации проекта.

Объектом исследования выступает территория кампуса Сибирского государственного индустриального университета. **Предметом исследования** является процесс проектирования комплексно благоустроенной рекреационной зоны с использованием МАФ и адаптивного озеленения.

Разработанный проект представляет собой готовое, детально проработанное решение для конкретной территории. Его реализация позволит не только ликвидировать дефицит качественных внешних пространств, но и создать экономичную, устойчивую и визуально привлекательную среду, укрепляющую сообщество СибГИУ.

Для благоустройства и озеленения выбрана территория за Храмом Преподобного Сергия Радонежского по адресу Бардина 27. Размер участка 41,2*60,5 метров. На участке присутствуют молодые дубы (рисунок 1), которые являются

ценным биологическим и композиционным ресурсом. Проект должен быть построен вокруг их сохранения и интеграции в новую планировочную структуру.

Рисунок 1 - Расположение существующих насаждений на плане

Территория является частью общественного пространства вуза, что предъявляет требования к ее функциональности, безопасности и круглогодичной эстетике. Необходимо создать зоны, как для спокойного отдыха, так и для транзитного движения.

На основе проведенного анализа для озеленения и благоустройства территории была выбрана концепция малоуходного гравийного сада. Данное решение является прямым и рациональным ответом на выявленные условия и ограничения. Гравийный сад не требует плодородного слоя грунта. Растения высаживаются в локальные посадочные ямы с подготовленным субстратом, что нивелирует проблему урбанозема.

Подобранный ассортимент растений является засухо- и морозоустойчивым. Гравийный слой обеспечивает оптимальный дренаж, предотвращая вымокание, и аккумулирует тепло (рисунок 2). Композиция сохраняет структуру, объем и цветовую гамму даже в зимний период, когда травянистые растения уходят под снег, а хвойные и сухие соцветия продолжают украшать пространство.

Основу озеленения территории составляет гравийный сад (рисунок 3) – устойчивая экосистема, требующая минимального ухода.

Рисунок 2 – Выбранный ассортимент растений

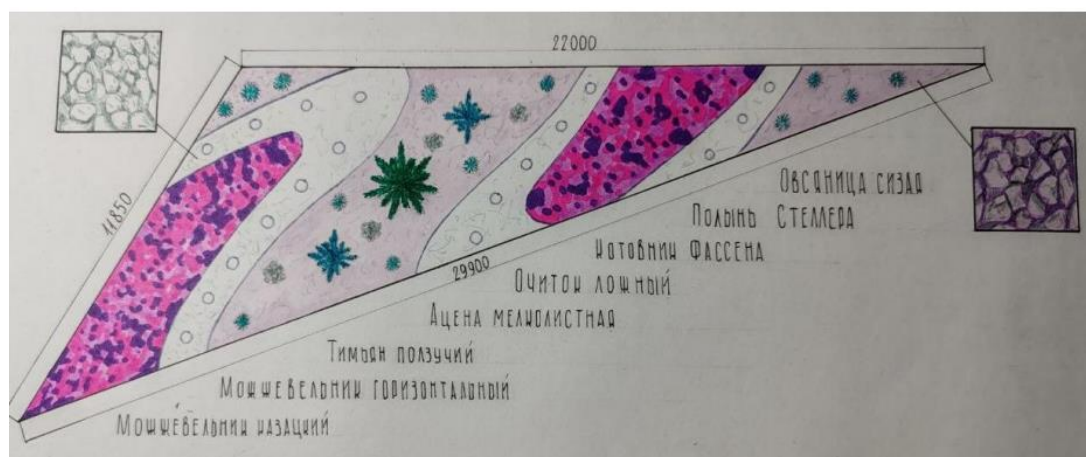

Рисунок 3 - Схема цветника

Под гравийным слоем предусмотрен дренажный слой из щебня фракции 20–40 мм толщиной 15 см, уложенный на геотекстиль. В зонах посадки делаются локальные выемки с заменой грунта на песчано-компостную смесь [3].

Дорожно-тропиночная сеть представлена главными дорогами: ширина: 3,0 м; покрытием: гравийная крошка фракции 5–10 мм, уплотненный на геотекстиле. Обеспечивают доступ для пешеходов и обслуживающей техники. Второстепенными дорожками: ширина: 1,5–2,0 м, аналогичное главным дорогам покрытие, бортовой камень из бетона. Связывают беседки, скамьи и входные узлы.

В концепции схемы генерального плана предусмотрено функциональное зонирование территории с акцентом на современный минималистичный дизайн. Планировочная структура основана на девяти треугольных модулях,

сгруппированных вокруг существующих молодых дубов, что создает ритмичную геометрическую композицию [4].

Объекты благоустройства представлены: беседками (рисунок 4), которые равномерно распределены по периметру для организации мест отдыха; скамейками (рисунок 5) вдоль цветников; урнами возле каждой беседки (рисунок 6); фонарями (рисунок 7), группами модулей (рисунок 8) вокруг существующих дубов крупноплодных; Сеть дорожек связывает все функциональные зоны с учетом транзитных потоков.

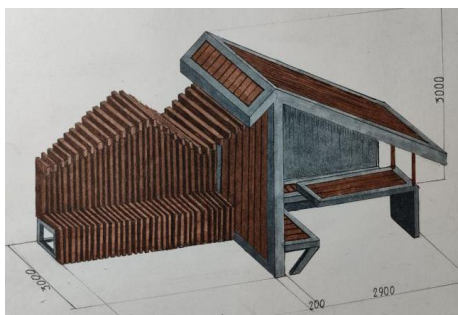

Рисунок 4 - Беседка

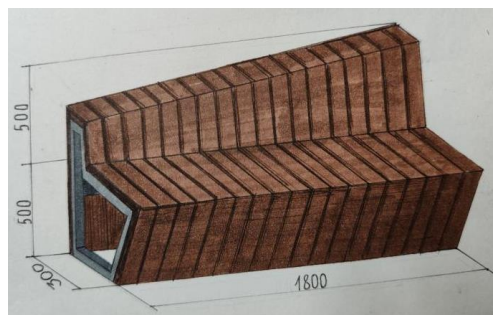

Рисунок 5 - Скамья

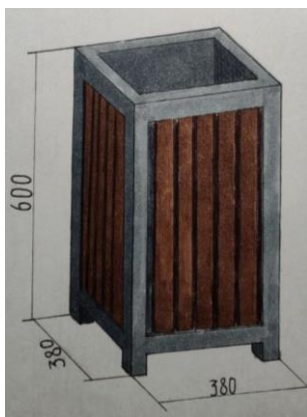

Рисунок 6 - Урна

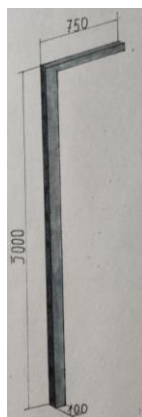

Рисунок 7 - Фонарь

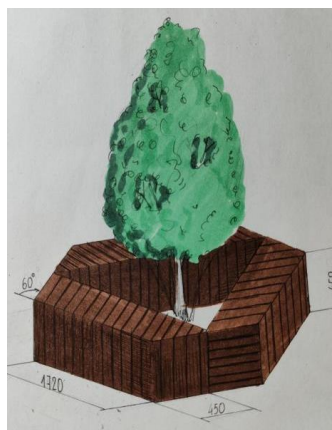

Рисунок 8 - Модули

Продукт исследования представляет собой законченную архитектурно-ландшафтную концепцию благоустройства территории университетского кампуса СибГИУ в г. Новокузнецке. Создание сети пространств разного типа формирует новое качество среды, способствующее повышению социальной активности и качества жизни студентов и сотрудников университета. Проектирование

велось на основе глубокого анализа природно-климатических и контекстуальных условий, что позволило сформировать решения, адекватные вызовам площадки. Функциональность и комфорт обеспечены чётким зонированием на основе модульной структуры, сетью дорожек и расстановкой малых архитектурных форм. Архитектурно-художественная выразительность достигнута за счёт работы лаконичного дизайна МАФ, выполненных в единой стилистике.

Экономическая эффективность заложена на этапе проектного решения: отказ от полива, стрижки и химических обработок снижает годовые эксплуатационные затраты более чем в 6 раз по сравнению с традиционным озеленением, обеспечивая долгосрочную окупаемость [5].

Главным результатом работы является создание целостной и убедительной концепции, в которой художественный образ, инженерная логика и экономическое обоснование образуют неразрывное единство. Метод ручной графики позволил максимально выразительно передать фактуры, цвет и общее настроение проектируемого пространства.

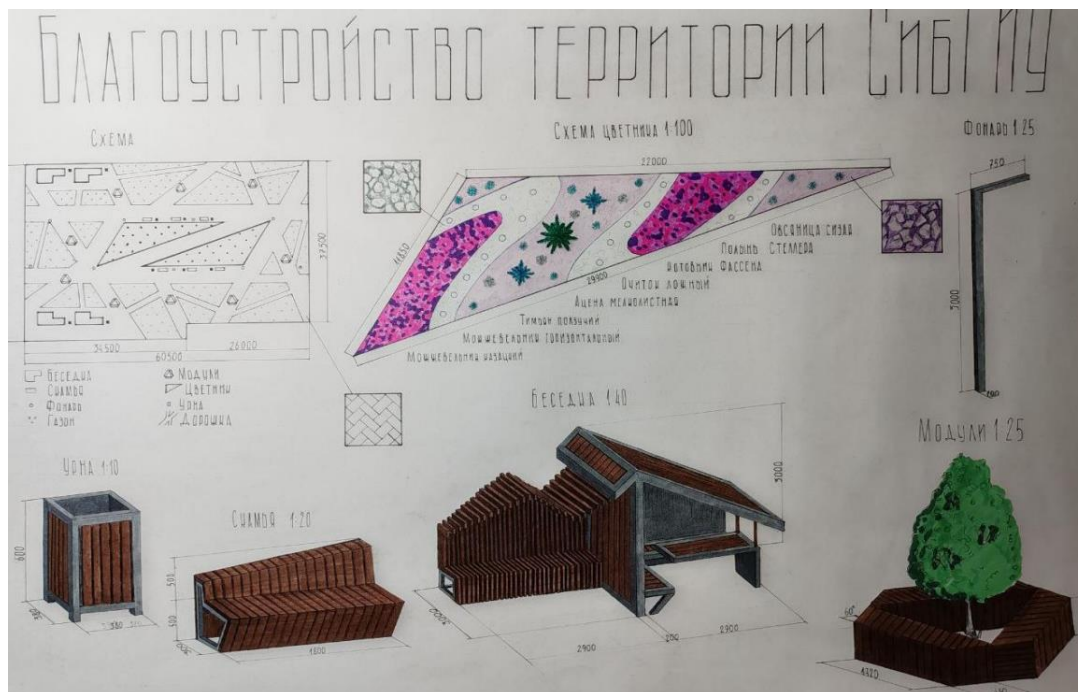

Рисунок 9 – Концептуальное предложение

Список литературы

1. Матехина, О. В. Основы архитектурного проектирования: учебное

пособие для вузов / О. В. Матехина; Сиб. гос. индустр. ун-т. – Новокузнецк: Издательский центр СибГИУ, 2014. – URL: <http://library.sibsiu.ru>.

2. Магель, В. И. Градостроительство и благоустройство города: учебное пособие: для обучающихся Архитектурно-строительного института СибГИУ / В. И. Магель, О. В. Матехина; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Сибирский государственный индустриальный университет. – Новокузнецк: Издательский центр СибГИУ, 2023. – 302 с. – ISBN 978-5-7806-0605-5. – URL: <http://library.sibsiu.ru>. 21

3. Покрытия дорог, тротуаров, детских, спортивных и хозяйственных площадок: методические указания / М-во науки и высш. образования Российской Федерации, Сиб. гос. индустр. ун-т, Каф. Архитектуры; сост. О.В. Матехина. – Новокузнецк: Издательский центр СибГИУ, 2023. – URL: <http://library.sibsiu.ru>. – Текст: электронный.

4. Малые архитектурные формы: методические указания / М-во науки и высш. образования Российской Федерации, Сиб. гос. индустр. ун-т, Каф. Архитектуры; сост. О.В. Матехина. – Новокузнецк: Издательский центр СибГИУ, 2023. – URL: <http://library.sibsiu.ru>. – Текст: электронный.

5. Озеленение территорий: методические указания / М-во науки и высш. образования Российской Федерации, Сиб. гос. индустр. унт, Каф. Архитектуры; сост. О.В. Матехина. – Новокузнецк: Издательский центр СибГИУ, 2023. – URL: <http://library.sibsiu.ru>. – Текст: электронный.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 338.24

ВЛИЯНИЕ ПОВЕДЕНЧЕСКИХ ФАКТОРОВ НА ПРИНЯТИЕ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ: КОГНИТИВНЫЕ ИСКАЖЕНИЯ И МОТИВАЦИЯ В ИНТЕРПРЕТАЦИИ ДАННЫХ УПРАВЛЕНЧЕСКОГО УЧЕТА

Голощапова Полина Александровна

Эртель Виктория Сергеевна

студенты

Научный руководитель: Максимович Людмила Всеволодовна,

к.э.н., доцент

Поволжский институт управления имени П.А. Столыпина – филиал
федерального государственного бюджетного образовательного учреждения
высшего образования «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
город Саратов

***Аннотация.** В статье рассматривается проблема иррациональности при использовании данных управленческого учета в процессе принятия решений. Несмотря на наличие точной финансовой информации, менеджеры склонны допускать систематически ошибки, обусловленные когнитивными искажениями и особенностями системы мотивации. Анализируется влияние эффекта подтверждения, «якоря» и сверхуверенности на интерпретацию отчетности. Обосновывается необходимость внедрения механизмов, снижающих негативное воздействие человеческого фактора на качество управленческих решений.*

The article discusses the problem of irrationality when using management accounting data in the decision-making process. Despite the availability of accurate

financial information, managers tend to make systematic errors due to cognitive distortions and the specifics of the motivation system. The article analyzes the impact of the confirmation effect, anchoring, and overconfidence on the interpretation of financial statements. The article substantiates the need to implement mechanisms that reduce the negative impact of the human factor on the quality of management decisions.

Ключевые слова: управленческий учет, принятие решений, когнитивные искажения, поведенческая экономика, эффект подтверждения, ограниченные рациональность, мотивация менеджеров.

Keywords: management accounting, decision-making, cognitive biases, behavioral economics, confirmation bias, bounded rationality, and managerial motivation.

Классическая теория менеджмента долгое время базировалась на аксиоме рационального экономического поведения. Считалось, что если предоставить менеджеру исчерпывающие и достоверные данные управленческого учета – отчеты о прибылях и убытках, бюджеты движения денежных средств, план-фактный анализ – то решение, принятое на их основе, будет оптимальным и экономически эффективным. Однако практика корпоративного управления демонстрирует иную картину. Наблюдается парадоксальная ситуация: имея на руках качественную информационную базу, разные руководители делают противоположные выводы, а иногда и вовсе игнорируют «неудобные» цифры. Данная проблема лежит в плоскости поведенческой экономики – междисциплинарной области, изучающей влияние психологических, когнитивных и эмоциональных факторов на экономическое поведение людей. Еще Г. Саймон ввел понятие «ограниченной рациональности», а Д. Канеман и А. Тверски доказали, что в условиях неопределенности и информационной перегрузки человек заменяет сложный анализ упрощенными ментальными шаблонами (эвристиками). В результате на стыке объективного учета и субъективного мышления возникают систематические ошибки – когнитивные искажения.

Актуальность данной работы обусловлена необходимостью понимания того, почему совершенствование только технической стороны управленческого учета (внедрение ERP-системы, Big Data, автоматизация отчетов) не всегда

приводит к пропорциональному росту качества управления. Цель статьи – проанализировать, как когнитивные искажения и мотивационные установки менеджеров трансформируют восприятие учетной информации и каким образом можно минимизировать негативные последствия такого влияния.

Управленческий учет представляет собой внутреннюю информационную систему компании, предназначенную для планирования, контроля и анализа эффективности деятельности. В отличие от финансового (бухгалтерского) учета, регламентированного законодательством, управленческий учет нацелен на будущее и служит инструментом обоснования оперативных и стратегических решений: от ценообразования до закрытия неприбыльных подразделений.

Теоретический алгоритм работы с такими данными выглядят линейно: получение отчета – анализ отклонений – выбор альтернативы – действие.

Но на практике этот алгоритм сталкивается с тремя ключевыми барьерами:

1. Информационная перегрузка. Современные системы способны генерировать десятки страниц отчетности ежедневно. Мозг человека физически не способен глубоко проанализировать весь массив цифр за ограниченное время.

2. Неопределенность среды. Данные учета отражают прошлое, но не гарантируют будущее. В условиях неполноты картины менеджер вынужден додумывать недостающие звенья.

3. Давление сроков и внешних обстоятельств. На решения часто влияют срочность задачи или ожидания вышестоящего руководства [2; 407].

Именно в эти моменты включаются механизмы быстрого мышления (по Д. Канеману), которые призваны экономить когнитивные ресурсы, но платят за это точностью интерпретации.

Рассмотрим наиболее деструктивные для сферы управленческого учета когнитивные искажения, которые систематически искажают картину бизнеса, представленную в отчетах.

1. Эффект подтверждения.

Это наиболее частое и опасное искажение в корпоративной среде. Суть его заключается в том, что человек склонен искать и интерпретировать информацию

так, чтобы она подтверждала его изначальную гипотезу или убеждение. В контексте учета это проявляется в избирательном чтении отчетов. Например, если менеджер проекта убежден в успешности запуска новой продуктовой линейки, он будет акцентировать внимание на росте количественных показателей продаж (выручка), подсознательно игнорируя рост качественных показателей затрат (рост себестоимости, увеличение доли возвратов или падение маржинальности). Данные управленческого учета в этом случае используются не для проверки реальности, а для легитимизации уже принятого эмоционального решения.

2. Эффект «якоря» и инертность бюджета.

В эффекте «якоря» цифры предыдущего периода притягивают к себе все последующие оценки, как магнит. Рассмотрим пример. Бюджет отдела маркетинга в прошлом году равнялся 8 млн. рублей. Когда руководитель слышит предложение поднять его до 12 млн. рублей, то мгновенно возникает внутреннее сопротивление, еще до того, как он успеет посмотреть на цифры рентабельности. Сумма кажется очень большой только из-за отклонения от привычного ориентира. В результате бюджеты переходят из года в год почти без изменений, при этом перераспределение ресурсов между подразделениями с целью оптимизации так же наталкивается на сопротивление. Такая инертность бюджета – это следствие закрепленного норматива в подсознании руководителя.

3. Эффект самоуверенности.

Эффект самоуверенности заставляет менеджера всегда видеть собственный прогноз точнее, чем он есть на самом деле. Это приводит к игнорированию сценариев «что-если» в управленческой отчетности. Менеджер, обладая большим опытом в отрасли, может счесть детальный план-фактный анализ по отклонениям излишней бюрократией, полагаясь на интуицию. Однако интуиция часто приводит к подводу из-за эффекта доступности: человек считает более вероятным то событие, которое он легко может вспомнить или представить. Если в недавнем прошлом у компании был громкий успех от рискованной сделки, в отчетах будут игнорироваться сигналы о нарастающих рисках, так как в сознании менеджера доминирует образ того самого «простого» успеха.

Помимо неосознанных ошибок мышления, существенную роль играет осознанная (или полуосознанная) мотивация, встроенная в систему КРІ и бонусов. В агентской теории это описывается как конфликт интересов между принципалом (собственником) и агентом (менеджером).

Система вознаграждения менеджеров часто привязана к конкретным финансовым метрикам: EBITDA, чистая прибыль, рентабельность продаж или объем выручки. В результате управленческий учет из средства объективного анализа превращается в средство обоснования вознаграждения. В научной литературе это явление получило название «игры с показателями» (gaming metrics).

На практике это проявляется в феномене оппортунистического поведения. Менеджер не столько анализирует, почему произошло отклонение, сколько ищет способ, как представить отчетность, чтобы максимизировать бонус [5; 166]. Если премия менеджера напрямую зависит от выполнения плана по выручке, он может в последний день месяца уговорить клиента сделать предоплату за товар, который фактически будет отгружен только в следующем квартале. В управленческом учете фиксируется «выполнение плана», но при этом растет скрытый риск безнадежной дебиторской задолженности – информация о качестве просто замалчивается или откладывается на будущие периоды.

Еще более сложная ситуация возникает с «неудобными» показателями. Если отчет управленческого учета показывает снижение операционной эффективности в отделе, но от руководителя отдела ждут инициатив по сокращению издержек, возникает когнитивный диссонанс. Психологически легче найти в отчете сторонние макроэкономические причины спада (рост курса валют, действия конкурентов), чем признать собственные просчеты. Таким образом, мотивация искажает не только подачу информации другим, но и само восприятие менеджером объективной реальности.

Так как полностью исключить человеческий фактор из процесса принятия решений невозможно, задача управленческой науки и практики сводится к созданию «архитектуры выбора», снижающей риски ошибок. На основе анализа можно предложить следующие практические рекомендации:

1. Целесообразно разработать обязательные шаблоны анализа отклонений, в которых менеджер должен письменно зафиксировать не только масштаб расхождения плана и факта, но и его причину, а также в обязательном порядке рассмотреть хотя бы одно альтернативное объяснение или контраргумент – такая процедура заставляет мозг выходить за рамки эффекта подтверждения и искать объективную картину;

2. Полезным инструментом является отделение личности автора прогноза от оценки его данных, например, расчеты по инвестиционному проекту могут передаваться на экспертизу в смежное подразделение, не имеющее прямой мотивационной заинтересованности в запуске именно этого проекта, что создает условия для более объективного анализа;

3. В практику коллективных обсуждений рекомендуется вводить участника, который обязан на основе данных учета целенаправленно искать уязвимости в предлагаемом решении. Этот прием помогает сводить на нет групповое мышление и избыточную уверенность;

4. Перейти к сбалансированной системе показателей, включающей не только финансовые индикаторы, но и нефинансовые метрики (например, клиентскую лояльность, текучесть кадров), это делает общую картину бизнеса более объемной и существенно затрудняет манипуляции с одной-единственной цифрой в ущерб общему здоровью компании.

Управленческий учет представляет собой лишь сходную информационную базу, тогда как финальный выбор всегда остается за человеком. Между цифрой в отчете и действием менеджера всегда находится психологический фильтр из когнитивных искажений и мотивационных стимулов. Исследование показало, что эффект подтверждения и якорение заставляют видеть в данных не реальность, а проекцию собственных убеждений, а жесткая привязка к KPI провоцирует погоню за краткосрочными показателями в ущерб устойчивости бизнеса. И поэтому повышение качества решений требует не только технического совершенствования учета, но и внедрения процедур независимого контроля, развития культуры критического мышления и осознанного проектирования систем

мотивации. Понимание поведенческих факторов переводит проблему из области психологии в сферу конкретных управленческих технологий, что является важным условием построения эффективной компании.

Список литературы

1. Верченко, Е. И., Немцова, М. Ф. Влияние поведенческо-психологических характеристик на принятие управленческих решений / Е. И. Верченко, М. Ф. Немцова // Символ науки. – 2025. – №8-1. С. – 83-91.
2. Волкова, О. Н. Управленческий учет: учебник и практикум для вузов / О. Н. Волкова, И. Ю. Чуракова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2026. – 547 с.
3. Мкртычян, Г. А. Принятие управленческих решений: учебник и практикум для вузов / Г. А. Мкртычян, Н. Г. Шубнякова. – М.: Юрайт, 2026. – 140 с.
4. Морозов, Г. В. Когнитивно-поведенческие аспекты лидерства в управлении удаленными командами: междисциплинарный подход к исследованию трансформационных процессов в условиях цифровой экономики / Г. В. Морозов // Вестник евразийской науки. – 2025. – №1S. С. – 69-83.
5. Равшанов, А. С. Агентская проблема: проблема между собственниками (акционерами) и менеджментом компании / А. С. Равшанов // Экономика и финансы (Узбекистан). – 2020. – № 2 (134). С. – 164-169.
6. Kahneman D., Tversky A. Choices, Values, and Frames. 2000. New York; Cambridge, UK: Russell Sage Foundation. [Электронный ресурс]. URL: <https://archive.org/details/choicesvaluesfra0000unse> (дата обращения: 11.05.2026)

УДК 338.43

**ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОДДЕРЖКА АГРАРНОГО СЕКТОРА
В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН****Конбаев Дастан Сарсенбекович**

Магистрант образовательной программы 7М04112 – Экономика и управление,

Жетысуский университет имени И.Жансугурова, Казахстан

Научный руководитель: Тулешова Гульнара Булатовна,

кандидат экономических наук

Жетысуский университет имени И.Жансугурова, Казахстан

Аннотация. В статье рассмотрены основные направления политики государства по поддержке аграрного сектора АПК Казахстана. Определены факторы, влияющие на развитие аграрного сектора, в том числе эффективность мер финансовой поддержки. Проанализированы показатели по государственной поддержке аграрного сектора Республики Казахстан.

The article considers the main directions of the state policy to support the agricultural sector of the agro-industrial complex of Kazakhstan. Factors affecting the development of the agricultural sector have been identified, including the effectiveness of financial support measures. The indicators for state support of the agricultural sector of the Republic of Kazakhstan were analyzed.

Ключевые слова: аграрный сектор, АПК, государственная поддержка, финансирование, субсидирование, лизинг.

Keywords: agricultural sector, agro-industrial complex, state support, financing, subsidies, leasing.

Аграрный сектор в Казахстане имеет высокую поддержку государства. Политика государства направлена на повышение конкурентоспособности сельскохозяйственной продукции и обеспечение максимального охвата субъектов АПК

государственной поддержкой.

Одним из важных экономических факторов, который оказывает значительное влияние на агропромышленный комплекс и финансовый сектор, является волатильность курса иностранной валюты по отношению к тенге в результате перехода Казахстана к режиму инфляционного таргетирования и свободно плавающему обменному курсу национальной валюты. Стоимость импортируемой сельскохозяйственной техники и оборудования, а также возможность финансовых институтов и сельскохозяйственных предприятий привлекать долгосрочные финансовые ресурсы на внешних рынках капитала, подвержена высокой зависимости от данного фактора [1].

Одними из основных барьеров увеличения финансирования АПК являются высокие кредитные риски ввиду отсутствия или недостатка залоговой базы у малых и средних субъектов АПК, плохой информированности банков о платежеспособности субъектов АПК, а также высокие операционные затраты при обслуживании заемщиков в сельской местности, валютные риски, недостаток инструментов хеджирования и долгосрочной ликвидности [2].

Для реализации данной цели разработаны государственные программы развития («Государственная программа развития АПК Республики Казахстан на 2017 – 2021 годы», «Государственная программа индустриально-инновационного развития Республики Казахстан на 2015 – 2019 годы», «Программа развития продуктивной занятости и массового предпринимательства на 2017-2021 годы»), ведется работа по расширению сотрудничества Республики Казахстан с международными финансовыми организациями, а также предусмотрены меры по снижению доли участия государства в экономике и повышению устойчивости финансовой системы Республики Казахстан в результате ужесточения банковского законодательства.

В 2025 году меры поддержки аграрного сектора в Казахстане включали следующие направления [3]:

1. Финансирование в сумме порядка 1,5 трлн. тенге через Аграрную кредитную корпорацию и «КазАгроФинанс». Средства направлены на проведение

весенне-полевых и уборочных работ, реализацию инвестиционных проектов, закуп основных и пополнение оборотных средств, лизинг сельхозтехники.

2. Субсидирование. Объёмы государственной поддержки отрасли АПК в виде субсидирования составляют 15,05 млрд тенге, в том числе:

– на субсидирование отрасли растениеводства — 3,0 млрд. тенге (пестициды — 566 млн. тенге, удобрения — 1 337 млн. тенге, семена — 960 млн. тенге, вода — 145,2 млн. тенге);

– на субсидирование животноводства — 4,85 млрд. тенге;

– на финансовые инструменты — 7,1 млрд. тенге (инвестиционное субсидирование — 4 000 млн. тенге, возмещение ставки вознаграждения по кредитам и лизингу — 3 100 млн. тенге);

- на субсидирование глубокой переработки — 0,1 млрд. тенге.

3. Льготный лизинг. На 2025 год по этому механизму выделено 250 млрд. тенге. Программа включает ставку вознаграждения 5% годовых и срок финансирования до семи лет.

4. Государственная программа гарантирования займов для малых хозяйств и начинающих фермеров через фонд «Даму». По ней государство покрывает до 85% обязательств.

5. Обеспечение аграриев топливом. Для этого выделено 401 тыс. тонн дизельного топлива. Благодаря госрегулированию его отпускная цена составляет 254 тенге за литр, что на 15–20% ниже рыночной стоимости [4].

Министерство сельского хозяйства последовательно расширяет меры государственной поддержки, направленные на обновление сельхозтехники и внедрение современных технологий в производство.

По данным АО «КазАгроФинанс», в 2024 году сельхозтоваропроизводители приобрели 10,5 тыс. единиц техники на сумму 228,5 млрд тенге, что на 37% больше, чем годом ранее. Особенно вырос спрос на самоходную технику: закуплено 4729 тракторов (+66%) и 924 комбайна (+80% к 2023 году).

На 1 ноября 2025 года в лизинг реализовано 10 072 единицы техники на

сумму 255 млрд тенге, что на 10% превышает показатели аналогичного периода прошлого года [4].

В целом, в 2025 году казахстанскими хозяйствами закуплено 25 тысяч единиц сельхозтехники, что отражает устойчивый рост спроса и результативность государственной поддержки. Государственные программы стимулирования оказывают значительный мультипликативный эффект на развитие отечественного сельхозмашиностроения.

В Казахстане функционируют 10 заводов по выпуску самоходной техники; налажено производство тракторов, комбайнов, опрыскивателей и широкого спектра сельхозоборудования.

Кроме того, в Казахстане реализуется Программа «Кең Дала», которая отличается гибкими условиями кредитования. В частности, предусмотрено отсутствие жестких требований к залоговому обеспечению, а также удобные графики погашения с учетом сезонности сельскохозяйственного производства.

Согласно условиям соглашения, сельхозтоваропроизводителям предоставляются займы по сниженной ставке - 5% годовых. Другим преимуществом программы является широкий перечень сельскохозяйственных культур, подпадающих под финансирование. Помимо традиционных зерновых (пшеницы и ячменя), поддержка оказывается производителям масличных и кормовых культур.

Объем финансирования по данной программе в 2026 году был увеличен до 100 млрд. тенге по сравнению с 70 млрд. тенге годом ранее. Привлеченные средства будут направлены на поддержку выращивания сельскохозяйственных культур [4].

Расширение финансирования в рамках программы «Кең Дала» позволяет обеспечить сельхозтоваропроизводителей доступными финансовыми ресурсами и создать условия для своевременного проведения сезонных полевых работ. Так, на начало 2026 года профинансировано 176 заемщиков на общую сумму 87,6 млрд. тенге.

Обеспечение максимального охвата субъектов АПК финансированием требует решения вопросов доступности кредитных ресурсов для субъектов АПК и

повышения уровня участия банков второго уровня (БВУ), микрофинансовых организаций (МФО), частных лизинговых компаний (ЛК) и кредитных товариществ в системе финансирования АПК [5].

Список литературы

1. Тажибаева, Р.М. Государственная поддержка аграрного сектора Казахстана // Проблемы агрорынка. - 2021. - № 1. - С. 44-50.
2. Сигарев, М.И. Государственная финансовая поддержка производства сельскохозяйственной продукции в условиях ЕАЭС / М.И. Сигарев, Т.А. Таипов // Известия НАН РК. Серия аграрных наук. - 2018. - №2. - С.42-49.
3. Курманбеков, А., Кабжалялова, М., & Калдаров, С. (2025). Обзор развития сельского хозяйства в Казахстане // https://halykfinance.kz/download/files/analytics/AC_agriculture_development.pdf
4. АО «Аграрная кредитная корпорация». (2025). Стратегия развития на 2024–2033 годы.
5. Маханова, А. Б., Быкова, О. Н., & Смагулова, Г. С. (2022). Государственное регулирование и поддержка сельского хозяйства в Республике Казахстан. Вестник университета «Туран», (4), 168–183.

УДК 339.137:637.1

**ОЦЕНКА КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ ПРОИЗВОДСТВА МОЛОКА
В АГРАРНОМ ПРЕДПРИЯТИИ
(НА МАТЕРИАЛАХ СХ АО «БЕЛОРЕЧЕНСКОЕ»)**

Кушнир Никита Денисович

магистрант

Научный руководитель – Монгуш Юлия Дмитриевна, к.э.н., доцент

ФГБОУ ВО «Иркутский государственный аграрный университет

имени А.А. Ежевского»

***Аннотация.** В статье проведена оценка конкурентоспособности производства молока в аграрном предприятии на примере С АО «Белореченское». На основе анализа динамики производства и реализации молока за 2021–2025 гг. установлено, что валовое производство выросло на 30,1 %, реализация — на 129,2 %, а рентабельность продаж достигла 45,6 %. Показано, что рост обеспечен преимущественно интенсивным фактором — повышением продуктивности коров. Сделан вывод о высокой и растущей конкурентоспособности молочного направления предприятия.*

***Abstract.** The article assesses the competitiveness of milk production at an agricultural enterprise using “Belorechenskoye” Agricultural JSC as a case study. Based on the analysis of milk production and sales dynamics for 2021–2025, it is established that gross output increased by 30.1 %, sales by 129.2 %, and return on sales reached 45.6 %. It is shown that growth was achieved mainly through an intensive factor — an increase in cow productivity. A conclusion is drawn on the high and growing competitiveness of the enterprise’s dairy segment.*

***Ключевые слова:** конкурентоспособность, производство молока, молочное скотоводство, продуктивность коров, рентабельность, товарность,*

аграрное предприятие.

Keywords: *competitiveness, milk production, dairy cattle breeding, cow productivity, profitability, marketability, agricultural enterprise.*

Введение. Конкурентоспособность является ключевым фактором рыночного успеха товара и характеризует его способность быть привлекательным для потребителя на фоне аналогичной продукции конкурентов [3]. Она определяется прежде всего соотношением «качество — цена продукция признаётся конкурентоспособной, если обеспечивает потребителю превосходство по совокупности потребительских и стоимостных характеристик [1].

Цель исследования — оценить конкурентоспособность производства молока в СХ АО «Белореченское». Выбор молочного направления в качестве объекта анализа обусловлен его значимостью в производственном портфеле предприятия и устойчивым спросом на молочную продукцию на региональном рынке.

Материалы и методы. Информационной базой исследования послужили данные бухгалтерской и статистической отчетности СХ АО «Белореченское» за 2021–2025 гг. В ходе исследования выполнен анализ динамических рядов показателей производства молока (валовое производство, поголовье коров, продуктивность) и его реализации (объем реализации, выручка, полная себестоимость, прибыль, рентабельность продаж, товарность). Применены методы сравнительного и структурно-динамического анализа, позволяющие выявить тенденции и факторы изменения конкурентных позиций предприятия [2].

Результаты и обсуждение. Производство молока в СХ АО «Белореченское» за 2021–2025 гг. характеризуется устойчивым ростом основных показателей (таблица 1). За анализируемый период валовое производство молока выросло на 30,1 % и достигло 696 949 ц. Рост обеспечен преимущественно интенсивным фактором: продуктивность коров повысилась на 19,6 % — с 80,16 до 95,90 ц на голову.

Таблица 1 – Динамика производства молока в СХ АО «Белореченское» за период 2021–2025 гг.

Показатели	Годы					2025 к 2021, %
	2021	2022	2023	2024	2025	
Валовое производство, ц	535711	557355	603776	603788	696949	130,1
Поголовье коров, гол.	6683	6800	7090	6737	7268	108,8
Надой на 1 корову, ц	80,16	81,96	85,16	89,63	95,90	119,6

Поголовье коров увеличилось более умеренно — на 8,8 % (до 7 268 голов). Наибольший темп прироста валового производства зафиксирован в 2025 г. — 15,4 % к предыдущему году, что свидетельствует о результативности мер по повышению эффективности молочного стада.

Показатели реализации молока за 2021–2025 гг. представлены в таблице 2.

Таблица 2 – Динамика реализации молока в СХ АО «Белореченское» за период 2021–2025 гг.

Показатели	Годы					2025 к 2021, %
	2021	2022	2023	2024	2025	
Реализовано молока, ц	40159	28836	57210	58166	92043	229,2
Выручка, тыс. руб.	132301	111838	225373	262339	460826	348,3
Полная себестоимость, тыс. руб.	117258	93564	186259	206124	250744	213,8
Прибыль, тыс. руб.	15043	18274	39114	56215	210082	в 14 раз
Себестоимость 1 ц, руб.	2920	3245	3256	3544	2724	93,3
Рентабельность продаж, %	11,4	16,3	17,4	21,4	45,6	+34,2 п.п.

Объём реализации молока за 2021–2025 гг. увеличился на 129,2 % и составил 92 043 ц. Динамика не была равномерной: в 2022 г. реализация снизилась до 28 836 ц, что связано с временными трудностями сбыта, однако в последующие годы наблюдался устойчивый рост. Товарность молока повысилась с 7,5 до 13,2 %, что отражает усиление рыночной ориентации производства.

Сопоставление динамики выручки и полной себестоимости реализации молока представлено на рисунке 1. Выручка от реализации молока выросла в 3,5 раза (на 248,3 %) и достигла 460 826 тыс. руб., опережая рост физического объёма реализации, что свидетельствует о повышении цены реализации.

Рисунок 1 – Динамика выручки и полной себестоимости реализации молока СХ АО «Белореченское» за 2021–2025 гг.

Полная себестоимость увеличилась более умеренно — на 113,8 %, а себестоимость 1 ц молока в 2025 г. снизилась до 2 724 руб. (93,3 % к уровню 2021 г.) благодаря эффекту масштаба и росту продуктивности. В результате прибыль от реализации молока выросла в 14 раз, а рентабельность продаж достигла 45,6 % против 11,4 % в 2021 г.

Конкурентоспособность молочной продукции предприятия подкрепляется рядом устойчивых преимуществ. Продукция производится из собственного сырья и имеет сертификат соответствия ГОСТ Р ИСО 22000, выпускается под узнаваемым брендом «Домашенька». Предприятие развивает молочное животноводство более 20 лет, а с 2005 г. имеет статус племенного завода. Продукция СХ АО «Белореченское» формирует около 87 % ассортимента продовольственной корзины региона, что подтверждает прочность его рыночных позиций.

Заключение. Проведённая оценка свидетельствует о высокой и растущей конкурентоспособности производства молока в СХ АО «Белореченское». За 2021–2025 гг. валовое производство молока выросло на 30,1 %, реализация — на 129,2 %, выручка — в 3,5 раза, а рентабельность продаж достигла 45,6 %. Рост обеспечен преимущественно интенсивным фактором — повышением продуктивности коров, что отражает эффективность производственной политики

предприятия. Конкурентные преимущества молочного направления — собственная сырьевая база, сертифицированное качество продукции, узнаваемый бренд и статус племенного завода — формируют устойчивую основу для дальнейшего укрепления рыночных позиций предприятия.

Список литературы

1. Власенко, О. В. Производство и сбыт молока в Иркутской области / О. В. Власенко, В. Н. Каплунова // Научные исследования и разработки к внедрению в АПК: материалы всерос. студ. науч.-практ. конф., Иркутск, 17–18 марта 2022 г. – Молодёжный: Иркутский ГАУ им. А.А. Ежовского, 2022. – С. 133–138. – EDN VOZNQQ.

2. Ильина, Е. А. Проблемы развития молочно-продуктового подкомплекса / Е. А. Ильина // Климат, экология, сельское хозяйство Евразии: материалы XIV Междунар. науч.-практ. конф. – п. Молодёжный: Иркутский ГАУ им. А.А. Ежовского, 2025. – С. 456–460. – EDN RSULIB.

3. Попова, И. В. Ключи к успеху в молочной промышленности: от производства до потребителя / И. В. Попова, Л. М. Гаврилова, Т. А. Хорошайло // Вестник Мичуринского ГАУ. – 2025. – № 1(80). – С. 185–189. – EDN QQMFQQ.

УДК 339.5

**ПАРАЛЛЕЛЬНЫЙ ИМПОРТ В УСЛОВИЯХ САНКЦИОННЫХ
ОГРАНИЧЕНИЙ: ПРАВОВАЯ ЛЕГИТИМАЦИЯ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
ПОСЛЕДСТВИЯ**

Крамаренко Софья Александровна

Липатова Виктория Романовна

студенты

Научный руководитель: Омариева Альвина Наримановна

старший преподаватель

Поволжский институт управления имени П.А. Столыпина – филиал ФГБОУ ВО
«Российская академия народного хозяйства и государственной службы при
Президенте Российской Федерации», город Саратов

***Аннотация.** В статье рассмотрены правовые основы легализации параллельного импорта в Российской Федерации в условиях санкционного давления 2022 года. Проанализированы экономические последствия внедрения механизма для структуры товарных рынков, включая изменение конкурентной среды, развитие логистических маршрутов и макроэкономические эффекты. Выявлены основные риски и определены перспективы развития параллельного импорта в среднесрочной и долгосрочной перспективе.*

The article examines the legal framework for the legalization of parallel imports in the Russian Federation under the sanctions pressure of 2022. The economic consequences of the introduction of this mechanism for the structure of commodity markets are analyzed, including changes in the competitive environment, the development of logistics routes and macroeconomic effects. The main risks are identified and the prospects for the development of parallel imports in the medium and long term are determined.

Ключевые слова: *параллельный импорт, санкции, товарные рынки, правовая легитимация, импортозамещение, логистические цепочки.*

Keywords: *parallel import, sanctions, commodity markets, legal legitimation, import substitution, logistics chains.*

В 2022 году российская экономика столкнулась с беспрецедентным по масштабу давлением: уход иностранных компаний, разрыв логистических цепочек, блокировка трансграничных платежей и, как следствие, реальная угроза дефицита широкого спектра товаров. Ответом государства стала легализация параллельного импорта, которая была встроена в законодательную систему, получив чёткую нормативную базу и таможенное оформление.

До 2022 года параллельный импорт в России был фактически запрещён: действовала концепция «национального исчерпания прав» на товарные знаки. Это означало, что ввоз товаров с нанесённым товарным знаком без согласия правообладателя считался нарушением исключительных прав. Однако в условиях масштабных санкций Правительство РФ приняло экстренные меры для стабилизации товарных рынков. Ключевым нормативным актом, легализовавшим параллельный импорт, стало Постановление Правительства РФ от 9 марта 2022 г. № 313. Документ разрешил ввоз в РФ отдельных категорий товаров без согласия правообладателей. В развитие этого решения Минпромторг РФ утвердил перечень товаров, в отношении которых допускается параллельный импорт (Приказ Минпромторга России от 21 июля 2023 г. № 2701). В перечень вошли: бытовая техника, электроника, автомобили и автозапчасти, фармацевтическая продукция, одежда и обувь известных брендов и т. д. Легитимация параллельного импорта была подкреплена и судебной практикой: Верховный Суд РФ в своих разъяснениях указал, что в условиях санкций действия по ввозу товаров в рамках параллельного импорта не должны автоматически квалифицироваться как нарушение исключительных прав, если товары являются оригинальными и не нарушают требований безопасности.

За годы существования механизма перечень товаров, разрешённых к параллельному импорту, неоднократно пересматривался. На начальном этапе, в

2022 году, он включал тысячи позиций. К 2024–2025 годам перечень стали сокращать по мере того, как налаживались альтернативные каналы поставок или запускалось собственное производство в России. В 2025 году объём параллельного импорта, по данным Министерства промышленности и торговли, превысил 23,1 миллиарда долларов. Наиболее существенные изменения произошли в апреле–мае 2026 года. Министерство промышленности и торговли анонсировало реформирование всего подхода: если ранее перечень базировался на товарных категориях, то новый подход предусматривает включение в перечень конкретных товарных знаков с их привязкой к соответствующим записям в реестре Федеральной службы по интеллектуальной собственности. Для брендов, которые прекратили официальную деятельность в России и не назначают местных дистрибьюторов, легальный ввоз становится невозможным.

Санкционные ограничения, введённые рядом стран в 2022 году, привели к резкому сокращению легальных поставок многих категорий товаров в Россию. Крупные международные компании либо полностью прекратили поставки, либо приостановили деятельность на российском рынке. Это создало риски дефицита критически важных товаров, роста цен из-за сокращения предложения, нарушения цепочек поставок в промышленности и потери рабочих мест в смежных отраслях. Параллельный импорт позволил оперативно заполнить образовавшиеся ниши. По данным Федеральной таможенной службы, уже в 2022 году объёмы ввоза по схеме параллельного импорта достигли значительных масштабов: например, в сегменте электроники и бытовой техники доля параллельного импорта составила до 30 % от общего объёма импорта соответствующей продукции.

Внедрение параллельного импорта привело к существенным изменениям в структуре товарных рынков РФ. Появление новых игроков, занимающихся поставками по этой схеме, усилило конкуренцию между импортёрами и оказало сдерживающее влияние на рост цен, который мог бы произойти в условиях монопольного положения официальных дистрибьюторов. Потребители получили доступ к товарам, поставки которых были прекращены официальными каналами,

что было особенно важно для высокотехнологичной продукции, запчастей и компонентов, необходимых для поддержания работы промышленного оборудования. Параллельный импорт также стимулировал развитие новых логистических маршрутов через страны, не присоединившиеся к санкциям: основными странами стали Казахстан, Армения, Киргизия, Турция и ОАЭ. По данным Минтранса РФ, грузопоток через эти направления в 2022-2023 гг. вырос на 40–60 % по сравнению с досанкционным периодом. Увеличилась и роль маркетплейсов и онлайн-торговли: крупнейшие российские платформы активно включились в реализацию товаров, ввезённых по схеме параллельного импорта, что ускорило цифровизацию розничной торговли. Кроме того, по данным Росстата, количество малых и средних предприятий, специализирующихся на внешнеэкономических операциях, выросло на 15 % в 2022 году. Российские компании были вынуждены перестраивать бизнес-процессы, искать новых поставщиков, заключать контракты с посредниками в третьих странах и оптимизировать таможенное оформление.

На макроэкономическом уровне параллельный импорт оказал комплексное влияние. Благодаря ему удалось избежать масштабного дефицита товаров широкого потребления: инфляция на непродовольственные товары во второй половине 2022 года оказалась ниже прогнозов, что частично связано с расширением предложения за счёт параллельного импорта. Поставки комплектующих и оборудования по альтернативным каналам позволили избежать остановки ряда производств, особенно в автомобильной промышленности и сфере высоких технологий. Увеличение числа участников внешнеэкономической деятельности и усложнение логистических схем потребовали модернизации таможенных процедур: ФТС внедрила ускоренные режимы оформления для товаров параллельного импорта, что снизило административные барьеры. Параллельный импорт повлиял и на спрос на иностранную валюту, поскольку расчёты с новыми поставщиками часто ведутся в долларах или евро, это создало дополнительный спрос на валюту, но в то же время позволило избежать более резких колебаний курса за счёт стабилизации товарных рынков.

Вместе с тем параллельный импорт несёт и ряд рисков. Контроль за ввозимыми товарами усложняется, возрастает вероятность попадания на рынок контрафактной продукции под видом параллельного импорта. Роспотребнадзор усилил проверки, но проблема остаётся актуальной. Производители, ушедшие с российского рынка, часто отказывают в гарантийном обслуживании товаров, ввезённых неофициально, что создаёт неудобства для потребителей и требует разработки альтернативных сервисных решений. Правообладатели могут инициировать судебные разбирательства, оспаривая законность параллельного импорта своих товаров: хотя текущая правовая база на стороне импортёров, риски юридических конфликтов сохраняются. Наконец, увеличение числа посредников в цепочке поставок ведёт к росту издержек и цен, поэтому эффективность параллельного импорта во многом зависит от стабильности логистических коридоров.

Таким образом, параллельный импорт стал вынужденной, но эффективной мерой адаптации российской экономики к условиям санкционного давления. Легализация этой практики позволила стабилизировать товарные рынки, поддерживать конкуренцию и обеспечить доступность критически важных товаров для населения и бизнеса. Несмотря на сопутствующие риски, такие как усложнение контроля за качеством, проблемы с гарантийным обслуживанием, потенциальные юридические споры и рост издержек из-за увеличения числа посредников, экономические выгоды от параллельного импорта в текущих условиях существенно превышают потенциальные издержки. Дальнейшее развитие механизма будет зависеть от динамики санкционного режима, успехов импортозамещения и формирования новых международных торговых альянсов.

В среднесрочной перспективе параллельный импорт сохранит свою значимость как элемент внешней торговли РФ, но его роль будет трансформироваться под влиянием нескольких ключевых факторов. Прежде всего, темпы развития отечественного производства станут определяющим фактором сокращения зависимости от параллельного импорта: по мере наращивания выпуска импортозамещающей продукции в таких отраслях, как электроника, машиностроение, фармацевтика и лёгкая промышленность, потребность во ввозе товаров по

альтернативным каналам будет снижаться. Уже сейчас наблюдаются позитивные сдвиги: по данным Росстата, в 2023 году объёмы промышленного производства в ряде обрабатывающих отраслей выросли на 5–7 % по сравнению с предыдущим годом.

Не менее важную роль сыграет укрепление торговых связей с дружественными странами. Расширение сотрудничества в рамках ЕАЭС, БРИКС и с отдельными государствами Азии, Ближнего Востока и Латинской Америки позволяет налаживать прямые поставки товаров без необходимости задействовать схемы параллельного импорта. Например, рост товарооборота с Китаем, Индией и Турцией в 2022–2023 гг. на 25–40 % создаёт основу для формирования устойчивых логистических цепочек. Кроме того, развитие кооперационных цепочек и локализация производств иностранных компаний в России также сократят потребность в параллельном импорте: некоторые бренды, приостановившие официальную деятельность в РФ, могут вернуться через партнёрство с местными предприятиями или создание совместных производств.

При этом в ближайшие 3–5 лет параллельный импорт продолжит выполнять функцию «страховочной сети» для товарных рынков и останется актуальным для нишевых и узкоспециализированных товаров, производство которых в РФ экономически нецелесообразно, продукции с длительным циклом локализации производства, а также категорий товаров, где официальные поставки ограничены из-за санкционных рисков для зарубежных партнёров. Правительство, вероятно, будет гибко регулировать перечень товаров, допускаемых к параллельному импорту, исключая из него позиции, успешно замещённые отечественными аналогами или прямыми поставками.

В долгосрочной перспективе оптимальный баланс между параллельным импортом, прямыми поставками и отечественным производством позволит снизить зависимость от санкционных рисков и укрепить экономическую безопасность страны. Постепенное замещение параллельного импорта прямыми каналами снабжения и локальным выпуском продукции будет отражать успехи политики импортозамещения и диверсификации внешнеэкономических связей,

формируя более устойчивую и самодостаточную экономическую систему.

Список литературы

1. Постановление Правительства РФ от 9 марта 2022 г. № 313 «О мерах по реализации Указа Президента Российской Федерации от 8 марта 2022 г. № 100».

2. Приказ Минпромторга России от 21 июля 2023 г. № 2701 «Об утверждении перечня товаров (групп товаров), в отношении которых не применяются положения статей 1252, 1254, пункта 5 статьи 1286.1, статей 1301, 1311, 1406.1, подпункта 1 статьи 1446, статей 1472, 1515 и 1537 Гражданского кодекса Российской Федерации при условии введения указанных товаров (групп товаров) в оборот за пределами территории Российской Федерации правообладателями (патентообладателями), а также с их согласия».

3. Федеральная таможенная служба. Данные об объёмах параллельного импорта в 2022–2025 гг. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://customs.gov.ru> (дата обращения: 15.05.2026).

УДК 336

**ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ МЕХАНИЗМОВ ПОДДЕРЖКИ
КРЕАТИВНЫХ ИНДУСТРИЙ В РЕСУРСОДОБЫВАЮЩЕМ РЕГИОНЕ
В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ****Мухортиков Дмитрий Алексеевич**

аспирант

Научный руководитель: Родионов Алексей Владимирович,

д.э.н., профессор

ФГБОУ ВО «Югорский государственный университет», город Ханты-

Мансийск

Аннотация. В статье рассматривается проблема оценки эффективности механизмов поддержки креативных индустрий в регионах с ярко выраженной ресурсодобывающей специализацией. Актуальность исследования обусловлена необходимостью диверсификации экономики таких территорий, снижения их зависимости от колебаний мировых цен на сырье и преодоления так называемого «ресурсного проклятия». В условиях стремительной цифровизации экономических процессов креативные индустрии получают новый импульс для развития, поскольку цифровые технологии стирают географические барьеры и позволяют создателям интеллектуального продукта из удаленных регионов выходить на глобальные рынки. В работе анализируются существующие подходы к стимулированию творческого сектора экономики, а также предлагается авторская система оценки результативности данных механизмов, адаптированная под специфику сырьевых территорий. Особое внимание уделяется трансформации традиционных инструментов поддержки в цифровую среду, включая создание виртуальных кластеров, краудфандинговых платформ и электронных систем предоставления грантов. На основе проведенного анализа делается

вывод о том, что интеграция цифровых решений в систему государственной и частной поддержки креативных предпринимателей значительно повышает прозрачность, доступность и общую экономическую эффективность выделяемых ресурсов. Результаты исследования могут быть использованы органами государственной власти при разработке региональных стратегий социально-экономического развития и программ поддержки малого и среднего предпринимательства.

The article deals with the problem of evaluating the effectiveness of support mechanisms for creative industries in regions with a pronounced resource-extracting specialization. The relevance of the study is driven by the need to diversify the economy of such territories, reduce their dependence on fluctuations in world commodity prices, and overcome the so-called "resource curse". In the context of the rapid digitalization of economic processes, creative industries receive a new impetus for development, as digital technologies erase geographical barriers and allow creators of intellectual products from remote regions to enter global markets. The paper analyzes existing approaches to stimulating the creative sector of the economy and proposes an original system for evaluating the effectiveness of these mechanisms, adapted to the specifics of raw-material territories. Special attention is paid to the transformation of traditional support instruments into the digital environment, including the creation of virtual clusters, crowdfunding platforms, and electronic grant systems. Based on the analysis, it is concluded that the integration of digital solutions into the system of public and private support for creative entrepreneurs significantly increases the transparency, accessibility, and overall economic efficiency of the allocated resources. The results of the study can be used by public authorities in developing regional socio-economic development strategies and support programs for small and medium-sized enterprises.

Ключевые слова: *креативные индустрии, ресурсодобывающий регион, диверсификация экономики, цифровизация, оценка эффективности, механизмы поддержки, региональная экономика, инновационное развитие, креативный класс, цифровая трансформация.*

Keywords: *creative industries, resource-extracting region, economic*

diversification, digitalization, effectiveness evaluation, support mechanisms, regional economics, innovative development, creative class, digital transformation

Современный этап развития мировой и национальной экономики характеризуется глобальным переходом от индустриальной парадигмы к экономике знаний, где ключевым фактором создания добавленной стоимости становится интеллектуальный и творческий потенциал человека. В этом контексте креативные индустрии выступают одним из наиболее динамично растущих секторов, способных обеспечить устойчивый экономический рост, создание высокотехнологичных рабочих мест и повышение качества жизни населения. Для ресурсодобывающих регионов, экономика которых исторически опирается на эксплуатацию природных богатств, развитие креативного сектора приобретает экзистенциальное значение. Зависимость от конъюнктуры сырьевых рынков, истощение легкодоступных запасов полезных ископаемых и отток высококвалифицированных кадров в столичные агломерации вынуждают региональные власти искать новые драйверы роста. Креативные индустрии в сочетании с процессами цифровизации предоставляют уникальную возможность для структурной перестройки экономики таких территорий, превращая их из поставщиков сырья в центры генерации инноваций и смыслов. Однако успешная реализация данного перехода невозможна без формирования эффективной системы институциональной, финансовой и инфраструктурной поддержки субъектов креативного предпринимательства. При этом фундаментальной научной и практической проблемой остается объективная оценка эффективности применяемых механизмов поддержки, особенно в условиях, когда цифровизация кардинально меняет бизнес-модели и способы взаимодействия государства, бизнеса и общества.

Теоретико-методологическая база исследования опирается на труды отечественных и зарубежных ученых в области региональной экономики, теории креативного класса и цифровой экономики. Как справедливо отмечает в своих работах Ричард Флорида, именно концентрация талантов, технологий и толерантности формирует благоприятную среду для экономического процветания территорий [1, с. 45]. В свою очередь, Чарльз Лэндри акцентирует внимание на

концепции «креативного города», в котором городская инфраструктура и культурное наследие становятся ресурсом для инновационного развития [2, с. 112]. В контексте ресурсодобывающих регионов особую значимость приобретают исследования, посвященные преодолению «голландской болезни» и диверсификации пространственной структуры экономики. Отечественные исследователи указывают на то, что сырьевая специализация региона часто формирует институциональные ловушки, препятствующие развитию несырьевых секторов [3, с. 28]. Высокий уровень заработных плат в добывающем секторе приводит к оттоку кадрового потенциала из других отраслей, а концентрация инвестиций в капиталоемких проектах оставляет инновационный сегмент без необходимого финансирования. В таких условиях цифровизация выступает в роли великого уравнителя, снижая транзакционные издержки и предоставляя творческим предпринимателям из отдаленных промышленных центров доступ к глобальным рынкам сбыта и источникам капитала [4, с. 76]. Тем не менее, для запуска механизмов самоподдерживающегося роста креативного сектора необходим первоначальный импульс со стороны государства, эффективность которого требует тщательного мониторинга и оценки.

Процесс цифровизации вносит существенные коррективы в саму природу креативных индустрий, трансформируя цепочки создания стоимости. Если ранее для производства и распространения культурного или интеллектуального продукта требовалась масштабная физическая инфраструктура, то сегодня многие процессы перешли в виртуальную плоскость. Дизайн, разработка программного обеспечения, создание цифрового контента, архитектурное проектирование и медиа-производство могут осуществляться специалистами, физически находящимися в сибирских или дальневосточных ресурсодобывающих регионах, но работающими на международную аудиторию. В этой связи традиционные механизмы поддержки, такие как предоставление льготных офисных помещений или субсидирование участия в очных выставках, постепенно теряют свою первостепенную значимость. На их место приходят цифровые инструменты: субсидирование доступа к облачным вычислениям, гранты на приобретение

специализированного программного обеспечения, помощь в продвижении на международных маркетплейсах и краудфандинговых платформах. Подобная трансформация требует пересмотра подходов к оценке эффективности государственной поддержки, поскольку старые метрики, основанные исключительно на объеме произведенной физической продукции или количестве квадратных метров предоставленных площадей, больше не отражают реального экономического эффекта [5, с. 134].

Для формирования комплексной системы оценки эффективности необходимо четко определить критерии, по которым будет измеряться успешность применяемых механизмов. В ресурсодобывающем регионе эти критерии должны учитывать не только прямые финансовые результаты деятельности поддержанных предприятий, но и их вклад в изменение социально-экономического ландшафта территории. Важнейшим аспектом является синергетический эффект, возникающий при взаимодействии креативных индустрий с базовым добывающим сектором. Речь идет о разработке промышленного дизайна для специализированного оборудования, создании цифровых двойников месторождений, производстве обучающего VR-контента для нефтяников и шахтеров, а также формировании комфортной урбанистической среды, способствующей удержанию молодежи в промышленных городах. Таким образом, оценка эффективности должна носить многомерный характер, охватывая экономические, социальные, инновационные и институциональные показатели. В целях структурирования данного подхода нами была разработана система критериев, отражающая специфику функционирования инфраструктуры поддержки креативных индустрий в условиях всеобъемлющей цифровизации.

Представленные в таблице 1 критерии наглядно демонстрируют, что в эпоху цифровой трансформации вектор оценки смещается от количественных показателей к качественным характеристикам создаваемых экосистем. Экономическая отдача от креативного сектора в сырьевом регионе может на первых этапах казаться незначительной по сравнению с налоговыми отчислениями нефтегазовых или металлургических гигантов [6, с. 201].

Таблица 1 – Показатели оценки эффективности инфраструктуры поддержки креативных индустрий в ресурсодобывающем регионе

Критерий оценки	Сущность критерия в условиях цифровизации	Ожидаемый экономический эффект
Экономическая отдача	Анализ динамики налоговых поступлений от субъектов креативного сектора, использующих цифровые платформы и сервисы для ведения бизнеса	Диверсификация доходной части регионального бюджета, снижение прямой зависимости от волатильности сырьевых рынков
Экспортный потенциал	Оценка объема экспорта цифровых продуктов, интеллектуальных услуг и лицензий на использование объектов авторского права	Привлечение дополнительных финансовых потоков в регион, расширение рынков сбыта за пределы домашнего макрорегиона
Инновационная активность	Подсчет количества зарегистрированных патентов, свидетельств на программное обеспечение и объектов интеллектуальной собственности, созданных резидентами	Формирование устойчивой базы нематериальных активов, повышение общей капитализации регионального инновационного сектора
Социально-кадровый эффект	Измерение количества высокотехнологичных и удаленных рабочих мест, созданных при поддержке региональных институтов развития	Снижение оттока талантливой молодежи из сырьевых регионов, повышение уровня цифровой грамотности местного населения
Синергия с реальным сектором	Оценка количества внедренных креативных решений и цифровых продуктов в деятельность профильных ресурсодобывающих предприятий региона	Повышение производительности труда и экологической безопасности в традиционных сырьевых отраслях за счет новых технологий
Инфраструктурная доступность	Мониторинг степени загрузки виртуальных мощностей, коворкингов и цифровых платформ поддержки креативного бизнеса	Оптимизация бюджетных расходов на содержание физической инфраструктуры путем перевода части сервисов в цифровую среду

Однако главная стратегическая ценность этих доходов состоит в другом — они не зависят от глобальных скачков сырьевой конъюнктуры. Цифровой контент как экспортный продукт даёт компаниям региона возможность войти в международные цепочки создания стоимости, минуя при этом колоссальные логистические затраты, которые всегда сдерживали развитие материального производства на отдалённых территориях страны. О формировании базы для

долгосрочной конкурентоспособности говорит и рост числа регистрируемых объектов интеллектуальной собственности — это уже зримый показатель инновационной активности. Отдельного упоминания заслуживает социально-кадровый аспект. Известно, что суровый климат и неблагоприятная экология промышленных узлов часто подталкивают людей к переезду. Появление же творческих рабочих мест, не связанных с физически тяжёлым трудом, способствует зарождению нового социального слоя — креативного класса. Именно он становится двигателем сервисной экономики и городской культуры на этих территориях. Наконец, синергия с реальным сектором подтверждает: креативные индустрии вовсе не чужеродны для сырьевого региона. Напротив, они органично встраиваются в его структуру и помогают модернизировать базовые отрасли. Наконец, инфраструктурная доступность позволяет оценить, насколько эффективно расходуются бюджетные средства, выделяемые на создание институтов развития, технопарков и креативных кластеров.

Анализируя механизмы поддержки, необходимо разделять их на финансовые, нефинансовые и инфраструктурные, каждый из которых претерпевает существенные изменения под влиянием цифровизации. К финансовым механизмам относятся гранты, субсидии, льготные займы и налоговые преференции. В условиях цифровизации процесс распределения этих средств становится более прозрачным. Использование технологий распределенного реестра и смарт-контрактов при выдаче государственных субсидий позволяет минимизировать коррупционные риски и обеспечить целевое расходование средств [7, с. 89]. Нефинансовые механизмы включают в себя образовательные программы, менторство, содействие в защите интеллектуальных прав и помощь в выходе на новые рынки. Цифровая среда позволяет масштабировать эту поддержку, предоставляя доступ к лучшим экспертам и образовательным курсам в режиме онлайн, что особенно актуально для огромных по площади сырьевых регионов, где физическая концентрация специалистов затруднена. Инфраструктурные механизмы традиционно предполагали строительство бизнес-инкубаторов и центров прототипирования. Сегодня же акцент смещается на создание облачной инфраструктуры,

высокоскоростных сетей передачи данных и платформ для совместной работы, объединяющих творческих профессионалов в виртуальные сообщества независимо от их физического местонахождения [8, с. 54].

Для более глубокого понимания влияния цифровизации на эффективность механизмов поддержки нами был проведен сравнительный анализ традиционных и цифровых форматов взаимодействия государства и креативного бизнеса. Внедрение цифровых решений не просто автоматизирует существующие процессы, а коренным образом меняет их логику, скорость и результативность. Традиционные механизмы, основанные на бюрократических процедурах и личном взаимодействии, часто становились непреодолимым барьером для начинающих представителей креативного класса, не обладающих достаточным опытом административной работы. Цифровые форматы, напротив, характеризуются клиентоцентричностью, интуитивной понятностью и максимальным снижением транзакционных издержек. Это позволяет значительно расширить воронку вовлечения творческой молодежи в предпринимательскую деятельность и повысить процент успешной реализации грантовых проектов. Результаты сопоставления этих двух подходов отражены в разработанной аналитической модели.

Таблица 2 - Сравнительный анализ эффективности традиционных и цифровых механизмов поддержки креативных индустрий

Вид поддержки	Традиционный формат	Цифровой формат	Изменение уровня эффективности
Предоставление финансовой помощи (гранты, субсидии)	Подача бумажных заявок, длительные сроки рассмотрения экспертными комиссиями, сложная процедура отчетности	Электронная подача через единые порталы, автоматизированный скоринг заявок, использование смарт-контрактов для отслеживания целевых трат	Существенное сокращение времени на администрирование, минимизация человеческого фактора, рост числа одобренных проектов от микробизнеса
Инфраструктурное обеспечение	Физическое размещение резидентов в зданиях технопарков, ограниченность рабочих мест, привязка к конкретному городу	Создание виртуальных резиденств, предоставление доступа к облачным хранилищам и вычислительным мощностям для рендеринга и работы с	Крайне высокое расширение охвата получателей поддержки по всей территории региона, снижение затрат на капитальное строительство

		BigData	
Образовательная и менторская поддержка	Очные семинары, приглашение спикеров, ограниченная вместимость аудиторий, высокие логистические затраты	Проведение вебинаров, создание интерактивных баз знаний, использование алгоритмов ИИ для подбора персонального ментора	Повышение качества и доступности образовательного контента, возможность непрерывного обучения без отрыва от основной деятельности
Продвижение и сбыт продукции	Организация региональных ярмарок, участие в очных выставках, выпуск печатных каталогов продукции креативного сектора	Создание региональных маркетплейсов для креативных товаров, интеграция с глобальными NFT-площадками, таргетированная цифровая реклама	Глобальное расширение целевой аудитории, возможность монетизации цифрового искусства и дизайна на международных рынках
Защита интеллектуальной собственности	Длительная процедура регистрации через патентные ведомства, высокая стоимость услуг профильных юристов	Использование блокчейн-технологий для быстрой фиксации авторских прав, онлайн-депонирование произведений, цифровой нотариат	Значительное упрощение и удешевление процесса легализации нематериальных активов, повышение инвестиционной привлекательности проектов

Данные таблицы 2 убедительно свидетельствуют о том, что цифровизация механизмов поддержки приводит к качественному скачку в их эффективности. Переход от бумажной волокиты к автоматизированному скорингу позволяет государственным органам оперативно реагировать на запросы креативного сообщества. Виртуальное резиденство решает проблему неравномерного развития территорий внутри самого сырьевого региона. Зачастую вся активность концентрируется в административном центре, оставляя малые моногорода на периферии инновационных процессов [9, с. 62]. Цифровые платформы позволяют дизайнеру или программисту из небольшого шахтерского поселка получать те же меры поддержки и доступ к инфраструктуре, что и жителю региональной столицы. Образовательная поддержка в цифровом формате не только снижает издержки, но и позволяет формировать индивидуальные траектории развития, адаптированные под специфику конкретного направления креативной индустрии, будь то гейм-дев, мода или современное искусство. Выход на цифровые рынки сбыта открывает перед создателями контента неограниченные перспективы, позволяя им

привлекать финансирование со всего мира, минуя традиционных посредников. Наконец, надежная и быстрая защита интеллектуальной собственности в цифровой среде является краеугольным камнем для привлечения венчурных инвестиций, без которых невозможно масштабирование технологичных креативных проектов [10, с. 18].

Методология оценки эффективности этих новых, оцифрованных механизмов требует применения комплекса эконометрических и социологических инструментов. Классический анализ рентабельности инвестиций (ROI) применительно к государственным средствам должен дополняться расчетом социального возврата на инвестиции (SROI). Этот показатель позволяет монетизировать и учесть такие неявные эффекты, как снижение уровня преступности в молодежной среде за счет вовлечения в созидательную деятельность, повышение туристической привлекательности региона благодаря формированию уникального культурного кода, а также рост удовлетворенности населения качеством городской среды. В условиях цифровизации становится возможным использование методов аналитики больших данных (BigData) для непрерывного мониторинга состояния креативного сектора. Анализ цифрового следа компаний, мониторинг активности в профильных социальных сетях и платформах для разработчиков позволяют региональным властям в режиме реального времени отслеживать эффективность применяемых мер поддержки и оперативно корректировать свою политику.

Практическая реализация предложенных подходов к оценке эффективности может быть рассмотрена на примере типичного ресурсодобывающего региона, стремящегося к диверсификации.

Креативные индустрии, продукт которых имеет нулевые или минимальные предельные издержки на тиражирование в цифровой среде, обладают иммунитетом к этой проблеме. Разработанная компьютерная игра, музыкальный альбом или программное обеспечение могут быть проданы бесконечное количество раз без дополнительных затрат на логистику или сырье. Следовательно, одним из ключевых показателей эффективности государственной поддержки креативного

сектора в таком регионе должно стать соотношение объема созданной добавленной стоимости к объему потребляемых материальных ресурсов. Рост этого показателя будет свидетельствовать о реальной структурной трансформации региональной экономики в сторону постиндустриальной модели.

Процесс внедрения цифровых механизмов оценки эффективности сопряжен с рядом серьезных вызовов. Одной из главных проблем является сложность идентификации субъектов креативного предпринимательства. В отличие от традиционных отраслей промышленности, границы креативного сектора размыты, а многие творческие работники предпочитают оставаться в теневом секторе экономики или работать в статусе самозанятых без образования юридического лица. Цифровизация процессов взаимодействия с государством, в частности введение льготных налоговых режимов налога на профессиональный доход, способствует постепенному обелению этого сегмента. Однако для точной оценки экономической отдачи необходима интеграция баз данных государственного сектора, что поднимает сложные вопросы обеспечения информационной безопасности и защиты персональных данных. Существует риск возникновения цифрового неравенства, когда доступ к современным мерам поддержки получают только высокотехнологичные креативные индустрии, такие как ИТ, в то время как традиционные ремесла, народные промыслы и исполнительские искусства оказываются на периферии внимания государственных институтов [1, с. 8]. Для предотвращения подобного дисбаланса система оценки эффективности должна включать дифференцированные показатели для различных сегментов творческой экономики.

Необходимо также отметить важность межрегионального сотрудничества в процессе цифровизации поддержки креативных индустрий. Ресурсодобывающие регионы обладают схожими структурными проблемами, что открывает возможности для обмена лучшими практиками. Объединение ресурсов нескольких регионов для создания мощного виртуального креативного кластера позволяет достичь эффекта масштаба, привлечь более квалифицированных экспертов и менторов, а также сформировать единый бренд на международной арене. Оценка

эффективности таких межрегиональных инициатив требует сложного макроэкономического моделирования, учитывающего взаимное влияние рынков труда и капитала. В этом контексте перспективным направлением является использование технологий искусственного интеллекта для прогнозирования долгосрочных эффектов от реализации программ поддержки и оптимизации распределения бюджетных средств [5, с. 196].

Развитие креативных индустрий в ресурсодобывающем регионе является не просто модным трендом, а насущной экономической необходимостью, продиктованной вызовами времени. Переход к экономике знаний требует кардинального пересмотра подходов к управлению региональным развитием. Механизмы поддержки, успешно функционировавшие в индустриальную эпоху, теряют свою актуальность, уступая место гибким, клиентоориентированным цифровым решениям. Проведенная оценка эффективности показывает, что интеграция цифровых технологий в процессы взаимодействия государства и творческого бизнеса позволяет многократно повысить результативность инвестируемых средств, расширить географию поддержки и снизить административные барьеры. Предложенная система критериев оценки, учитывающая как прямые экономические, так и косвенные социально-инновационные эффекты, обеспечивает объективную картину состояния креативного сектора и позволяет оперативно корректировать стратегию его развития. Дальнейшие исследования в данной области должны быть направлены на совершенствование методологии сбора и анализа больших данных для непрерывного мониторинга творческой экономики, а также на изучение специфики адаптации традиционных культурных индустрий к реалиям глобального цифрового рынка. Успешная реализация этих задач позволит ресурсодобывающим регионам не только преодолеть структурные ограничения сырьевой модели, но и занять достойное место на мировой карте креативных инноваций.

Список литературы

1. Трохинова У. В. Практики поддержки креативных индустрий на региональном уровне: проблемы реализации и перспективы развития // Креативная

экономика. — 2025. — №4.

2. Зубова Ю. А. Цифровые платформы как фактор развития креативных индустрий в регионе // Прогрессивная экономика. — 2025. — №6.

3. Институт статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ. Рейтинг креативных регионов России. — 2024. — ISBN 978-5-7598-3033-7.

4. Ривчун Т. Е., Вапнярская О. И., Платонова Н. А. Практики поддержки креативных индустрий на региональном уровне // Вопросы государственного и муниципального управления. — 2024. — №3. — С. 187–210.

5. Соболев А. Д. Перспективы креативных индустрий в России, связанных с производством цифрового контента // Молодой учёный. — 2026. — №9 (612). — С. 195–198.

6. Кизина О. Б. Концепция развития творческих (креативных) индустрий в России // Творческие (креативные) индустрии. — 2022.

7. Дятлова Т. А., Коптев А. Ю., Соколова П. М. Креативные индустрии в развитии брендинга и маркетинга на примере ХМАО-Югры // Актуальные вопросы современной экономики.

8. Бабина Е. Н., Барашкина Е. В., Беганская И. Ю. и др. Креативные индустрии как императив экономического роста: кросс-инновации и устойчивое развитие. — Самара: ООО НИЦ «ПНК», 2024. — 214 с. — ISBN 978-5-6051196-5-4.

9. Евменов А. Д., Еникеева Л. А., Сорвина Т. А. и др. Формирование инфраструктуры креативных (творческих) индустрий регионов: перспективные направления развития в условиях цифровизации. — СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского государственного экономического университета, 2024. — 160 с.

10. Грошев И. В., Краснослободцев А. А. Цифровизация и креативность российских регионов // Социологические исследования. — 2020. — №5. — С. 66–78. — DOI 10.31857/S013216250009390-

УДК 338.33

**ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ ПРОИЗВОДСТВА
ИНДУСТРИИ 5.0****Попова Евгения Сергеевна**

Кандидат экономических наук, доцент

ВУНЦ ВВС «ВВА» (город Воронеж)

Булатов Сергей Дмитриевич

Курсант ВУНЦ ВВС «ВВА» (город Воронеж)

Аннотация. В статье рассмотрена необходимость технологических изменений, связанных с формированием концепции индустрии 5.0

Ключевые слова: индустрия, технология, производство, эффективность

Производство в индустрии 5.0 направлено на активное внедрение передовых технологий во все рабочие процессы производства, логистики, обработки данных и систем управления знаниями для повышения производительности, ориентированной на человека накопленные знания. Следует выделить семь «техничко-функциональных принципов» проектирования систем индустрии 5.0: децентрализация, вертикальная интеграция, горизонтальная интеграция, функциональная совместимость, модульность, возможность работы в режиме реального времени, техническая поддержка и виртуализация. Более подробно принципы индустрии 5.0 представлены в таблице 1.

Таблица 1 - Принципы индустрии 5.0

№ п/п	Наименование принципа	Характеристика	Возможности
1	Децентрализация	Независимые взаимосвязанные производственные процессы	Обеспечивает гибкость и снижение сложности
2	Вертикальная интеграция	Организация включает в себя этапы производства на всех уровнях	Повышает эффективность, улучшает коммуникацию и производительность внутри организации

3	Горизонтальная интеграция	Интеграция всех операций на одном уровне цепочки создания стоимости	Повышает эффективность автоматизации и снижает производственные затраты, упрощает настройку продукции, обеспечивает прозрачность и гибкость процессов
4	Функциональная совместимость	Эффективная и надежная связь между промышленными системами	Обмен информацией позволяет оптимизировать процессы
5	Модульность	Разделение отдельных этапов сложной цепочки создания стоимости	Позволяет упростить перенастройку и адаптацию производства под другой продукт
6	Возможность работы в режиме реального времени	Обмен данными между интеллектуальными объектами и модулями в режиме реального времени	Обеспечивает принятие взвешенных решений и гибкость при профилактическом обслуживании, управлении рисками и предотвращении сбоев
7	Техническая помощь	Визуализированная информация для решения проблем	Снижает потребность в изнурительной или неэргономичной работе за счет автоматизации повторяющихся задач и передачи человеку функций по принятию решений.
8	Виртуализации	Цифровое воссоздание процессов с использованием данных, полученных в ходе реальных операций	Повторяйте редизайн и оптимизацию без физического риска

Поскольку многие инновационные аспекты индустрии 5.0 стали возможны благодаря технологиям, важно применять человекоориентированный подход к разработке самих технологий. Эти вспомогательные технологии (уже существующие или перспективные) делятся на категории, выполняющие различные функции в парадигме индустрии 5.0: когнитивные киберфизические системы, искусственный интеллект, машинное обучение, аналитика больших данных, облачные и периферийные вычисления; расширенная реальность; цифровое производство и технология блокчейн. Рассмотрим каждый из представленных категорий более подробно.

Киберфизические системы (КФС). Плавная разработка физико-цифровых систем с использованием принципов проектирования является одним из проявлений этой темы в литературе CPS объединяет физические и вычислительные

процессы таким образом, что поведение определяют как цифровые, так и физические компоненты Датчики, сенсорные сети и промышленный интернет вещей позволяют подключенным системам собирать данные в режиме реального времени и обмениваться ими. Технологии беспроводной связи «5G» и выше обеспечивают быстрый и надежный обмен данными между устройствами. Человеко-машинные интерфейсы, такие как промышленные смарт-устройства, призваны повысить эффективность и безопасность труда. Технологии распознавания действий и намерений человека позволяют лучше понять поведение человека в цифровой среде и дают возможность CPS лучше реагировать на различные действия человека.

Искусственный интеллект и машинное обучение/аналитика больших данных/облачные и периферийные вычисления. В то время как такие технологии, как датчики и цифровые двойники, собирают данные и управляют ими, искусственный интеллект и машинное обучение применяются в основном для анализа этих данных с целью распознавания закономерностей и принятия обоснованных решений в рамках систем управления производством. В частности, методы глубокого обучения показали свою эффективность в интеллектуальных системах мониторинга, обеспечивая надежное извлечение признаков, точную диагностику и профилактическое обслуживание. Однако, мониторинг этих систем генерирует огромные массивы данных. Для того, чтобы разобраться в этих данных, в системах управления цепочками поставок должны быть предусмотрены сложные механизмы сбора, хранения, анализа и интерпретации колоссальных объемов информации. Отраслевые системы данных опираются на набор вспомогательных технологий, которые позволяют генерировать данные и управлять ими. К ним относятся, в частности, искусственный интеллект, машинное обучение, аналитика больших данных, а также технологии передачи и хранения данных, основанные на облачных и периферийных вычислениях. Кроме того, предиктивная аналитика на основе искусственного интеллекта может обрабатывать большие массивы данных для прогнозирования поведения пользователей и динамики рынка.

Расширенная реальность. Технологии расширенной реальности, такие как дополненная реальность (Augmented Reality, AR) и виртуальная реальность (Virtual Reality, VR), используются для демонстрации и настройки пользовательского опыта при работе с производственными системами. Эти технологии позволяют погрузиться в производственные системы для решения самых разных задач. На производственных предприятиях системы дополненной и виртуальной реальности используются для навигации сотрудников и контроля процессов, для оценки человеческого опыта в различных пространствах или для проведения виртуальных практических занятий для сотрудников без остановки производственного процесса. Расширенная реальность также применяется для мониторинга экологичных производственных процессов, а также для обучения сотрудников с целью снижения количества ошибок и повышения безопасности труда. Кроме того, эти технологии открывают возможности для цифрового прототипирования, например, для взаимодействия потребителей с прототипами в режиме реального времени.

Цифровое производство. Технологии автоматизированного производства (CAM), такие как аддитивное производство, например 3D-печать, и субтрактивные методы, например фрезерование и строгание на станках с ЧПУ, позволяют создавать индивидуальные проекты, подходящие для конкретных материалов и отвечающие геометрическим требованиям. В отличие от традиционного производства, основанного на экономически выгодном массовом производстве, цифровое производство делает экономически целесообразным мелкосерийное или даже единичное производство. Цифровые производственные технологии основаны на использовании систем автоматизированного проектирования (САПР) для эффективного производства компонентов по индивидуальным заказам со сложной геометрией, высокой точностью и стабильностью повторяемости.

Технология блокчейн. Это децентрализованная одноранговая сеть, которая обеспечивает безопасную и постоянную запись транзакций в общем распределенном реестре, доступном для всех участников. Помимо широко известных применений в финансовых учреждениях, блокчейн обладает значительным

инновационным потенциалом в других областях - от интернета вещей до отслеживания происхождения товаров в цепочке поставок. Для создания более инклюзивных и демократических систем описывают модель децентрализованного автономного программного обеспечения (DAS), которое работает в открытой распределённой одноранговой сети. В этой модели процессы принятия решений интегрированы непосредственно в структуру сети. Одним из важных способов формирования будущего развития, направления и структуры системы является участие людей, часто в форме голосования. При подходе к проектированию, ориентированном на человека, технология блокчейн повышает прозрачность, укрепляет доверие и расширяет возможности пользователей по контролю над системой.

Список литературы

1. Попова Е.С. Факторы внедрения бережливого производства/ Е.С. Попова, И.Н. Щегленко // Заметки ученого. - 2023. - № 2. - С.233-236.
2. Иванов И.Н. Производственный менеджмент. Теория и практика в 2 ч. Часть 1: учебник для вузов / И. Н. Иванов [и др.]; под редакцией И. Н. Иванова. - 2-е изд. - Москва: Издательство Юрайт, 2022. - 376 с.

УДК 339.138:659.1

**КОММУНИКАЦИОННЫЕ СТРАТЕГИИ МОДНЫХ БРЕНДОВ
В ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ:
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РОССИЙСКОГО
И КЫРГЫЗСТАНСКОГО РЫНКОВ**

Шевченко Анастасия Сергеевна

магистрант

Научный руководитель: Гурушкин Павел Юрьевич,

доцент кафедры менеджмента массовых коммуникаций

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

***Аннотация.** В статье исследуются коммуникационные стратегии модных брендов в условиях неоднородного постсоветского медиапространства. На основе сравнительного анализа российского и кыргызстанского рынков выявлены принципиальные различия в логике построения коммуникаций, обусловленные спецификой медиаэкосистем, культурных кодов и конкурентной среды. Показано, что универсальные коммуникационные модели обнаруживают системные ограничения при переносе на постсоветские рынки, а эффективные стратегии формируются на основе глубокой адаптации к локальному контексту.*

The article examines the communication strategies of fashion brands in the context of a heterogeneous post-Soviet media space. Based on a comparative analysis of the Russian and Kyrgyz markets, fundamental differences in communication logic are identified, determined by the specifics of media ecosystems, cultural codes, and competitive environments. It is shown that universal communication models reveal systemic limitations when transferred to post-Soviet markets, while effective strategies are formed on the basis of deep adaptation to the local context.

Ключевые слова: коммуникационные стратегии, модная индустрия,

постсоветское пространство, медиапространство, брендинг, глокализация, Россия, Кыргызстан.

Keywords: *communication strategies, fashion industry, post-Soviet space, media environment, branding, glocalization, Russia, Kyrgyzstan.*

Модная индустрия в современных условиях функционирует прежде всего как система символов, образов и коммуникационных практик. Коммуникационная стратегия бренда нередко определяет восприятие продукта аудиторией в большей степени, нежели его физические характеристики. Особую значимость данный тезис приобретает применительно к постсоветскому пространству, где индустрия моды развивается в условиях одновременного воздействия глобализационных тенденций и устойчивых локальных культурных кодов.

Актуальность темы обусловлена противоречием между универсализацией цифровых коммуникационных инструментов и глубокой культурной неоднородностью рынков. Россия и Кыргызстан, несмотря на общее историческое прошлое, демонстрируют принципиально различные условия функционирования модных коммуникаций: отличия в структуре медиасреды, зрелости рынка, языковых практиках и потребительских ожиданиях. Дополнительную сложность создают изменения после 2022 года: российское цифровое пространство оказалось частично изолированным от ряда глобальных платформ, тогда как Кыргызстан сохранил относительно открытую медиасреду.

Цель данной статьи — выявить ключевые особенности и ограничения коммуникационных стратегий модных брендов применительно к неоднородному постсоветскому медиапространству на примере России и Кыргызстана. Теоретическую основу исследования составляют семиотический подход к моде (Р. Барт, Д. Хебдидж), концепция интегрированных маркетинговых коммуникаций (Д. Шульц), теория культурных измерений (Г. Хофстеде), а также концепция глокализации (Р. Робертсон).

Мода как коммуникационная система: теоретические основания

Семиотический подход к моде, разработанный Р. Бартом в «Системе моды» (1967), раскрывает механизм функционирования одежды как знаковой

системы: вещь несёт коннотации, выстраивающиеся в систему значений, не зависящую от физических свойств предмета [1]. Развивая эту логику, Д. Хебдидж показал, что одежда становится инструментом символического сопротивления и идентификации [2]. Применительно к постсоветскому пространству данный тезис особенно значим: советское наследие, глобальные западные тренды и поиск локальной идентичности сосуществуют в едином символическом поле, порождая специфическое коммуникационное напряжение.

С позиций маркетинга коммуникационная система модного бренда включает пять уровней: идентичность бренда (ценности и эстетика), каналы коммуникации (медиамикс), контент (визуальный язык и нарратив), обратная связь (мониторинг реакций аудитории) и контекст (регуляторная, культурная и экономическая среда). Классическая концепция интегрированных маркетинговых коммуникаций (ИМК), предложенная Д. Шульцем и его коллегами в начале 1990-х годов, исходит из принципа координации всех каналов и сообщений для формирования единого образа бренда [3]. Однако, как указывали де Пелсмакер и соавторы, чрезмерная стандартизация ИМК снижает адаптивность к локальным условиям [4], что особенно критично для неоднородных рынков.

Культурная специфика рынков во многом определяется параметрами модели Г. Хофстеде. Россия характеризуется высокой дистанцией власти (93 балла), сравнительно низким индивидуализмом (39 баллов) и высоким избеганием неопределённости (95 баллов) [5]. Кыргызстан, не представленный в базе данных Hofstede Insights напрямую, демонстрирует схожие коллективистские ценности с существенным дополнительным влиянием религиозно-традиционного контекста. В коммуникационном измерении это означает, что апелляция к групповой идентичности, статусным сигналам и надёжности бренда в обеих странах работает эффективнее, чем акцент на индивидуальном самовыражении, — хотя молодая городская аудитория (18–30 лет) демонстрирует значительный сдвиг в сторону индивидуалистических ценностей.

Российская модель: масштаб, визуальное давление и платформенная нестабильность

Российский рынок одежды по объёму несопоставим ни с одним другим рынком СНГ: по данным Fashion Consulting Group, его оборот составил около 2,7 трлн рублей по итогам 2023 года [6]. Уход в 2022 году крупнейших международных игроков (Zara, H&M, Mango, Reserved, Bershka) создал структурный разрыв, который начали заполнять отечественные бренды. В этом контексте коммуникационные стратегии трёх брендов — LIME, 2Mood и Lichi — представляют наибольший аналитический интерес.

Бренд LIME (основан в 2008 году в Самаре) выстроил стратегию на принципе «внимательного минимализма»: последовательная эстетика в духе южноевропейского образа жизни, отказ от агрессивной прямой рекламы и ставка на культурное партнёрство. Сотрудничество с Домом культуры ГЭС-2 в 2024 году — показательный пример: бренд не покупает внимание, а формирует среду присутствия [7]. Флагманские магазины площадью свыше 2000 кв. м в локациях бывших Zara и H&M функционируют как коммуникационные медиумы, генерируя органический пользовательский контент. Принципиальный выбор — отсутствие на маркетплейсах (Wildberries, Ozon) при эксклюзивном партнёрстве с Lamoda — обеспечивает контроль над ценообразованием и восприятием бренда. Результат: выручка в 2023 году превысила 20,7 млрд рублей — рост в 37 раз за три года [8].

Бренд 2Mood (основан в 2017 году) стал образцовым примером digital-first стратегии: запуск исключительно через Instagram, личный бренд основательниц как ядро коммуникации, формирование аудитории через «дружеский разговор». Блокировка Instagram в 2022 году обнажила структурную уязвимость этой модели: при 615 тыс. подписчиков в заблокированной сети Telegram-канал насчитывал лишь 27 тыс. [9]. Переход в менее визуально ориентированные платформы потребовал пересборки не только каналов, но и самого коммуникационного языка. Компенсаторным решением стало интенсивное развитие офлайн-сети: к середине 2024 года бренд располагал 19 магазинами, а флагман в ТЦ «Метрополис» с авторским кафе воспроизводит логику магазина-медиума, характерную для LIME.

Бренд Lichi демонстрирует наиболее жёсткую версию контроля над дистрибуцией и восприятием. Полный отказ от маркетплейсов обоснован принципиально: «нам банально самим не хватает товара, а производить специально под них считаем невыгодным» [10]. Коммуникационный язык строится вокруг концепции женственности как «ДНК бренда», транслируемой через обучающий стайлинг-контент в социальных сетях. Собственные показы (Sokol Fashion Week 2023, лимитированная коллекция Lace & flowers 2024) выполняют функцию PR-событий, укрепляющих статусное позиционирование. Выручка ООО «Личи Рус» в 2023 году составила 3,94 млрд рублей [10].

Сравнительный анализ трёх кейсов позволяет выделить три системные закономерности российской коммуникационной модели. Первая — высокая зависимость от визуального контента, сформировавшаяся в период доминирования Instagram и не исчезнувшая с его блокировкой, но лишившаяся основного канала дистрибуции. Вторая — осознанное использование офлайн-пространства как коммуникационного медиума, а не только точки продаж. Третья — фокус на конкретную аудиторию вместо максимизации охвата, что в условиях рынка 2022–2024 годов оказалось более устойчивой стратегией, чем массовое позиционирование.

Кыргызстанская модель: коммуникация близости и культурный код

Кыргызстанский рынок моды представляет принципиально иную систему координат. Страна с населением около 7 миллионов человек располагает преимущественно неформальным рынком одежды: крупнейший оптово-розничный торговый комплекс «Дордой» (около 40 000 торговых точек, ежегодный оборот — порядка 6 млрд долларов США) функционирует вне логики брендовых коммуникаций [11]. Ключевым механизмом коммуникации здесь остаётся устная рекомендация и физическое присутствие: покупатель приходит на рынок не в ответ на рекламу, а по совету знакомых. Это горизонтальная, доверительная сеть распространения информации, которую невозможно воспроизвести средствами традиционного медиапланирования.

Вместе с тем в Бишкеке формируется слой брендов, строящих присутствие

в цифровой логике при сохранении специфически кыргызстанских коммуникационных особенностей. Магазин Sonun.mag использует кыргызские культурные коды в визуальном оформлении (орнаменты, отсылки к традиционному костюму), ведёт коммуникацию на двух языках, отражая реальную двуязычность бишкекской аудитории, и активно участвует в локальных культурных событиях. Принципиальное отличие от российских аналогов состоит в том, что культурная укоренённость здесь является конкурентным преимуществом, а не нейтральным фоном.

Наиболее системно выстроенным примером кыргызского брендинга является ВАИРА (дизайнер Толгонай Керимкулова). Бренд специализируется на современной одежде с элементами кыргызского национального орнамента и берёт на себя задачу шире коммерческой — представлять Кыргызстан на международных площадках (Всемирные игры кочевников, показ в Южной Корее в 2023 году). Национальный культурный код в данном случае работает как коммуникационный ресурс двойного действия: внутри страны — как маркер идентификации, за рубежом — как позитивная экзотика [12]. Коммерческое ограничение стратегии очевидно: аудитория, готовая платить за авторскую одежду с национальным орнаментом, в Бишкеке конечно по объёму.

Молодые городские бренды 20twenty и be adam занимают промежуточную позицию: они ориентируются на глобальные тренды, не апеллируют к национальному коду, но производятся локально и транслируют эту принадлежность как ценность. В последние годы бирка «сделано в Кыргызстане» наполняется новым коммуникационным содержанием: по данным торгового представительства России в Кыргызстане, бренд Made in Kyrgyzstan приобретает устойчивую популярность в России, а товарооборот в сегменте текстиля между двумя странами вырос на 45% [13].

Анализ кыргызстанских кейсов позволяет описать специфическую модель — «коммуникацию близости»: доверие важнее охвата, точность попадания важнее масштаба, живое взаимодействие важнее нарратива. Структурная слабость этой модели — низкая аналитическая составляющая: кыргызские бренды редко

работают с данными, коммуникация строится интуитивно, что делает опыт невоспроизводимым и не превращается в институциональное знание.

Ограничения универсальных стратегий и перспективы адаптивной коммуникации

Концепция глокализации, введённая Р. Робертсоном как описание «интерпенетрации универсального и партикулярного» [14], на первый взгляд предлагает элегантное решение проблемы неоднородных рынков. Однако применительно к постсоветскому пространству данная концепция обнаруживает существенные ограничения. Во-первых, глокализация предполагает устойчивое «глобальное ядро» стратегии, тогда как на постсоветских рынках сами ценностные ориентиры находятся в состоянии трансформации. Во-вторых, «адаптация» в глокальной логике нередко сводится к косметическим изменениям (перевод, замена визуального образа), тогда как реальная культурная адаптация требует принципиально иного уровня вложений и компетенций. В-третьих, различия между Россией и Кыргызстаном настолько существенны, что даже адаптированная версия единой стратегии рискует оказаться неадекватной для одного из рынков.

Регуляторное измерение после 2022 года превратилось в непреодолимое препятствие для единой стратегии. В России заблокированы Instagram и Facebook, TikTok функционирует с ограничениями, YouTube периодически замедляется. В Кыргызстане все перечисленные платформы доступны в полном объёме. Это означает, что коммуникационная стратегия, оптимальная для российского рынка, физически не может быть воспроизведена на кыргызском без полной переработки каналального микса — и наоборот.

Различия в зрелости рынков порождают ещё одно системное ограничение. Российский потребитель имеет опыт взаимодействия с брендами, выработал критическое отношение к рекламе, считывает тонкие визуальные коды. На кыргызстанском рынке работают иные механизмы: более прямые апелляции, очевидные сигналы качества, высокая роль сарафанного радио. Стратегии, разработанные для зрелой российской аудитории, при переносе в Кыргызстан «не

декодируются» целевой аудиторией; чрезмерно упрощённые коммуникации, в свою очередь, не находят отклика у образованной бишкекской молодёжи, знакомой с международными брендами.

Практически значимый вывод, следующий из сравнительного анализа, состоит в том, что наиболее устойчивые стратегии в обоих контекстах строятся не на адаптации глобальных шаблонов, а на «строительстве с нуля» на локальном фундаменте. LIME и Lichi формируют собственную идентичность, не воспроизводя западные прецеденты, — и именно это объясняет их устойчивость. BAIRA создаёт язык, органичный кыргызскому культурному контексту, — и именно это обеспечивает глубину лояльности аудитории. Масштаб и ресурсная база различаются радикально; принцип — единый.

Заключение

Проведённый анализ позволяет сформулировать ряд выводов, имеющих как теоретическое, так и прикладное значение.

Коммуникации в модной индустрии не являются вспомогательным маркетинговым инструментом — они конститутивны для самого продукта. Семиотическая природа моды делает коммуникационную стратегию и товар неотделимыми, что требует глубокого понимания культурных кодов целевой аудитории.

Постсоветское пространство не является единой коммуникационной средой. Россия и Кыргызстан представляют принципиально различные рынки по регуляторным условиям, зрелости медиаинфраструктуры, конкурентной структуре, языковым и культурным кодам. Любая попытка применить единую стратегию к обоим рынкам без глубокой адаптации обречена на частичный или полный коммуникационный сбой.

Эффективные коммуникационные стратегии в обоих контекстах формируются не через адаптацию глобальных моделей, а через строительство на локальном фундаменте. В российском контексте это означает точное сегментирование, офлайн-присутствие как медиум и устойчивость к платформенным изломам. В кыргызстанском — использование культурного кода как конкурентного ресурса, приоритет доверия над охватом и постепенное встраивание аналитических

инструментов в интуитивно построенные практики.

Академический потенциал постсоветских рынков как объекта исследования в области модных коммуникаций остаётся в значительной мере нереализованным. Настоящее исследование представляет попытку заполнить часть этой лакуны и обозначить направления для дальнейшего научного анализа.

Список литературы

1. Barthes R. The Fashion System. — New York: Hill and Wang, 1983 [1967]. — 303 p.
2. Hebdige D. Subculture: The Meaning of Style. — London: Methuen, 1979. — 195 p.
3. Schultz D.E., Tannenbaum S.I., Lauterborn R.F. Integrated Marketing Communications. — Lincolnwood: NTC Business Books, 1993. — 213 p.
4. De Pelsmacker P., Geuens M., Van den Bergh J. Marketing Communications: A European Perspective. — 6th ed. — Harlow: Pearson Education, 2018. — 672 p.
5. Hofstede Insights. Country Comparison Tool [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.hofstede-insights.com> (дата обращения: 10.01.2025).
6. Fashion Consulting Group. Российский рынок одежды: итоги 2023 года. — Москва, 2024. — URL: <https://www.fashionconsulting.ru> (дата обращения: 15.01.2025).
7. РБК Стиль. Команда бренда LIME [Электронный ресурс]. — URL: <https://visionaries.rbc.ru/visionaries/lime/> (дата обращения: 15.01.2025).
8. Lime (бренд) // Википедия [Электронный ресурс]. — URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Lime_\(бренд\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Lime_(бренд)) (дата обращения: 15.01.2025).
9. РБК Стиль. Выживут честнейшие: модные бренды о том, как будут работать без инстаграма [Электронный ресурс]. — URL: <https://style.rbc.ru/items/62389e1e9a79477a7ea99aa2> (дата обращения: 15.01.2025).
10. PROfashion.ru. Lichi [Электронный ресурс]. — URL: <https://profashion.ru/guide/lichi/> (дата обращения: 15.01.2025).
11. Дордой (рынок) // Википедия [Электронный ресурс]. — URL:

[https://ru.wikipedia.org/wiki/Дордой_\(рынок\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Дордой_(рынок)) (дата обращения: 15.01.2025).

12. IPQuorum.ru. Толгонай Байра: «Сегодня в Кыргызстане одежда с национальным колоритом на пике своего развития» [Электронный ресурс]. — URL: <https://ipquorum.ru/news/8611> (дата обращения: 15.01.2025).

13. 24.kg. Бренд Made in Kyrgyzstan становится всё более популярным у жителей России [Электронный ресурс]. — URL: <https://24.kg/obschestvo/230028/> (дата обращения: 15.01.2025).

14. Robertson R. Glocalization: Time-Space and Homogeneity-Heterogeneity // Global Modernities / Ed. by M. Featherstone et al. — London: Sage, 1995. — P. 25–44.

УПРАВЛЕНИЕ ПРЕДПРИЯТИЯМИ

УДК 659.4

ИНТЕГРАЦИЯ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО ИСКУССТВА В РЕКЛАМНЫЙ ПЛАКАТ: КОММУНИКАТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ И КРИТЕРИИ ЭФФЕКТИВНОСТИ

Гриненко Алена Дмитриевна

магистрант

Научный руководитель: Черкашина Светлана Анатольевна,

кандидат культурологии,

доцент кафедры менеджмента массовых коммуникаций СПбГУ

Санкт-Петербургский государственный университет,

Институт «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций»,

город Санкт-Петербург

***Аннотация.** В статье рассматривается интеграция произведений изобразительного искусства в рекламный плакат как один из инструментов современной рекламной коммуникации. Актуальность исследования обусловлена высокой информационной насыщенностью медиасреды и необходимостью поиска выразительных визуальных решений, способных привлечь внимание аудитории. Цель статьи заключается в выявлении коммуникативного потенциала художественных образов и определении критериев эффективности их использования в рекламных плакатах. В работе применяются методы анализа научной литературы, сравнительного анализа, семантического анализа и обобщения. Установлено, что произведения изобразительного искусства усиливают рекламное сообщение за счет узнаваемости, эмоционального воздействия, культурных ассоциаций и повышения запоминаемости. В результате исследования систематизированы основные приемы интеграции художественных образов и*

предложены критерии оценки эффективности их использования в рекламном плакате.

Abstract. *The article examines the integration of works of fine art into advertising posters as one of the tools of modern advertising communication. The relevance of the study is determined by the high level of information saturation in the media environment and the need to find expressive visual solutions capable of attracting audience attention. The aim of the article is to identify the communicative potential of artistic images and to determine the criteria for evaluating the effectiveness of their use in advertising posters. The study applies methods of scientific literature analysis, comparative analysis, semantic analysis, and generalization. It has been established that works of fine art strengthen advertising messages through recognizability, emotional impact, cultural associations, and increased memorability. As a result of the study, the main techniques for integrating artistic images were systematized, and criteria for evaluating the effectiveness of their use in advertising posters were proposed.*

Ключевые слова: *рекламная коммуникация, рекламный плакат, изобразительное искусство, художественный образ, визуальная коммуникация, интеграция искусства, коммуникативный потенциал, эффективность рекламы, медиасреда.*

Keywords: *advertising communication, advertising poster, fine art, artistic image, visual communication, integration of art, communicative potential, advertising effectiveness, media environment.*

Введение

Современная реклама функционирует в условиях высокой информационной перегрузки. Потребитель ежедневно сталкивается с большим количеством визуальных и текстовых сообщений, значительная часть которых не запоминается и не вызывает устойчивого интереса. В этих условиях возрастает значение выразительных визуальных решений, способных быстро привлечь внимание аудитории и сформировать эмоциональную связь между потребителем и брендом.

Одним из таких решений является интеграция произведений

изобразительного искусства в рекламный плакат. Известные художественные образы обладают высоким уровнем узнаваемости, культурной значимостью и способностью вызывать ассоциации. Благодаря этому они могут выступать не только декоративным элементом рекламы, но и полноценным инструментом коммуникативного воздействия.

Проблема статьи заключается не в рассмотрении общей взаимосвязи искусства и рекламы, а в определении того, при каких условиях интеграция художественного образа в рекламный плакат становится эффективной. Художественный образ может усиливать рекламное сообщение, однако при неудачном использовании он способен отвлекать внимание от бренда, вызывать неоднозначную реакцию или разрушать смысловую целостность плаката.

Объектом исследования являются рекламные плакаты с интеграцией произведений изобразительного искусства.

Предмет исследования - коммуникативный потенциал и критерии эффективности использования произведений изобразительного искусства в визуально-графических решениях рекламных плакатов.

Цель исследования - выявить коммуникативный потенциал интеграции произведений изобразительного искусства в рекламные плакаты и определить критерии эффективности использования художественных образов в рекламной коммуникации.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи: рассмотреть теоретические основания использования искусства в рекламной коммуникации; определить коммуникативный потенциал художественного образа в рекламном плакате; выделить основные приемы интеграции произведений искусства в рекламу; систематизировать критерии оценки эффективности художественной интеграции в рекламном плакате.

Научная новизна исследования заключается в систематизации критериев оценки эффективности интеграции произведений изобразительного искусства в рекламные плакаты, а также в выявлении наиболее результативных коммуникативных приемов использования художественных образов в современной

рекламной коммуникации.

Методологическую основу исследования составили труды, посвященные теории рекламы, визуальной коммуникации, семиотике рекламного сообщения и функционированию культурных артефактов в медиасреде. В работе использованы методы анализа научной литературы, сравнительного анализа, семантического анализа и обобщения.

Теоретические основания использования искусства в рекламной коммуникации

Реклама является формой массовой коммуникации, направленной на передачу информации, формирование отношения к продукту, услуге или бренду и стимулирование определенного поведения аудитории. Визуальная составляющая рекламы имеет особое значение, поскольку изображение воспринимается быстрее текста и способно оказывать эмоциональное воздействие еще до рационального осмысления рекламного сообщения.

В.В. Ученова и Н.В. Старых рассматривают рекламу как явление, исторически связанное с развитием культуры и коммуникации [1]. Реклама не существует изолированно от культурной среды: она использует уже сложившиеся знаки, символы, образы и ценности, адаптируя их под задачи продвижения. В этом смысле произведения искусства становятся важным ресурсом рекламной коммуникации, так как обладают культурной насыщенностью и узнаваемостью.

Искусство в рекламе выступает источником визуальных образов, символов и ассоциаций. Художественный образ способен передавать сложные смыслы в сжатой визуальной форме. Благодаря этому рекламный плакат получает дополнительный смысловой уровень: потребитель воспринимает не только информацию о товаре, но и культурный контекст, связанный с использованным образом.

А.Н. Назайкин подчеркивает, что визуальное решение рекламы должно быть выразительным, композиционно оправданным и связанным с основной рекламной идеей [2]. Это особенно важно при использовании художественных образов, поскольку известное произведение искусства может оказаться сильнее самого рекламного сообщения. В таком случае возникает риск, что зритель

запомнит художественную отсылку, но не свяжет ее с брендом или продуктом.

Д. Огилви отмечал, что реклама должна быть не только заметной, но и убедительной [3]. С этой точки зрения произведение искусства в рекламном плакате не должно использоваться исключительно как украшение. Его задача - усиливать рекламную идею, делать ее более понятной, эмоционально насыщенной и запоминающейся.

Е.Н. Ежова рассматривает культурные артефакты как источник интертекстуальности в поликодовом рекламном тексте [4]. Это означает, что обращение к искусству позволяет рекламе вступать в диалог с уже известными культурными текстами. Потребитель распознает знакомый образ, соотносит его с рекламным контекстом и достраивает смысл сообщения.

С.С. Марочкина обращает внимание на коммуникативные возможности рекламных персонажей и визуальных образов [5]. В рекламном плакате художественный образ может выполнять сходную функцию: он становится носителем смысла, вызывает эмоциональную реакцию и помогает выстроить контакт с аудиторией.

Следовательно, интеграция искусства в рекламную коммуникацию основана на способности художественного образа выполнять несколько функций одновременно: привлекать внимание, вызывать эмоции, создавать культурные ассоциации и усиливать смысл рекламного сообщения.

Коммуникативный потенциал художественного образа в рекламном плакате

Коммуникативный потенциал художественного образа в рекламном плакате связан прежде всего с узнаваемостью. Известные произведения искусства уже присутствуют в культурной памяти аудитории. При встрече с таким образом в рекламном контексте зритель быстрее останавливает внимание и начинает интерпретировать сообщение. Узнавание становится первым этапом коммуникации между рекламой и потребителем.

Вторым важным фактором является эмоциональный отклик. Произведения искусства традиционно связаны с эстетическим переживанием,

интеллектуальным интересом и культурной ценностью. Их включение в рекламный плакат позволяет придать сообщению эмоциональную глубину. При этом эмоциональная реакция может быть разной: интерес, удивление, удовольствие от узнавания, ирония, восхищение или желание разгадать визуальную идею.

Третьим элементом коммуникативного потенциала является культурная значимость. Художественный образ несет в себе определенный символический статус. Когда бренд использует произведение искусства, он частично присваивает связанные с ним ассоциации: интеллектуальность, эстетичность, оригинальность, высокий культурный уровень. Однако этот механизм работает только при корректной и осмысленной интеграции образа.

Четвертым фактором является запоминаемость. Необычное соединение художественного произведения и рекламируемого товара создает эффект неожиданности. Потребитель запоминает не только изображение, но и способ его переосмысления. Чем точнее художественный образ связан с рекламной идеей, тем выше вероятность, что в памяти останется не только сам визуальный прием, но и бренд.

Пятым элементом является вирусный потенциал. Оригинальные визуальные решения, основанные на переосмыслении известных произведений искусства, часто вызывают желание поделиться ими в медиасреде. В условиях цифровой коммуникации это особенно важно, поскольку рекламный плакат может выйти за пределы первоначального канала размещения и получить дополнительное распространение.

Шестым фактором является интеллектуальное вовлечение. Реклама, основанная на художественной отсылке, часто предполагает активное участие зрителя в расшифровке смысла. Потребитель не просто воспринимает готовое сообщение, а соотносит знакомый художественный образ с новым рекламным контекстом. Такой процесс усиливает вовлеченность и делает восприятие рекламы более личным.

Коммуникативный потенциал произведений изобразительного искусства в рекламном плакате проявляется не автоматически. Он зависит от того, насколько

художественный образ соответствует рекламной идее, целевой аудитории, продукту и общей стратегии бренда. Если связь между искусством и рекламируемым объектом оказывается искусственной, плакат может привлечь внимание, но не выполнить коммуникативную задачу.

Основные приемы интеграции произведений искусства в рекламные плакаты

Анализ рекламных плакатов с интеграцией произведений изобразительного искусства позволяет выделить несколько устойчивых приемов использования художественных образов. Эти приемы различаются по степени трансформации исходного произведения, характеру связи с рекламируемым продуктом и способу воздействия на аудиторию.

Первым приемом является визуальная стилизация. В этом случае реклама использует узнаваемую художественную манеру, композицию, цветовую гамму или образную систему произведения искусства. Стилизация позволяет создать ассоциацию с определенным художником, эпохой или направлением без прямого воспроизведения конкретного произведения. Такой прием эффективен тогда, когда стиль становится частью рекламной идеи и помогает выразить характер бренда.

Второй прием - перенос художественного образа в современный контекст. Он предполагает помещение персонажа, композиции или визуального мотива из произведения искусства в актуальную для потребителя ситуацию. За счет этого создается контраст между культурным прошлым и современностью. Такой прием позволяет сделать классический образ более близким аудитории и связать его с современными товарами, услугами или моделями поведения.

Третий прием - юмористическая трансформация. Он основан на изменении известного художественного образа с целью создания комического эффекта. Юмор облегчает восприятие рекламного сообщения, снижает дистанцию между брендом и аудиторией, способствует запоминаемости. Однако этот прием требует осторожности: чрезмерное искажение произведения искусства может восприниматься как неуважение к культурному наследию или вызвать негативную

реакцию части аудитории.

Четвертый прием - предметная реконструкция художественного образа. В этом случае произведение искусства воспроизводится через предметы, материалы или элементы, связанные с рекламируемым брендом. Такой способ интеграции особенно эффективен, поскольку художественный образ и продукт оказываются визуально и смыслово соединены. Реклама не просто заимствует известный образ, а создает новую интерпретацию, в которой свойства продукта становятся частью художественной композиции.

Пятый прием - визуальная метафора. При таком способе интеграции произведение искусства используется для объяснения свойства продукта или преимущества бренда. Художественный образ становится не самоцелью, а средством раскрытия рекламной идеи. Визуальная метафора позволяет сделать абстрактное свойство продукта наглядным и эмоционально выразительным.

Выделенные приемы могут сочетаться между собой. Например, стилизация может дополняться юмористической трансформацией, а перенос в современный контекст - визуальной метафорой. Однако во всех случаях принципиально важно, чтобы художественный образ был связан с рекламным сообщением и не существовал отдельно от него.

Наиболее результативными являются те приемы, которые обеспечивают смысловую связь между произведением искусства, рекламируемым продуктом и ожиданиями целевой аудитории. В этом случае художественный образ усиливает коммуникацию, а не замещает ее.

Критерии эффективности интеграции искусства в рекламный плакат

Эффективность интеграции произведения изобразительного искусства в рекламный плакат может быть оценена по нескольким критериям. Первый критерий - узнаваемость художественного образа. Если зритель не распознает культурную отсылку, значительная часть коммуникативного эффекта теряется. Однако узнаваемость не должна быть единственным основанием для использования произведения искусства.

Второй критерий - связь художественного образа с рекламируемым

продуктом. Интеграция считается эффективной тогда, когда произведение искусства помогает раскрыть свойство товара, идею бренда или эмоциональное преимущество предложения. При отсутствии такой связи художественный образ выполняет только декоративную функцию.

Третий критерий - оригинальность интерпретации. Простое воспроизведение известного произведения редко обеспечивает сильный коммуникативный эффект. Более значимым является новое прочтение художественного образа, которое вызывает интерес и позволяет зрителю увидеть знакомое произведение в неожиданном контексте.

Четвертый критерий - понятность рекламного сообщения. Даже сложная художественная отсылка должна быть интерпретируемой для целевой аудитории. Если смысл плаката требует чрезмерных усилий или специальных знаний, реклама может потерять часть своей эффективности.

Пятый критерий - эмоциональный отклик. Интеграция искусства должна вызывать реакцию, соответствующую задачам бренда: интерес, доверие, симпатию, удивление, эстетическое удовольствие. Негативная реакция возможна в тех случаях, когда художественный образ используется неэтично или не соответствует культурным ожиданиям аудитории.

Шестой критерий - соответствие целевой аудитории. Не все художественные образы одинаково понятны разным группам потребителей. При разработке рекламного плаката важно учитывать культурный опыт, возраст, интересы и уровень визуальной грамотности аудитории.

Седьмой критерий - отсутствие «эффекта вампира». Этот эффект возникает тогда, когда яркий визуальный образ отвлекает внимание от рекламируемого продукта. В таком случае аудитория запоминает произведение искусства или креативный прием, но не связывает его с брендом.

Восьмой критерий - запоминаемость. Эффективный рекламный плакат должен удерживаться в памяти аудитории как целостное сообщение, где художественный образ, рекламная идея и бренд воспринимаются вместе.

Девятый критерий - вирусный потенциал. В современной медиасреде

важна способность рекламного сообщения распространяться за пределами первоначального контакта. Оригинальная интеграция искусства может стать поводом для обсуждения и дополнительного распространения.

Десятый критерий - влияние на восприятие бренда. Использование произведений искусства должно усиливать образ бренда, делать его более выразительным, культурно насыщенным и эмоционально привлекательным. Если художественная интеграция не влияет на восприятие бренда, ее эффективность ограничена.

Эти критерии позволяют оценивать интеграцию искусства не только с точки зрения визуальной выразительности, но и с позиции коммуникативной результативности. Эффективна не любая художественная отсылка, а только та, которая работает на смысл рекламы, усиливает позиционирование бренда и остается понятной аудитории.

Заключение

Произведения изобразительного искусства обладают высоким коммуникативным потенциалом в рекламном плакате. Их использование позволяет привлекать внимание аудитории, формировать эмоциональный отклик, создавать культурные ассоциации и повышать запоминаемость рекламного сообщения.

Наиболее эффективными являются приемы, при которых художественный образ не просто воспроизводится в рекламе, а получает новое смысловое прочтение. К таким приемам относятся предметная реконструкция, визуальная метафора, перенос художественного образа в современный контекст, стилизация и юмористическая трансформация.

При этом интеграция искусства в рекламный плакат связана с определенными рисками. Художественный образ может оказаться сильнее бренда, вызвать неоднозначную реакцию или быть воспринят как неуместное использование культурного наследия. Поэтому эффективность такого приема зависит от смысловой связи между произведением искусства, рекламируемым продуктом и ожиданиями целевой аудитории.

Предложенные критерии могут быть использованы для анализа и оценки

рекламных плакатов, основанных на интеграции произведений изобразительного искусства. Они позволяют рассматривать художественную интеграцию не только как креативный прием, но и как инструмент повышения эффективности рекламной коммуникации.

Список литературы

1. Ученова, В. В. История рекламы / В. В. Ученова, Н. В. Старых. - СПб. : Питер, 2003. - 304 с.
2. Назайкин, А. Н. Иллюстрирование рекламы: одно изображение стоит тысячи слов / А. Н. Назайкин. - М.: Эксмо, 2004. - 308 с.
3. Огилви, Д. Огилви о рекламе / Д. Огилви. - М.: Эксмо, 2004. - 232 с.
4. Ежова, Е. Н. Артефакты культуры в поликодовом рекламном тексте: типы цитатности // Медиалингвистика. - 2023. - № 2.
5. Марочкина, С. С. Коммуникативные возможности героев рекламы // Омский научный вестник. - 2014. - С. 263–267.
6. Ученова, В. В. Философия рекламы / В. В. Ученова. - М. : Гелла-принт, 2003. - 208 с.
7. Бове, К. А. Современная реклама / К. А. Бове, У. Ф. Аренс. - М. : Довгань, 1995. - 704 с.
8. Елина, Е. А. Семиотика рекламы / Е. А. Елина. - 2015. - URL: http://www.libma.ru/delovaja_literatura/semiotika_reklamy/index.php
9. Ворошилова, М. Б. Креолизованный текст: аспекты изучения // Политическая лингвистика. - 2006. - С. 180–189.
10. Куликова, Е. В. Прецедентные феномены в поликодовом рекламном тексте // Вестник ННГУ. - 2014. - № 3-1.
11. Песоцкий, Е. Современная реклама: теория и практика / Е. Песоцкий. - Ростов н/Д, 2001. - 314 с.
12. Ромат, Е. В. Реклама / Е. В. Ромат. - 6-е изд. - М. ; СПб. : Питер Принт, 2006. - 560 с.
13. Шарков, Ф. И. Коммуникология: теория и практика массовой информации / Ф. И. Шарков. - М., 2021. - 160 с.

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 376.1

ЧРЕЗВЫЧАЙНЫЕ СИТУАЦИИ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ И ПОДГОТОВКА К НИМ

Дзаурова Макка Хизировна

студент

Научный руководитель: Арчакова Марет Багаудиновна,

старший преподаватель

ФГБОУ ВО «Ингушский государственный университет»

***Аннотация.** В статье рассматриваются вопросы обеспечения безопасности образовательных учреждений при возникновении чрезвычайных ситуаций различного характера. Анализируются основные виды угроз – природные, техногенные и социальные, с которыми могут столкнуться школы, колледжи и вузы. Особое внимание уделяется профилактике чрезвычайных ситуаций социального генеза, включая конфликты, буллинг и террористические угрозы. Обосновывается необходимость системной подготовки персонала и обучающихся к действиям в условиях ЧС через регулярные тренировки, разработку планов эвакуации и создание безопасной образовательной среды. На основе анализа актуальных исследований формулируются ключевые направления совершенствования системы безопасности: модернизация инфраструктуры, внедрение автоматизированных систем контроля доступа, повышение правовой грамотности педагогов и психологическая подготовка детей. Показано, что эффективность защиты жизни и здоровья участников образовательного процесса напрямую зависит от комплексного подхода, объединяющего организационные, технические и методические меры.*

***Ключевые слова:** чрезвычайные ситуации, образовательные учреждения,*

безопасность образовательной среды, профилактика, эвакуация, подготовка персонала, социальные угрозы, система защиты.

***Abstract.** The article discusses the issues of ensuring the safety of educational institutions in the event of emergencies of various kinds. The main types of threats – natural, technogenic, and social – that schools, colleges, and universities may face are analyzed. Special attention is paid to the prevention of emergencies of social origin, including conflicts, bullying, and terrorist threats. The necessity of systematic training of personnel and students for emergency situations through regular exercises, the development of evacuation plans, and the creation of a safe educational environment is substantiated. Based on the analysis of current research, key areas for improving the security system have been identified: modernization of infrastructure, implementation of automated access control systems, improvement of legal literacy among teachers, and psychological training for children. It is shown that the effectiveness of protecting the life and health of participants in the educational process directly depends on a comprehensive approach that combines organizational, technical, and methodological measures.*

***Keywords:** emergencies, educational institutions, safety of the educational environment, prevention, evacuation, staff training, social threats, protection system.*

В современном мире образовательные учреждения сталкиваются с широким спектром потенциальных угроз — от природных катастроф и техногенных аварий до актов насилия и террористических атак. Обеспечение безопасности детей и сотрудников в этих условиях становится не просто педагогической задачей, а вопросом государственной важности. Как отмечает В.С. Логачева совместно с О.Ю. Колышевым, «обеспечение безопасности образовательного учреждения при чрезвычайных ситуациях требует комплексного подхода, объединяющего правовые, организационные и инженерно-технические меры» [4, с. 391]. Однако практика показывает, что многие школы до сих пор ограничиваются формальным выполнением минимальных требований, не проводя реальной отработки действий.

Проблема усугубляется тем, что спектр чрезвычайных ситуаций постоянно

расширяется, особенно в социальной сфере. Ю.А. Говенко и Э.А. Атасян подчёркивают, что «профилактика чрезвычайных ситуаций социального характера в образовательных учреждениях является ключевым фактором формирования безопасной социальной среды» [2, с. 115]. К таким ситуациям относятся массовые беспорядки, захват заложников, кибербуллинг, распространение опасной информации через интернет. Традиционные подходы, ориентированные только на физическую защиту зданий, оказываются недостаточными, когда угроза исходит от самих участников образовательного процесса или их окружения. Поэтому система подготовки к ЧС должна включать не только инженерные решения, но и постоянную воспитательную работу.

Природные и техногенные чрезвычайные ситуации остаются наиболее прогнозируемыми, но от этого не менее опасными для образовательных учреждений. Сюда относятся пожары, землетрясения, наводнения, ураганы, а также аварии на соседних объектах (химические заводы, транспортные магистрали, коммунальные сети). В.И. Пенкин в своём исследовании обращает внимание на то, что «обеспечение безопасности образовательного учреждения при чрезвычайных ситуациях невозможно без наличия заранее разработанных и периодически актуализируемых планов эвакуации» [5, с. 6]. Анализ данных за последние годы показывает, что в большинстве случаев жертв и травм можно было избежать, если бы персонал и дети действовали слаженно и без паники. Единственный способ выработать такие навыки — это регулярные тренировки, максимально приближенные к реальным условиям. Следует проводить их не реже двух раз в год, привлекая профессиональных спасателей для оценки действий.

Важнейшим элементом подготовки является техническое оснащение зданий. Автоматические пожарные сигнализации, системы оповещения, аварийное освещение, запасные выходы — всё это должно не просто существовать, но и регулярно проверяться на работоспособность. Л.Р. Гайнуллина, Р.Н. Пигилова и Ф.М. Филиппова в совместной работе подчёркивают, что «проблемы безопасности и чрезвычайных ситуаций в образовательных учреждениях усугубляются изношенностью инфраструктуры и недостатком финансирования» [1, с. 28].

Действительно, во многих школах системы оповещения не соответствуют современным требованиям, а эвакуационные пути загромождены мебелью или заперты на замки. Без устранения этих недостатков любые инструкции и планы останутся фикцией. При этом модернизация не обязательно требует огромных затрат — достаточно регулярного контроля и вовлечения в эту работу родительских комитетов.

Особого внимания заслуживает подготовка педагогического коллектива. Учителя и воспитатели часто оказываются в растерянности, когда реальная угроза возникает внезапно, потому что их обучение сводится к прослушиванию лекций без практической отработки. Эффективная подготовка должна включать тренинги по оказанию первой помощи, психологической поддержки детей в стрессовой ситуации, а также по принятию решений в условиях ограниченного времени. А.В. Кравцова и Е.А. Андрианов в своих «Основах обеспечения безопасности образовательного учреждения при чрезвычайных ситуациях» подчёркивают, что «систематическая подготовка персонала должна стать частью ежегодного повышения квалификации, а не разовым мероприятием» [3, с. 106]. К сожалению, на сегодняшний день лишь немногие образовательные организации реализуют такой подход, ссылаясь на нехватку времени и ресурсов.

Не менее важна работа с обучающимися. Дети разных возрастов по-разному воспринимают информацию о возможных угрозах: младшие школьники могут испугаться, подростки — проигнорировать. Поэтому программы подготовки должны быть дифференцированными, с учётом возрастных особенностей. Например, в начальной школе следует делать акцент на запоминании простых правил («не прятаться под парту», «выходить спокойно, не толкаясь»), а в старших классах уже можно моделировать более сложные сценарии, включая эвакуацию с условным задымлением. Кроме того, учеников нужно привлекать к разработке и проверке планов — это повышает их ответственность и включённость. Практика показывает, что школы, где созданы отряды юных спасателей или добровольные дружины, демонстрируют гораздо лучшие показатели на тренировках.

Социальные чрезвычайные ситуации требуют отдельного разговора. Сюда относятся не только экстремальные события вроде вооружённого нападения, но и хронические явления — буллинг, шантаж, распространение наркотиков, вовлечение в деструктивные интернет-сообщества. Профилактика таких ситуаций должна строиться на постоянном мониторинге психологического климата в коллективе. Создание служб медиации, «телефонов доверия», регулярные анкетирования позволяют выявить проблемы на ранней стадии. В противном случае мелкий конфликт перерастает в массовое противостояние, которое уже требует вмешательства полиции и может привести к физическому насилию. Ю.А. Говенко и Э.А. Атасян резюмируют: «безопасная социальная среда формируется только при условии системной профилактики чрезвычайных ситуаций социального характера» [2, с. 116].

Важным направлением является взаимодействие образовательного учреждения с внешними службами — МЧС, полицией, медициной катастроф. Планы взаимодействия должны быть не просто подписаны «наверху», но и реально отработаны в совместных учениях. К сожалению, зачастую такое взаимодействие носит формальный характер: представители экстренных служб приходят в школу раз в год для лекции, а не для практической отработки алгоритмов. В.С. Логачева и О.Ю. Колышев обращают внимание, что «эффективность мер по обеспечению безопасности образовательного учреждения при чрезвычайных ситуациях напрямую зависит от регулярных совместных тренировок персонала и спасательных подразделений» [4, с. 393]. Такие тренировки должны проводиться не менее одного раза в квартал, с разыгрыванием разных вводных (пожар, утечка газа, террористическая угроза). Только тогда алгоритмы станут автоматическими.

Нельзя сбрасывать со счетов и психологическую подготовку. После любой чрезвычайной ситуации, даже успешно локализованной, участники образовательного процесса могут испытывать посттравматический стресс. Для его минимизации необходимо иметь штатных психологов и налаженную систему кризисной помощи. В.И. Пенкин добавляет, что «обучение приёмам саморегуляции и

взаимопомощи должно стать обязательным элементом подготовки как детей, так и взрослых» [5, с. 8]. К сожалению, этот аспект часто игнорируется, поскольку считается второстепенным.

Таким образом, важность проблемы безопасности образовательных учреждений обусловлена многочисленными фактами чрезвычайных и опасных ситуаций, возникающих в образовательных учреждениях, а также высокой смертностью учащихся и преподавателей в этих ситуациях. По механизму происхождения различают опасные и чрезвычайные ситуации в образовательных учреждениях. Чаще всего образовательные учреждения сталкиваются с социально-криминальными происшествиями, социально-экономическими и природными опасностями (болезни, отравления, травмы).

Список литературы

1. Гайнуллина Л.Р. Обеспечение безопасности образовательных учреждений в чрезвычайных ситуациях / Л.Р. Гайнуллина, Р.Н. Пигилова, Ф.М. Филиппова // Проблемы безопасности и чрезвычайных ситуаций. – 2024. – № 6. – С. 27-33.

2. Говенко Ю.А. Профилактика чрезвычайных ситуаций социального характера в образовательных учреждениях как фактор формирования безопасной социальной среды / Ю.А. Говенко, Э.А. Атасян // В сборнике: Защита детства: проблемы, поиски, решения. – Ставрополь, 2024. – С. 114-117.

3. Кравцова А.В. Основы обеспечения безопасности образовательного учреждения при чрезвычайных ситуациях / А.В. Кравцова, Е.А. Андрианов // В сборнике: Молодежный вектор развития аграрной науки. – Воронеж, 2025. – С. 105-108.

4. Логачева В.С. Обеспечение безопасности образовательного учреждения при чрезвычайных ситуациях / В.С. Логачева, О.Ю. Колышев // В сборнике: Профессионально-технологическая и экономическая подготовка обучающихся в условиях модернизации и стандартизации образования. – Уфа, 2024. – С. 391-394.

5. Пенкин В.И. Обеспечение безопасности образовательного учреждения при чрезвычайных ситуациях / В.И. Пенкин // В сборнике: Молодежный научный форум. – Москва, 2024. – С. 5-9.

УДК 378.2

МЕТОДИКА ПРИМЕНЕНИЯ ГЕНЕРАТИВНОГО ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ОБУЧЕНИИ ПРОЕКТИРОВАНИЮ АНИМАЦИОННОГО ФИЛЬМА

Ермакова Ираида Геннадьевна

преподаватель Высшей школы дизайна и искусств

ГБОУ ВО Тихоокеанский государственный университет, Институт
архитектуры, строительства и дизайна, Высшая школа дизайна и искусств.

г. Хабаровск

***Аннотация.** В статье рассматриваются особенности применения генеративного искусственного интеллекта в образовательном процессе подготовки студентов творческих направлений. Актуальность исследования обусловлена активным внедрением цифровых технологий в систему художественного и медиаобразования, а также возрастающей потребностью в разработке новых педагогических методик, направленных на интеграцию генеративных нейросетевых инструментов в обучение анимации и медиатворчеству. Цель исследования заключается в разработке и теоретическом обосновании методики применения генеративного искусственного интеллекта в процессе проектирования анимационного фильма. В работе раскрываются основные этапы проектирования анимационного фильма, в рамках которых генеративные технологии выступают как средство синтеза образовательного контента, развития творческого мышления и формирования профессиональных компетенций студентов. Рассматриваются возможности применения нейросетевых инструментов на этапе создания идеи, разработки сценария, проектирования визуальной среды, создания персонажей, аниматика и аудиовизуального сопровождения. Особое внимание уделяется педагогическому потенциалу генеративного искусственного интеллекта как средства активизации творческой деятельности обучающихся.*

Результаты исследования позволяют сделать вывод о том, что использование генеративных технологий в обучении проектированию анимационного фильма способствует повышению мотивации студентов, развитию навыков визуального проектирования, ускорению творческого поиска и формированию цифровых компетенций. Предложенная методика может быть использована в образовательных программах по анимации, медиатворчеству, цифровому искусству и художественно-педагогическому образованию.

This article examines the application of generative artificial intelligence in the educational process of preparing students in creative fields. The relevance of this study stems from the active introduction of digital technologies into art and media education, as well as the growing need to develop new pedagogical methods aimed at integrating generative neural network tools into the teaching of animation and media creativity. The purpose of this study is to develop and theoretically substantiate a methodology for applying generative artificial intelligence in the process of designing an animated film. The paper describes the main stages of designing an animated film, within which generative technologies act as a means of synthesizing educational content, developing creative thinking, and developing students' professional competencies. The possibilities of using neural network tools in the stages of idea generation, script development, visual environment design, character creation, animatics, and audiovisual accompaniment are considered. Particular attention is paid to the pedagogical potential of generative artificial intelligence as a means of activating students' creative activity. The study's results suggest that using generative technologies in teaching animated film design enhances student motivation, develops visual design skills, accelerates creative exploration, and fosters digital competencies. The proposed methodology can be used in educational programs in animation, media creativity, digital art, and art and teacher education.

Ключевые слова: *генеративный искусственный интеллект, цифровые технологии, образовательный контент, анимация, медиатворчество, проектирование анимационного фильма, нейросетевые технологии, художественное образование.*

Keywords: *Generative artificial intelligence, digital technologies, educational content, animation, media creativity, animated film design, neural network technologies, art education.*

Введение

Современная система образования переживает этап масштабной цифровой трансформации, связанной с активным внедрением интеллектуальных технологий в образовательную среду. Развитие генеративного искусственного интеллекта стало одним из наиболее значимых направлений цифровизации, оказавшим влияние не только на технические и информационные отрасли, но и на сферу художественного и медиаобразования. Генеративные нейросетевые модели позволяют создавать визуальный, текстовый, аудиальный и аудиовизуальный контент, тем самым открывая новые возможности для организации творческого образовательного процесса.

Особую актуальность данные технологии приобретают в системе подготовки студентов творческих специальностей, связанных с анимацией,

медиадизайном, цифровым искусством и визуальными коммуникациями. В условиях высокой динамики медиасреды образовательные организации сталкиваются с необходимостью обновления педагогических подходов и поиска эффективных методик, способных интегрировать современные цифровые инструменты в процесс профессионального обучения.

Анимационное искусство представляет собой комплексную область деятельности, объединяющую драматургию, режиссуру, композицию, визуальное проектирование, звукорежиссуру и цифровые технологии. Процесс создания анимационного фильма требует от студентов не только художественного мышления, но и владения современными цифровыми инструментами. В этой связи генеративный искусственный интеллект может рассматриваться как средство синтеза контента и инструмент поддержки проектной деятельности обучающихся.

Следует отметить, что использование искусственного интеллекта в образовании вызывает широкий научный интерес. Исследователи отмечают возможности нейросетевых технологий в области персонализации обучения, автоматизации рутинных процессов, повышения вовлеченности обучающихся и расширения творческого потенциала студентов. Вместе с тем вопросы методического сопровождения применения генеративного искусственного интеллекта в художественном образовании остаются недостаточно разработанными.

Проблема исследования заключается в противоречии между высоким потенциалом генеративных технологий в обучении анимации и недостаточной разработанностью педагогических методик их применения в процессе проектирования анимационного фильма.

Цель исследования — разработка и теоретическое обоснование методики применения генеративного искусственного интеллекта в обучении проектированию анимационного фильма.

Для достижения поставленной цели были определены следующие задачи:

1. Рассмотреть особенности генеративного искусственного интеллекта как средства синтеза контента в проектных работах студентов.

2. Определить педагогический потенциал генеративных технологий в системе творческого образования.

3. Выявить основные этапы проектирования анимационного фильма, в рамках которых возможно использование генеративных нейросетевых инструментов.

4. Разработать методику применения генеративного искусственного интеллекта в обучении проектированию анимационного фильма.

Методологическую основу исследования составили системный, деятельностный и компетентностный подходы. В работе использовались методы анализа научной литературы, педагогического моделирования, наблюдения, а также анализа творческой деятельности студентов.

Рассмотрим генеративный искусственный интеллект как средство синтеза контента в проектных работах студентов. Развитие генеративных нейросетевых технологий стало важным этапом в эволюции цифровой образовательной среды и в отличие от традиционных цифровых инструментов, генеративный искусственный интеллект способен не только обрабатывать информацию, но и создавать новый контент на основе анализа больших массивов данных.

Под генеративным искусственным интеллектом понимаются интеллектуальные системы, способные создавать текстовые, графические, аудиальные и видеоматериалы посредством алгоритмов машинного обучения и нейросетевого моделирования. В современной образовательной практике данные технологии используются для генерации изображений, написания текстов, создания сценариев, моделирования визуальных концепций, синтеза речи и других видов цифрового контента. Образовательный потенциал генеративного искусственного интеллекта заключается в возможности организации вариативной творческой деятельности обучающихся. Использование нейросетевых инструментов позволяет значительно расширить границы визуального и художественного эксперимента, ускорить процесс поиска идей и повысить уровень вовлеченности студентов в образовательный процесс. Важным аспектом является то, что генеративный искусственный интеллект не заменяет творческую деятельность человека, а

выступает в качестве инструмента поддержки художественного проектирования. Студент в данном случае становится не пассивным потребителем контента, а организатором и куратором процесса генерации, осуществляющим художественный отбор, анализ и интерпретацию полученных результатов.

В образовательной среде генеративные технологии могут выполнять несколько функций: информационно-поисковую, визуально-проектировочную, коммуникативную, аналитическую, креативно-стимулирующую.

Особенно значимым становится применение генеративного искусственного интеллекта в области художественного и медиаобразования, где творческая деятельность требует постоянного поиска новых образов, визуальных решений и концептуальных идей.

Современное анимационное образование предполагает интеграцию художественных, технических и цифровых компетенций. В процессе подготовки студентов важную роль играет формирование навыков проектной деятельности, визуального мышления, сценарного анализа и цифрового производства. Генеративные технологии обладают значительным педагогическим потенциалом в контексте обучения анимации. Их использование позволяет организовать образовательный процесс как пространство творческого эксперимента, в котором студент получает возможность быстро визуализировать идеи и анализировать различные художественные решения. Одним из ключевых преимуществ генеративного искусственного интеллекта является ускорение предпроектной деятельности. На этапе поиска идеи студенты часто сталкиваются с трудностями формирования художественной концепции, разработки персонажей и определения визуального стиля проекта. Генеративные нейросети позволяют значительно сократить время поиска референсов и стимулировать развитие ассоциативного мышления. Не менее важным является развитие навыков визуального анализа. Получая различные варианты генерации изображений, студент учится оценивать композицию, цветовые решения, характер персонажа, стилистическое единство и выразительность художественного образа. Кроме того, применение генеративных технологий способствует формированию цифровых компетенций, необходимых

современному специалисту в области анимации и медиатворчества. Студенты осваивают принципы взаимодействия с интеллектуальными системами, учатся формулировать запросы, анализировать результаты генерации и адаптировать цифровой контент под художественные задачи.

Вместе с тем внедрение искусственного интеллекта в образовательный процесс требует педагогического сопровождения. Отсутствие методических рекомендаций может привести к снижению самостоятельности студентов и формальному использованию нейросетевых инструментов. В этой связи особую значимость приобретает разработка методики применения генеративного искусственного интеллекта в обучении проектированию анимационного фильма.

Методика применения генеративного искусственного интеллекта в качестве эксперимента, была опробована в обучении проектированию анимационного фильма. Она основана на интеграции генеративных технологий в основные этапы проектирования анимационного фильма. Методика предполагает поэтапное включение нейросетевых инструментов в творческую деятельность студентов при сохранении ведущей роли автора проекта.

Методика включает следующие этапы:

1. Предпроектный этап.
2. Сценарный этап.
3. Этап визуального проектирования (рисунок 1).
4. Этап создания сторителлинга и аниматика (рисунок 2, 3).
5. Рефлексивно-аналитический этап.

Концепт методики выстраивался согласно запланированным этапам. В эксперименте участвовали 29 студентов. Учебная дисциплина основной образовательной программы: «Проектирование анимационного фильма. На предпроектном этапе генеративный искусственный интеллект может использоваться как средство поиска идеи и формирования концепции будущего анимационного фильма. Основными задачами этапа является: определение тематики проекта, поиск художественного образа, формирование эмоциональной атмосферы, создание визуальных ассоциаций.

Студентам разрешено было использовать генеративные нейросети для создания moodboard, концепт-артов, стилистических референсов и цветовых решений. Важной педагогической задачей преподавателя на этом этапе становится формирование у обучающихся навыков критического отбора визуального материала. На данном этапе искусственный интеллект выступает не как автор художественного решения, а как инструмент расширения творческого поиска. Работа с генеративными изображениями способствует развитию воображения, композиционного мышления и навыков художественного анализа.

Но студенты выбрали придумать идею самостоятельно, т.к им было так удобнее, общая группа была разделена на две, с заданием разработать по три идеи для создания анимационного проекта. В творческой дискуссии сформировалось 6 идеи.

На этапе разработки сценария генеративные технологии применяются для создания сюжетных вариантов, описания персонажей, разработки диалогов и структурирования драматургии. Студенты могут использовать нейросетевые системы для: генерации логлайна, разработки структуры сценария, создания описаний сцен, моделирования характеров персонажей, поиска вариантов конфликтов. Педагогическая ценность данного этапа заключается в развитии сценарного мышления и способности анализировать драматургические конструкции. Работа с различными вариантами текста позволяет студентам сравнивать художественные решения и формировать авторскую позицию.

Особое внимание уделяется проблеме сохранения индивидуальности проекта. Преподаватель организует работу таким образом, чтобы генеративные технологии выступали вспомогательным инструментом, а не заменой самостоятельной творческой деятельности.

На этом этапе студенты также выбрали создать сценарий самостоятельно. Для разработки сюжета им была предложена схема развития сюжета. Написание логлайна. Определение количества персонажей, локации. Пишем идею вот по этим пунктам. В идеале 3-4 коротких предложения.

Кто? (главный герой)

Где? (сеттинг-место действия)

Цель? (чего хочет?)

Конфликт? (что противостоит?)

Сквозное действие (что делает на протяжении всей истории?)

Чем кончилось (финал)

Задача со звездочкой.

Расписать плот по 8 пунктам:

1. Простая ситуация из жизни;
2. Попытка решения;
3. Усиление проблемы;
4. Провал;
5. Выбор;
6. Неожиданный поворот;
7. Сражение.
8. Победа.

На этапе визуального проектирования, он является ключевым в процессе проектирования анимационного фильма. Здесь генеративный искусственный интеллект используется для разработки визуальной среды проекта. Основные направления применения генеративных технологий: создание дизайна персонажей, генерация фонов, разработка композиционных решений, поиск стилистики, моделирование цветовой палитры, создание раскадровок.

Использование нейросетевых инструментов позволяет студентам оперативно анализировать различные визуальные решения и экспериментировать со стилем. Это особенно важно в условиях ограниченного учебного времени. На данном этапе формируются следующие профессиональные компетенции: навыки визуального проектирования, композиционное мышление, способность к художественному анализу, владение цифровыми технологиями, умение интегрировать различные визуальные элементы в единую художественную систему. Важным элементом методики является обязательный этап авторской переработки сгенерированного материала. Студенты должны не только использовать

результаты генерации, но и адаптировать их под задачи проекта. С этой задачей студенты успешно справились. Пример на рисунке 1, стоит сказать, что идею кадров ребята рисовали в раскадровках, и эскизах, а потом оформляли свои мысли в генеративных раскадровках.

На этапе создания аниматика генеративный искусственный интеллект может использоваться для предварительной визуализации сцен, генерации промежуточных кадров, синтеза голоса и создания временного аудиовизуального сопровождения. Применение генеративных технологий позволяет: ускорить создание предварительной анимации, повысить качество визуализации проекта, организовать экспериментальную работу с движением и монтажом, сократить время производства учебных проектов.

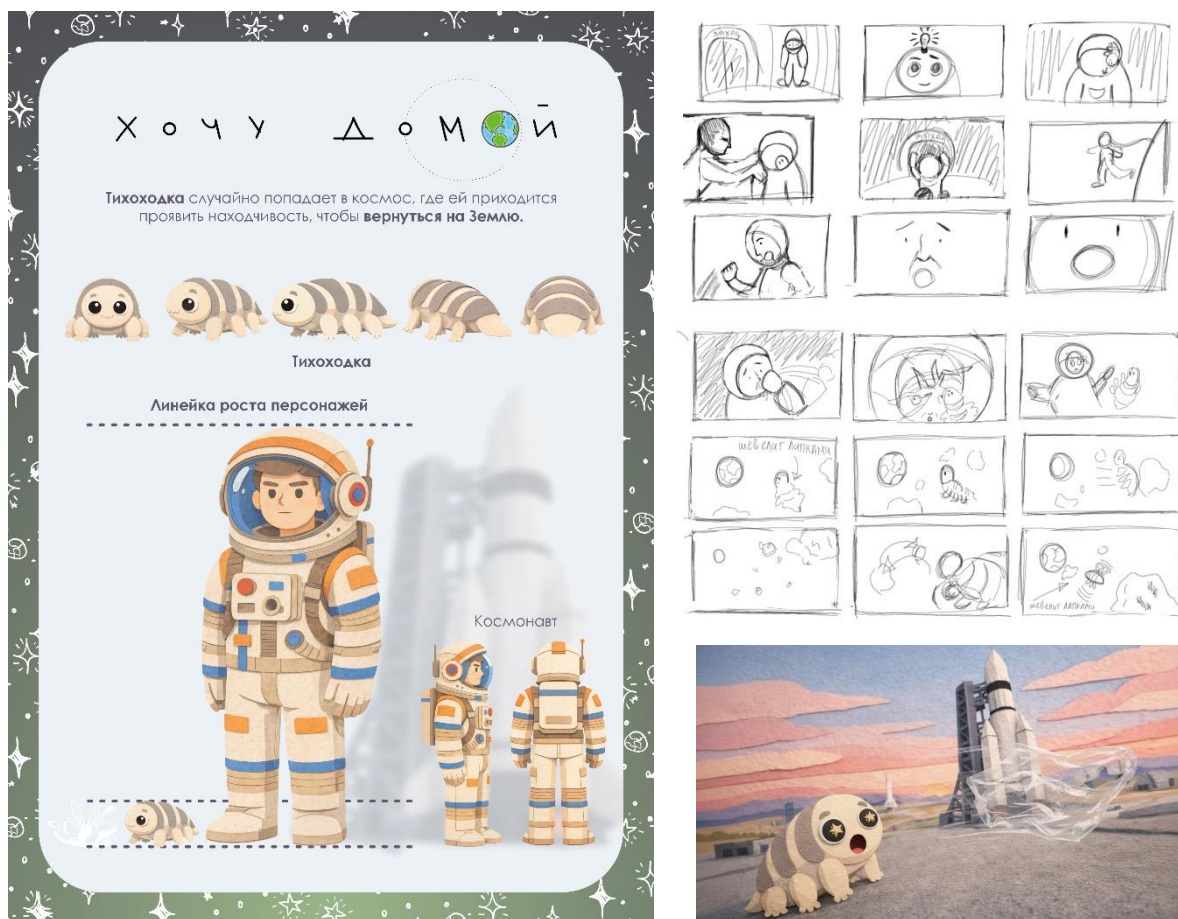

Рисунок 1 – Этап визуального проектирования с использованием ИИ

Интересно что на этом этапе мнение о создании проекта с помощью ИИ разделилось. Студенты в разных группах приняли решение о создании анимации

вручную, в технике стоп-моушен, практически не изменяя общей концепции и визуального решения проекта. Работа над проектом на рисунке 2, 3.

Хочу домой

анимационный проект

Логлайн: Тихоходка случайно попадает в космос, где ей приходится проявить находчивость, чтобы вернуться обратно на Землю.

Персонажи:

КОСМОНАВТ ТИХОХОДКА

Сценарий:

360 :

2026

Рисунок 2 – Этап создания сторибит и аниматика

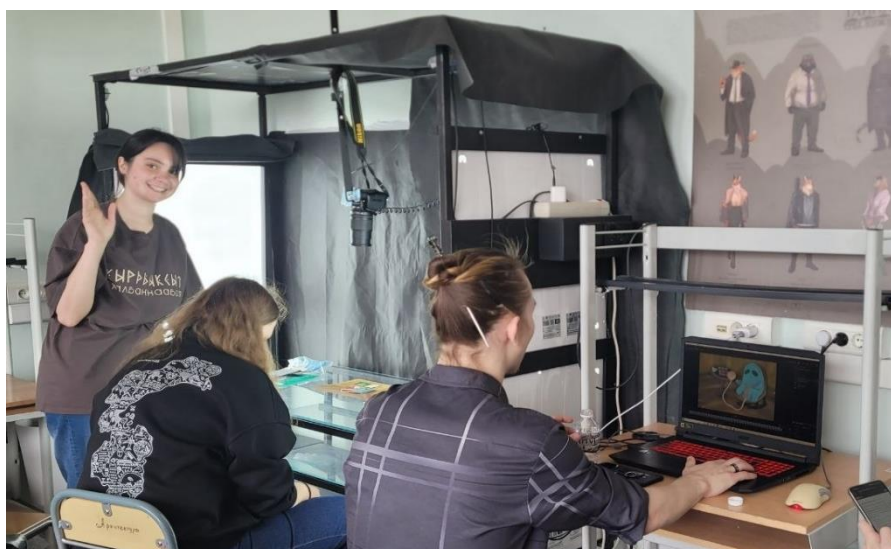

Рисунок 3 – Создании анимации в ручную, в технике стоп-моушен

Кроме того, использование интеллектуальных технологий способствует развитию проектного мышления и понимания структуры анимационного производства.

Заключительный этап предполагает анализ результатов проектной деятельности и оценку эффективности применения генеративных технологий.

Студенты осуществляют: анализ художественного качества проекта, оценку эффективности цифровых инструментов, сравнение различных вариантов генерации, проводят самооценку творческой деятельности. Рефлексивный этап способствует формированию критического мышления и осознанию роли генеративного искусственного интеллекта в современном художественном процессе. На рисунке 2 представлены кадр сгенерированной раскадровки и QR на анимацию, для наглядности применения ИИ.

Результаты и обсуждение

Применение разработанной методики в образовательной практике показало, что использование генеративного искусственного интеллекта способствует повышению активности студентов и развитию их творческого потенциала и большему многообразию способов создания анимационных проектов. Но имеет противоречия связанные с применением генеративного творчества в обществе в целом и ограничениями законодательства РФ для подобного рода проектов, что требует более детального изучения и составления регламента применения.

В процессе работы были выявлены следующие положительные результаты: повышение мотивации обучающихся, ускорение предпроектной деятельности, развитие навыков визуального анализа, увеличение вариативности художественных решений, формирование цифровых компетенций, повышение качества проектных работ и скорость их выполнения.

Студенты проявляли высокий уровень вовлеченности в работу с генеративными инструментами, но не на том уровне, который от них ожидался. Некоторые были резко против применения ИИ инструментов при создании учебных работ. Следовательно, проявляли небрежность в выполнении заданий. Но более 77% активно экспериментировали со стилями и композиционными решениями,

а также демонстрировали интерес к исследованию возможностей искусственного интеллекта в художественной практике.

Вместе с тем были выявлены и определенные риски. Часть обучающихся стремилась использовать результаты генерации без дальнейшей авторской переработки, что приводило к снижению уровня самостоятельности, в общей сложности около 5%. Кроме того, наблюдалась тенденция к стилистической унификации визуальных решений.

В связи с этим особую значимость приобретает педагогическая роль преподавателя как организатора творческого процесса и модератора взаимодействия студентов с генеративными системами. Применение генеративного искусственного интеллекта требует формирования у обучающихся критического отношения к цифровому контенту, понимания авторского права и осознания этических аспектов использования интеллектуальных технологий. Анализ методики представлен в Таблице 1.

Таблица 1 – Анализ методики применения генеративного искусственного интеллекта в обучении проектированию анимационного фильма

Этап методики, использ. ИИ	Содержание деятельности	Применение генеративного ИИ	Формируемые компетенции	Педагогический результат
Предпроектный этап (ИИ не использован)	Поиск идеи, разработка концепции, создание moodboard	Генерация концепт-артов, визуальных референсов, стилистических решений	Креативное мышление, визуальный анализ, художественное проектирование	Повышение мотивации и развитие творческой инициативы
Сценарный этап (ИИ не использован)	Создание сюжета, разработка персонажей и драматургии	Генерация логлайнов, диалогов, описаний сцен и персонажей	Сценарное мышление, анализ драматургии	Ускорение разработки сценарной структуры
Этап визуального проектирования (ИИ использован 77%)	Создание персонажей, фонов, композиции и цветовой среды	Генерация изображений, стилистических вариантов, раскадровок	Композиционное мышление, цифровые компетенции, художественный анализ	Расширение вариативности визуальных решений
Этап создания аниматика (77%)	Монтаж сцен, визуализация движения, синхронизация аудио	Генерация промежуточных кадров, синтез речи, AI-анимация	Навыки медиапроизводства, монтажное мышление, работа с цифровыми	Повышение качества предварительной визуализации

			технологиями	
Рефлек-сивно-ана-литический этап (ИИ не использо-ван)	Анализ резуль-татов проекта и оценка художе-ственных реше-ний	Сравнение вариантов генерации, анализ цифрового контента	Критическое мышление, само-оценка, аналити-ческие навыки	Формирование осознанного отношения к ИИ-техноло-гиям

Заключение

Современные генеративные технологии открывают новые возможности для развития художественного и медиаобразования. Использование генеративного искусственного интеллекта в обучении проектированию анимационного фильма способствует активизации творческой деятельности студентов, развитию цифровых компетенций и расширению возможностей визуального проектирования, но необходимы не на всех этапах. Разработанная методика позволяет интегрировать генеративные нейросетевые инструменты в образовательный процесс при сохранении ведущей роли студента как автора художественного проекта. Генеративный искусственный интеллект рассматривается не как замена творческой деятельности, а как средство поддержки проектного мышления и художественного эксперимента.

Проведенное исследование подтверждает эффективность применения генеративных технологий на различных этапах проектирования анимационного фильма: от поиска идеи и разработки сценария до визуального проектирования и создания аниматика. Вместе с тем внедрение генеративного искусственного интеллекта в образовательный процесс требует дальнейшего методического осмысления, разработки педагогических рекомендаций и изучения вопросов авторства, этики и художественной самостоятельности обучающихся.

Перспективы дальнейших исследований связаны с разработкой практических моделей интеграции искусственного интеллекта в систему художественного образования, а также с изучением влияния генеративных технологий на формирование проф. компетенций студентов.

Список литературы

1. Блинова, Е. Е. Цифровые технологии в образовании (Digital Technologies

in Education): билингвальное учебное пособие / Е. Е. Блинова, А. Г. Евланова; Южный федеральный университет. – Ростов-на-Дону; Таганрог: Издательство Южного федерального университета, 2024. - 173 с. – ISBN 978-5-9275-4642-8.

2. Беспалько, В. П. Педагогика и прогрессивные технологии обучения / В. П. Беспалько. — М.: Ин-т проф. образования Минобразования России, 1995. — 336 с.

3. Бычков, В. В. Эстетика : учебник / В. В. Бычков. — М.: Академический проект, 2011. — 452 с.

4. Вербицкий, А. А. Компетентностный подход и теория контекстного обучения: монография / А. А. Вербицкий. — М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2004. — 84 с.

5. Кастельс, М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / М. Кастельс; пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана. — М.: ГУ ВШЭ, 2000. — 608 с.

6. Манович, Л. Язык новых медиа / Л. Манович; пер. с англ. Д. Кульчицкой. — М.: Ад Маргинем Пресс, 2018. — 400 с.

7. Полат, Е. С. Современные педагогические и информационные технологии в системе образования: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / Е. С. Полат, М. Ю. Бухаркина. — 3-е изд., стер. — М.: Академия, 2010. — 368 с.

8. Хуторской, А. В. Современная дидактика: учебник для вузов / А. В. Хуторской. — СПб.: Питер, 2001. — 544 с.

9. Штофф, В. А. Моделирование и философия / В. А. Штофф. — Л.: Наука, 1966. — 302 с.

10. Яковлева, Н. Ф. Проектная деятельность в образовательном учреждении: учеб. пособие / Н. Ф. Яковлева. — 2-е изд., стер. — М.: ФЛИНТА, 2014. — 144 с.

11. McLuhan, M. Understanding Media: The Extensions of Man / M. McLuhan. — London: Routledge, 2001. — 392 p.

12. Mitchell, M. Artificial Intelligence: A Guide for Thinking Humans / M. Mitchell. — New York: Farrar, Straus and Giroux, 2019. — 336 p.

13. Runco, M. A. Creativity: Theories and Themes: Research, Development, and Practice / M. A. Runco. — 2nd ed. — London: Elsevier, 2014. — 520 p.

УДК 371

ФОРМИРОВАНИЕ НРАВСТВЕННЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ ПРИ ИЗУЧЕНИИ РУССКИХ НАРОДНЫХ СКАЗОК**Федорович А.В.**

студентка гуманитарного факультета

Филиала СГПИ в г. Железноводске

Научный руководитель: Дудникова Т.А.,

преподаватель кафедры историко-филологических дисциплин

Филиала СГПИ в г. Железноводске

***Аннотация:** в данной статье рассмотрены особенности формирования нравственных представлений младших школьников при изучении русских народных сказок. В работе раскрыто понятие о нравственных представлениях в психолого-педагогической литературе, определена роль русских народных русских сказок в формировании нравственных представлений младших школьников на уроках литературного чтения, проанализированы формы и методы формирования нравственных представлений младших школьников при изучении русских народных сказок.*

***Annotation:** This article examines the features of the formation of moral ideas of younger schoolchildren when studying Russian folk tales. Russian folk tales are considered in the work, the concept of moral representations in psychological and pedagogical literature is revealed, the role of Russian folk tales in the formation of moral representations of younger schoolchildren in literary reading lessons is determined, and the forms and methods of forming moral representations of younger schoolchildren in the study of Russian folk tales are analyzed.*

***Ключевые слова:** нравственные представления, нравственные представления младших школьников, формирование нравственных представлений*

младших школьников, уроки литературного чтения, изучение русских народных сказок.

Keywords: *moral ideas, moral ideas of younger schoolchildren, formation of moral ideas of younger schoolchildren, literary reading lessons, study of Russian folk tales.*

Одной из ведущих задач современной начальной школы является формирование нравственных представлений младших школьников.

Анализ психолого-педагогической литературы позволил определить нравственные представления как «чувственную форму нравственного знания, обобщенный образ о добре и зле, понимание и проявление доброжелательности и отзывчивости», а процесс формирования нравственных представлений как «целенаправленное и систематическое воздействие на сознание, чувства и поведение детей с целью воспитания у них нравственных качеств, соответствующих требованиям общественной морали» [2, с.182].

Формирование нравственных представлений младших школьников происходит в процессе нравственного воспитания посредством использования разнообразных средств. В качестве такого средства могут выступить русские народные сказки.

Сказка в современном понимании - это «вид занимательного устного повествования с фантастическим вымыслом, с необычным, но вполне законченным сюжетом, в котором добро побеждает зло» [4, с.107]. К признакам сказки относятся наличие законченного сюжета, занимательность, наличие вымысла, воспитательная направленность. Русские народные сказки классифицируют на сказки о животных, волшебные и бытовые сказки.

За годы обучения в начальной школе изучается 13 русских народных сказок, которые формируют у детей нравственные представления о доброте, дружелюбии, гостеприимстве, заботливости, взаимовыручке, ответственности, смелости, находчивости, бережном отношении к природе, отзывчивости, трудолюбию, верности, чести [3; 1, с.323]. Для раскрытия потенциала изучаемых на уроках литературного чтения русских народных сказок в формировании нравственных

представлений младших школьников используются разнообразные формы и методы работы.

Изучение русских народных сказок способствует формированию нравственных представлений младших школьников лишь в том случае, когда на уроках литературного чтения соблюдается методика работы над русской народной сказкой, этапность (подготовка к восприятию, чтение сказки, обмен мнения о прочитанном, чтение сказки по частям и их разбор, подготовка к рассказыванию, обобщающая беседа) [4, с.110].

Для формирования нравственных представлений младших школьников при чтении, рассказывании и анализе русских народных сказок используются разнообразные формы (выборочное чтение, чтение по ролям, обсуждение поведения героев сказки, рисование эпизодов сказки, драматизация) и методы (методы интерактивного обучения (дискуссия, работа в группах), развития критического мышления (составление кластера, синквейна), проблемный метод, метод проектов) работы, направленные на раскрытие нравственной основы сказки, нравственных поступков персонажей и их оценку [1, с.325].

Например, при изучении русской народной сказки «Каша из топора» на этапе постановки цели и задач урока литературного чтения младшие школьники рассматривают обложку к сказке, называют главных героев, предполагают, о чем будет говориться в сказке. На этапе первичного усвоения новых знаний дети прослушивают аудиозапись сказки, делятся впечатлениями. На этапе первичной проверки понимания организуется беседа по содержанию сказки по следующим вопросам: К какому виду относится сказка? Докажите. Кто главные герои сказки? Добился ли солдат своего? Что ему помогло? Чему удивилась старуха? Докажите словами текста. Прав ли солдат? Как вы думаете, на чьей стороне сказитель? Почему? Чему нас учит сказка? На этапе первичного закрепления младшие школьники в ходе работы в парах составляют характеристику солдата или старухи (по заданию учителя), пишут синквейн на соответствующую тему. В ходе подведения итогов урока и рефлексии дети подбирают пословицы, близкие идеи сказки. В качестве домашнего задания предлагается подготовить

выразительное прочтение сказки, рисунок к сказке, подписать его подходящими словами из текста.

Применение на уроке литературного чтения при изучении русской народной сказки «Каша из топора» таких форм и метод работы при чтении, рассказывании и анализе сказки, как выразительное чтение, выборочное чтение, беседа по содержанию, работа в парах, характеристика героев сказки; подбор пословиц, близких идее сказки; написание синквейна, подготовка рисунка к сказке позволяет создать условия для раскрытия нравственной основы сказки, нравственных поступков персонажей и их оценки, формирования представлений младших школьников о находчивости, смекалке, отрицательном отношении к жадности и скупости.

Таким образом, формированию нравственных представлений младших школьников способствует использование на уроках литературного чтения разнообразных форм и методов работы при чтении, рассказывании и анализе русских народных сказок.

Список литературы

1. Вечканова Ю.С. Использование русских народных сказок в развитии нравственных чувств детей / Ю.С. Вечканова // Молодой ученый. - 2023. - №45. - С.323-326.

2. Наумова А.А. Нравственные представления обучающихся начальной школы / А.А. Наумова // Молодой ученый. - 2023. - №9. - С.181-184.

3. Федеральная образовательная программа начального общего образования (Утверждена Минпросвещения России от 18.05.2023 №372 «Об утверждении федеральной образовательной программы начального общего образования»). - Режим доступа: <https://sudact.ru/law/prikaz-minprosveshcheniia-rossii-ot-18052023-n-372/> (дата обращения: 21.03.2026)

4. Шипилова А.Э. Значение сказок в воспитании младших школьников / А.Э. Шипилова // Научный форум: Педагогика и психология: сб. ст. по материалам XXIX междунар. науч.-практ. конф. - №5. - М.: МЦНО, 2019. - С.107-112.

УДК 37.016:53

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ НЕЙРОСЕТЕВЫХ МОДЕЛЕЙ В ОБУЧЕНИИ ФИЗИКЕ: ОТ АВТОМАТИЗАЦИИ ПРОВЕРКИ ЗАДАЧ К ПЕРСОНАЛЬНЫМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫМ ТРАЕКТОРИЯМ

Яковец Арина Видадиевна

магистрант

ФГБОУ ВО «Вологодский государственный университет», город Вологда

***Аннотация.** В статье анализируется применение технологий искусственного интеллекта в преподавании физики. Рассматриваются возможности нейросетей по выявлению когнитивных барьеров учащихся, генерации адаптивного контента и организации обратной связи. Отмечаются риски чрезмерного использования ИИ.*

***Abstract.** The article analyzes the application of artificial intelligence technologies in physics education. It examines the potential of neural networks to identify students' cognitive barriers, generate adaptive content, and facilitate feedback. The risks of AI overreliance are also addressed.*

***Ключевые слова:** методика преподавания физики, нейросетевые модели, адаптивное обучение, искусственный интеллект в образовании, персональные образовательные траектории*

***Keywords:** physics education, neural network models, adaptive learning, artificial intelligence in education, personalized educational trajectories*

Современная научная картина мира и стремительное развитие технологического сектора предъявляют принципиально новые требования к качеству естественнонаучного образования. Физика как фундаментальная дисциплина занимает в этой системе особое место, являясь одновременно базой для инженерного мышления и сложнейшим объектом для освоения. Специфика изучения физики

заключается в необходимости синергии высокого уровня абстрактного мышления и развитого математического аппарата. Как отмечают исследователи, «физическое знание характеризуется высокой степенью когнитивной нагрузки, где понимание концептуальной модели явления должно неразрывно сопровождаться операционным владением формальными структурами» [1].

Несмотря на глобальную цифровизацию общества, в методике преподавания физики сохраняется определенный консерватизм. Наблюдается существенный разрыв между темпами внедрения инноваций в научные исследования и инертностью образовательных протоколов. Традиционный «фрагментарный» или «фронтальный» метод обучения, ориентированный на «среднего» учащегося, в современных условиях демонстрирует свою ограниченность. В условиях перенасыщения информационного пространства классические методы трансляции знаний перестают обеспечивать должный уровень вовлеченности и глубины понимания.

В этом контексте критически важным становится внедрение технологий искусственного интеллекта (ИИ). Согласно докладу ЮНЕСКО «Искусственный интеллект в образовании» (2025), генеративные модели и нейросетевые структуры становятся катализатором перехода от массового образования к персонализированному [2]. Использование нейросетей позволяет не просто автоматизировать рутинные процессы, но и создать принципиально новую обучающую среду.

Цель данной работы заключается в теоретическом обосновании и анализе эволюции применения ИИ-технологий в физическом образовании: от простейших алгоритмов автоматизированной проверки решения задач до создания интеллектуальных систем, способных проектировать персональные образовательные траектории.

Подобная трансформация образовательного процесса позволяет нивелировать разрыв между сложностью физической науки и индивидуальными способностями учащегося, обеспечивая тем самым подготовку кадров, адекватную вызовам научно-технического прогресса 2020-х годов.

Первым и наиболее очевидным этапом внедрения нейросетевых моделей в

практику преподавания физики стала трансформация систем контроля знаний. Традиционные автоматизированные системы (LMS), основанные на сопоставлении конечного числового ответа, демонстрируют низкую дидактическую эффективность, так как они игнорируют сам процесс физического рассуждения. Современные интеллектуальные системы переходят к «прозрачной» проверке, что стало возможным благодаря интеграции технологий компьютерного зрения (Computer Vision) и обработки естественного языка (NLP).

Ключевым барьером в цифровизации проверки физических задач долгое время оставалась специфика записи решений: использование рукописных формул, греческих символов и схем. Внедрение специализированных нейросетевых архитектур для оптического распознавания символов (OCR), таких как MathOCR и графовые нейронные сети (GNN), позволило с высокой точностью (до 96 – 98%) переводить рукописные записи в машиночитаемые форматы, включая LaTeX и MathML [3].

Однако распознавание текста — прерогатива технической подготовки данных. Основная интеллектуальная работа систем ИИ заключается в логическом анализе шагов решения. Здесь на передний план выходят методы NLP и специализированные физические решатели (solvers). Нейросетевая модель анализирует последовательность применения физических законов, проверяя корректность выбора базовых уравнений (например, использование закона сохранения энергии в условиях, где он применим), соблюдение размерностей, логическую преемственность — способность модели выявить, на каком этапе была допущена ошибка.

Согласно исследованию Чена и Ли (2023), использование моделей класса GPT-4 и специализированных физических нейросетей позволяет обеспечить учащемуся мгновенную обратную связь, сопоставимую с комментариями живого ассистента: «Система указывает не на ошибку в ответе, а на дефект в цепочке вывода, например, на потерю проекции силы при переходе от векторной формы записи к скалярной» [4].

Более того, последние разработки в области Chain-of-Thought (CoT)

prompting (цепочки рассуждений) позволяют нейросетям не только проверять чужое решение, но и генерировать эталонные разборы, адаптированные под конкретный уровень подготовки ученика, что закладывает фундамент для перехода к полноценным персональным образовательным траекториям.

Параллельно с развитием систем проверки, нейросетевые технологии открывают принципиально новые возможности в области генерации учебного контента.

Современные LLM-модели позволяют создавать практически бесконечное множество вариаций физических задач, жестко специфицированных под заданные параметры: разный уровень сложности, конкретный физический раздел и, что наиболее важно, контекстуальное наполнение. Как указывают исследования в области педагогики STEM (2024), «контекстуализация абстрактных физических законов через актуальные для учащегося темы значительно повышает внутреннюю мотивацию к обучению» [5].

Нейросети способны трансформировать сухую задачу по классической механике (например, расчет траектории тела, брошенного под углом к горизонту) в кейс, интегрированный в актуальную повестку: расчет маневров возвращаемых ступеней ракет-носителей или моделирование движения исследовательского зонда в условиях гравитации экзопланет. Такая гибкость позволяет преподавателю мгновенно адаптировать материал под интересы конкретной группы. При этом нейросеть контролирует математическую корректность генерируемых параметров, исключая ситуации с физически недостижимыми значениями, что ранее требовало от составителя задач значительных временных затрат.

Интеграция ИИ в процесс обучения физике радикально меняет структуру рабочего времени преподавателя. В условиях традиционной модели до 60–70% времени педагога уходит на рутинные операции: проверку типовых работ, составление контрольных вариантов и ответы на повторяющиеся базовые вопросы по формулам. Перенос этих функций на нейросетевые модели (AI-driven teaching assistants) обеспечивает существенное снижение нагрузки учителя. Согласно данным мониторинга образовательных технологий (2025), внедрение

интеллектуальных ассистентов в технических вузах позволило высвободить до 40% рабочего времени преподавателей [6].

Таким образом, преподаватель физики перестает быть «транслятором формул» и «контролером ответов», становясь научным наставником.

Одним из ключевых преимуществ ИИ является его способность выявлять когнитивные барьеры, известные как «преконцепции».

Прекоцепции – это устойчивые, основанные на житейском опыте представления об окружающем мире, которые зачастую противоречат научным физическим законам. Примерами могут служить ошибочное представление о том, что «чем больше объект, тем он тяжелее» (смещение понятий массы и объема), или вера в то, что «чем быстрее движется объект, тем больше у него силы» (неправильное толкование связи между скоростью и энергией/импульсом). Нейросетевые системы, анализируя массив данных по типовым ошибкам, совершаемым учениками при решении задач, способны с высокой степенью вероятности идентифицировать эти прекоцепции. Например, анализ данных, полученных в ходе пилотного тестирования в одном из ведущих технических университетов (2024), показал, что при решении задач по термодинамике около 45% студентов младших курсов допускали ошибки, связанные с неправильным пониманием различия между теплотой и температурой [7]. ИИ-платформа, анализируя характер этих ошибок, автоматически фиксировала наличие соответствующей прекоцепции.

Помимо выявления уже существующих заблуждений, нейросети открывают возможности для аналитики успеваемости. Собирая и обрабатывая «цифровой след» учащегося — время, затраченное на решение задач, характер допускаемых ошибок, частоту обращений к справочным материалам или пояснениям, — алгоритмы могут прогнозировать вероятность возникновения трудностей с усвоением будущих тем. Это позволяет преподавателю вовремя вмешаться, предложив дополнительные материалы или более простые задачи по смежным темам.

На основе диагностики когнитивных барьеров и аналитики успеваемости

становится возможным реализация принципа обратной связи. ИИ задает наводящие вопросы, побуждает пересмотреть исходные условия, вспомнить соответствующие физические законы или проведённые ранее аналогии.

Например, если учащийся, решая задачу о движении под действием силы Архимеда, забывает учесть вес вытесненной жидкости, ИИ-ассистент может задать вопрос: «Что именно определяет силу, действующую на погруженное тело? Каков принцип действия этой силы?». Этот подход, имитирующий методику живого наставника, позволяет эффективнее и осознаннее решить ту или иную задачу. По данным опроса студентов, прошедших обучение с использованием таких ИИ технологий (2025), 75% отметили, что такой формат помощи оказался для них более эффективным, чем простое получение готового ответа, поскольку он стимулировал самостоятельное рассуждение [8].

Наиболее значительный потенциал нейросетевые модели раскрывают на этапе формирования персональных образовательных траекторий. На этом этапе ИИ является помощником в адаптации процесса освоения физического знания под уникальные потребности и возможности каждого обучающегося.

Все люди учатся по-разному: кто-то лучше воспринимает информацию визуально, кто-то — через аудиальные каналы, кто-то — через практическую деятельность, а кто-то — через строгое логическое выведение формул.

Нейросети анализируют предпочтения и эффективность учащегося при работе с различными типами контента. Например, если система фиксирует, что ученик демонстрирует лучшую успеваемость после просмотра видео-инфографики по термодинамике, но испытывает трудности при чтении текстовых выводов уравнений Максвелла, то при изучении следующих тем (например, оптики) ИИ будет отдавать приоритет визуальным и интерактивным форматам.

При адаптации материала ИИ может генерировать интерактивные 3D-модели и симуляции (для визуализации электромагнитных полей или атомных орбиталей), видеолекции с объяснениями сложных концепций и решениями задач, виртуальные лабораторные работы для проведения экспериментов, которые в реальной лаборатории были бы слишком дороги или опасны (например, работа с

высокими напряжениями), текстовые выводы и аналитические статьи.

Подобный подход не только повышает эффективность обучения, но и значительно увеличивает вовлеченность учащихся, делая процесс изучения физики более динамичным и персонализированным.

Несмотря на очевидные преимущества, интеграция нейросетевых моделей в процесс преподавания физики сопряжена с рядом минусов, игнорирование которых может нивелировать положительный эффект инноваций.

Одной из наиболее острых технических проблем остается феномен «галлюцинаций» больших языковых моделей — генерации фактологически неверного контента. В физике, где точность знака, индекса или константы определяет истинность всей модели, этот риск становится критическим. Как отмечает А. В. Кузнецов, «вероятностная природа нейросетей вступает в фундаментальное противоречие с детерминизмом физических законов. Без интеграции с символьными вычислительными системами (WolframAlpha и др.) использование ИИ в качестве источника эталонных решений остается рискованным» [9]. Это ставит перед обучающимся и педагогом новую задачу — формирование навыка критической верификации ответов ИИ, что само по себе становится важным элементом современной научной грамотности.

Другим системным риском является возможная атрофия навыков самостоятельного аналитического мышления. Существует опасность, что ученики перестанут осваивать трудоемкие процессы вывода формул и проведения математических преобразований, которые традиционно считались «гимнастикой ума», необходимой для формирования нейронных связей, ответственных за логическое мышление. Согласно лонгитюдному исследованию (2023–2025 гг.), группа студентов, чрезмерно полагавшаяся на ИИ при решении домашних заданий, продемонстрировала на 30% более низкие результаты в ситуациях, требующих решения задач «с нуля» без цифровых помощников [10].

Таким образом, технические риски и угроза снижения когнитивных способностей заставляют нас переосмыслить педагогику физики не как процесс передачи алгоритмов, а как практику воспитания ученика, способного эффективно

и ответственно сотрудничать с искусственным интеллектом.

Подводя итог проведенному анализу, необходимо констатировать, что интеграция нейросетевых моделей в методику преподавания физики сулит начало новой технологической эпохи в образовании. Основным выводом исследования заключается в том, что искусственный интеллект не является заменой учителя. Напротив, ИИ выступает помощником, позволяя решить проблемы преподавания в школе: перегрузку преподавателя, инертность учебных материалов и игнорирование индивидуальных особенностей восприятия учащихся. Нейросети принимают на себя функции адаптации контента, помогая в осознании физических законов.

Список литературы

1. Иванова Е. С., Сидоров А. П. Методология преподавания физики в эпоху цифровой трансформации // Педагогика и просвещение. — 2023. — № 4. — С. 12-28.
2. UNESCO. Artificial Intelligence and the Future of Learning: Guidance for Policy-Makers. — Paris : UNESCO Publishing, 2025. — 120 p.
3. Müller A., et al. Handwritten Mathematical Expression Recognition using Graph Neural Networks // Journal of AI in Education. — 2022. — Vol. 15. — P. 210-225.
4. Chen X., Lee J. Automated Feedback in Physics Problem Solving: A Large Language Model Perspective // Journal of STEM Education Research. — 2023. — Vol. 6, No. 3. — P. 312-330.
5. Wang L., et al. Generative AI in STEM: Enhancing Student Engagement through Contextualized Problem Solving // International Journal of Educational Technology. — 2024. — Vol. 19, No. 2. — P. 112-128.
6. Козлов Д. В., Петрова М. Н. Оценка эффективности ИИ-ассистентов в инженерном образовании: предиктивный анализ // Вестник высшей школы. — 2025. — № 1. — С. 30-38.
7. Петрова М. Н., Сидоров А. П., Иванов И. И. Психолого-педагогические

аспекты освоения физических понятий: анализ типичных ошибок в термодинамике // Современная наука: новые открытия. — 2024. — № 3. — С. 55-67.

8. Johnson L., et al. The Socratic Tutor: Evaluating AI-Driven Conversational Feedback in Physics Education // Proceedings of the International Conference on Artificial Intelligence in Education (AIED). — 2025. — P. 210-220.

9. Кузнецов А. В. Проблема истинности в цифровом образовании: как избежать физических ошибок в эпоху ИИ // Вестник физико-математического образования. — 2025. — № 2. — С. 15-22.

10. Kaplan D. The Dependency Trap: Cognitive Decay in STEM Students using Generative AI // Educational Psychology Review. — 2025. — Vol. 37, No. 1. — P. 102-118.

ФИЗИКО-МАТЕМАТИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 51:33

ПРИМЕНЕНИЕ МАТРИЧНОГО АППАРАТА В ЭКОНОМИЧЕСКИХ РАСЧЁТАХ НА ПРИМЕРЕ ПРОСТЕЙШЕЙ МОДЕЛИ МЕЖОТРАСЛЕВОГО БАЛАНСА

Жигайлова Алина Дмитриевна

студент

Научный руководитель: Двоерядкина Наталья Николаевна,

к.п.н, доцент

ФГБОУ ВО «Амурский государственный университет», город Благовещенск

Аннотация. В данной статье рассмотрено применение матричного метода для построения и анализа простейшей модели межотраслевого баланса В. В. Леонтьева. Продемонстрировано построение матрицы прямых затрат для экономики, состоящей из двух отраслей, а также показана возможность её использования для расчётов, связанных с изменением производственных объёмов. Основное внимание уделено пониманию логики модели В. В. Леонтьева и её построению, что способствует освоению базовых принципов экономического моделирования.

This article discusses the use of the matrix method for constructing and analyzing the simplest model of the input-output balance of V.V. Leontiev. The construction of a matrix of direct costs for an economy consisting of two industries is demonstrated, and the possibility of its use for calculations related to changes in production volumes is also shown. The main attention is paid to understanding the logic of V.V. Leontiev's model and its construction, which contributes to the development of the basic principles of economic modeling.

Ключевые слова: матрицы, межотраслевой баланс, экономическое

моделирование, прямые затраты, модель Леонтьева, построение модели, анализ.

Keywords: *matrices, input-output balance, economic modeling, direct costs, Leontief model, model construction, analysis.*

Математическое моделирование занимает важное место в экономических исследованиях, поскольку позволяет количественно описывать взаимосвязи между различными секторами экономики. Одним из наиболее известных инструментов такого моделирования является модель межотраслевого баланса В. В. Леонтьева, основанная на применении матричного аппарата.

Модель Леонтьева рассматривает экономику как систему взаимосвязанных отраслей, каждая из которых одновременно выступает производителем собственной продукции и потребителем продукции других и своих отраслей. Основу модели составляет матрица прямых затрат, показывающая, какое количество продукции одной отрасли необходимо для производства единицы продукции другой отрасли.

Актуальность темы определяется тем, что модель межотраслевого баланса стала одной из первых математических моделей, позволивших количественно анализировать производственные связи между отраслями экономики. Развитие промышленности и усложнение хозяйственных отношений потребовали методов, способных учитывать взаимное влияние отраслей друг на друга. Изучение модели Леонтьева позволяет не только освоить применение матриц в экономических расчётах, но и понять принципы анализа межотраслевых зависимостей. В данной работе используется матрица прямых затрат, элементы которой показывают удельный расход продукции одной отрасли на единицу выпуска другой, и матрица полных затрат, учитывая, как прямые, так и косвенные межотраслевые связи. Противоречие заключается в том, что в большинстве работ модель Леонтьева излагается преимущественно на теоретическом уровне, тогда как её практическое применение остаётся недостаточно раскрытым, что является задачей данной работы.

Научная новизна работы заключается в последовательном рассмотрении

процесса построения матрицы прямых затрат на основе исходных экономических данных и дальнейшем применении модели Леонтьева для анализа изменения объёмов производства. В большинстве учебных и научно-методических материалов основное внимание уделяется либо теоретическому описанию модели межотраслевого баланса, либо решению задач на основе уже готовых матриц коэффициентов. Например, в методических указаниях Л. В. Бобровой [5] модель Леонтьева рассматривается на примере трёх отраслей, однако основное внимание уделяется общей математической постановке задачи, а не поэтапной интерпретации формирования матрицы прямых затрат. А в статье Соломонова Е. В., Лелес А. Л., основное внимание уделяется теоретическим свойствам модели и методам расчёта валового выпуска, тогда как процесс поэтапного формирования матрицы прямых затрат раскрыт кратко [2]. В данной работе особое внимание уделено именно последовательному построению матрицы прямых затрат для условной двухотраслевой экономики с подробным объяснением экономического смысла каждого коэффициента, а также связи матричного аппарата с моделью межотраслевого баланса В. В. Леонтьева.

Проблема, рассматриваемая в статье, заключается в том, что изменение конечного спроса на продукцию одной отрасли в реальной экономике не затрагивает только её саму. Возникает необходимость количественно оценить, насколько должны измениться объёмы производства во всех связанных отраслях, чтобы удовлетворить новый уровень потребления и одновременно покрыть взаимные производственные нужды. Решение этой проблемы невозможно методами простой арифметики и требует применения формализованного матричного аппарата.

Объектом исследования является условная экономическая система, состоящая из двух отраслей. Предмет исследования – процесс построения матрицы прямых затрат и применение модели Леонтьева для анализа межотраслевых связей.

Методологической основой работы послужила классическая модель межотраслевого баланса («затраты – выпуск») [4]. В качестве математического

инструментария использованы базовые операции линейной алгебры над матрицами: расчёт элементов по заданной формуле, нахождение разности матриц, вычисление определителя, построение обратной матрицы и умножение матрицы на вектор [1].

Теоретическая значимость работы состоит в систематизации учебного материала по применению линейной алгебры к экономическим моделям.

Практическая значимость заключается в том, что подробно разобранный алгоритм может быть непосредственно использован на занятиях по высшей математике, а также в рамках дисциплин, посвящённых применению математических методов для анализа экономических моделей.

Для проведения исследования рассмотрим условную экономику, включающую две отрасли: сельское хозяйство и пищевую промышленность. Предположим, что при общем выпуске сельского хозяйства в 100 у.е. 25 у.е. продукции потребляется самой отраслью, 35 у.е. направляется в пищевую промышленность, а 40 у.е. составляет конечный продукт. Пищевая промышленность при выпуске 100 у.е. передаёт 45 у.е. сельскому хозяйству, 15 у.е. использует для собственных нужд и 40 у.е. оставляет в качестве конечного продукта. Исходные данные представлены в таблице 1.

Таблица 1 – Межотраслевые потоки продукции в условных денежных единицах (у.е.)

Производитель	Потребление отраслью 1 (с/х)	Потребление отраслью 2 (пищ.)	Конечный продукт (Y)	Общий выпуск (X)
Отрасль 1 (с/х)	25	35	40	100
Отрасль 2 (пищ.)	45	15	40	100

Центральным элементом анализа является матрица прямых затрат $A = (a_{ij})$, каждый элемент которой показывает, сколько продукции i -й отрасли расходуется на производство одной единицы продукции j -й отрасли [3]. Расчёт элементов выполняется по формуле: $a_{ij} = \frac{x_{ij}}{X_j}$.

Выполним расчёт последовательно для каждой отрасли.

Для отрасли «Сельское хозяйство» ($j = 1$, общий выпуск $X_1 = 100$):

$$a_{11} = \frac{25}{100} = 0,25 \text{ – чтобы произвести 1 у.е. своей продукции, сельское хо-}$$

зяйство затрачивает 0,25 у.е. своей же продукции;

$$a_{21} = \frac{45}{100} = 0,45 \text{ – на производство 1 у.е. продукции сельского хозяйства}$$

затрачивается 0,45 у.е. продукции пищевой промышленности.

Для отрасли «Пищевая промышленность» ($j = 2$, общий выпуск $X_2=100$):

$$a_{12} = \frac{35}{100} = 0,35 \text{ – чтобы произвести 1 у.е. своей продукции, пищевая про-}$$

мышленность затрачивает 0,35 у.е. продукции сельского хозяйства;

$$a_{22} = \frac{15}{100} = 0,15 \text{ - Чтобы произвести 1. у.е. своей продукции, пищевая}$$

промышленность затрачивает 0,15 у.е. своей продукции.

Таким образом, матрица прямых затрат имеет вид: $A = \begin{pmatrix} 0,25 & 0,35 \\ 0,45 & 0,15 \end{pmatrix}$.

Полученная матрица показывает структуру производственных связей между отраслями

Основное балансовое уравнение модели В. В. Леонтьева связывает общий выпуск X , матрицу прямых затрат A и конечный продукт Y : $X=AX+Y$ [3].

Суть модели заключается в определении такого объёма выпуска продукции, который одновременно обеспечивает внутренние производственные потребности отраслей и конечное потребление [3]. Преобразуем уравнение: $X-AX=Y$; $(E - A)X = Y$; $X = (E - A)^{-1} \cdot Y$,

где E - единичная матрица, а $(E - A)^{-1}$ – матрица полных затрат, показывающая, сколько единиц продукции каждой отрасли необходимо произвести в итоге (с учётом всех промежуточных потреблений), чтобы обеспечить выпуск одной единицы конечной продукции.

Рассмотрим построение матрицы полных затрат: $(E - A)^{-1} = \frac{1}{\det(E-A)}$.

$$\text{adj}(E - A); E-A = \begin{pmatrix} 1 & 0 \\ 0 & 1 \end{pmatrix} - \begin{pmatrix} 0,25 & 0,35 \\ 0,45 & 0,15 \end{pmatrix} = \begin{pmatrix} 0,75 & -0,35 \\ -0,45 & 0,85 \end{pmatrix}.$$

Алгебраическое дополнение A_{ij} к элементу, стоящему на пересечении i -й

строки и j -го столбца, вычисляется по формуле: $A_{ij} = (-1)^{i+j} \cdot M_{ij}$, где M_{ij} – минор, получаемый вычёркиванием i -й строки и j -го столбца.

Найдём все четыре алгебраических дополнения.

Для A_{11} : вычёркиваем первую строку и первый столбец, остаётся элемент 0,85: $A_{11} = (-1)^{1+1} \cdot 0,85 = 1 \cdot 0,85 = 0,85$.

Для A_{12} : вычёркиваем первую строку и второй столбец, остаётся элемент – 0,45: $A_{12} = (-1)^{1+2} \cdot (-0,45) = -1 \cdot (-0,45) = 0,45$.

Для A_{21} : вычёркиваем вторую строку и первый столбец, остаётся элемент – 0,35: $A_{21} = (-1)^{2+1} \cdot (-0,35) = -1 \cdot (-0,35) = 0,35$.

Для A_{22} : вычёркиваем вторую строку и второй столбец, остаётся элемент – 0,75: $A_{22} = (-1)^{2+2} \cdot 0,75 = -1 \cdot 0,75 = 0,75$.

Присоединённая матрица $\text{adj}(E-A)$ формируется путём транспонирования матрицы, составленной из алгебраических дополнений, то есть элементы A_{ij} рас-

ставляются в позиции (j,i) : $\text{adj}(E - A) = \begin{pmatrix} 0,85 & 0,35 \\ 0,45 & 0,75 \end{pmatrix}$.

$$\det(E-A) = (0,75 \cdot 0,85) - (-0,35 \cdot -0,45) = 0,6375 - 0,1575 = 0,48; (E - A)^{-1} = \frac{1}{0,48} \cdot$$

$$\begin{pmatrix} 0,85 & 0,35 \\ 0,45 & 0,75 \end{pmatrix} \approx \begin{pmatrix} 1,771 & 0,729 \\ 0,938 & 1,563 \end{pmatrix}.$$

Предположим, что конечный спрос изменился и теперь составляет 50 у.е. для сельского хозяйства, 55 у.е. для пищевой промышленности.

Рассчитываем необходимый общий выпуск X :

$$X = (E - A)^{-1}Y = \begin{pmatrix} 1,771 & 0,729 \\ 0,938 & 1,563 \end{pmatrix} \cdot \begin{pmatrix} 50 \\ 55 \end{pmatrix} \approx \begin{pmatrix} 128,65 \\ 132,87 \end{pmatrix}$$

Полученные значения вектора валового выпуска означает, что при новом уровне конечного спроса объём производства сельского хозяйства должен составить примерно 128,65 у.е., а пищевой промышленности – 132,87 у.е.

Проведённые расчёты показывают, что увеличение конечного спроса приводит к росту выпуска не только в одной отрасли, но и во всей системе взаимосвязанных производств. Это объясняется тем, что каждая отрасль использует продукцию других отраслей в качестве ресурсов.

Таким образом, модель Леонтьева позволяет анализировать производственные взаимосвязи и оценивать последствия изменения спроса для экономики в целом.

Список литературы

1. Межотраслевой баланс. Модель Леонтьева [Электронный ресурс]: материалы семинарского занятия // Самарский государственный экономический университет. URL: <https://lms2.sseu.ru/courses/eresmat/auk/sem17.htm> (дата обращения: 17.05.2026).

2. Модель межотраслевого баланса (модель «затраты-выпуск») [Электронный ресурс] // Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова. Экономический факультет. URL: <https://books.econ.msu.ru/economics-of-sustainable-development/sect05/chap13/13.2/> (дата обращения: 17.05.2026).

3. Прямые и полные материальные затраты в модели Леонтьева [Электронный ресурс] // Самарский государственный экономический университет. URL: https://lms2.sseu.ru/courses/eresmat/course2/razd10_2/par10_2k2.htm (дата обращения: 17.05.2026).

4. Соломонова Е. В., Лелес А. Л. Сетевая модель многоотраслевой экономики. Модель Леонтьева «затраты-выпуск» // Молодой ученый. 2015. № 1 (81). С. 292–294. URL: <https://moluch.ru/archive/81/14792> (дата обращения: 17.05.2026).

5. Что такое обратная матрица и как ее построить [Электронный ресурс] // Яндекс Практикум. 2025. 3 июля. URL: <https://practicum.yandex.ru/blog/что-такое-obratnaya-matritsa/> (дата обращения: 17.05.2026).

ХИМИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 628.16:503.36

СОРБЦИОННАЯ ОЧИСТКА ВОДЫ В УСЛОВИЯХ С ВЫСОКОВЯЗКИМИ НЕФТЕПРОДУКТАМИ НА ПРИМЕРЕ ГОРОДА-КУРОРТА АНАПА

Дугиев Адам Юнусович

Торшхоев Магомед Батырбекович

магистранты

Научный руководитель: Темирханов Багаудин Ахметович,

к.х.н., доцент

ФГБОУ ВО «Ингушский государственный университет», город Магас

Аннотация. В данной статье рассмотрена технология применения сорбента на основе терморасширенного графита для очистки морской воды от высоковязкого мазута М-100 на финальной стадии процесса очистки.

В декабре 2024 г на Керченском проливе потерпели крушение два танкера, перевозившие мазут. В объекты окружающей среды было внесено 9200 тон высоковязкого мазута, на примере печного М-100.

Технология извлечения мазута со дна моря и очистка песка сопровождается образованием большого количества воды, содержащей остаточные концентрации нефтепродуктов.

С этой целью на стадии финальной очистки требуется применение сорбционных материалов для фильтрационной очистки в динамических условиях, путем фильтрации очищаемого раствора через неподвижный слой сорбента.

Объектом исследования является апробированный на месте ЧС города-курорта Анапа сорбент на основе терморасширенного графита (СТРГ), производимого на базе инжинирингового центра Ингушского госуниверситета.

Сорбент СТРГ обладает высокой сорбционной емкостью по отношению к нефтепродуктам любой вязкости, высокой гидрофобностью и является пористым материалом.

Апробация данного вида сорбента проведено на месте ЧС совместно с ООО НПФ «ПОЛИТЕХНИКА». Место проведения: РФ, Краснодарский край, г. Анапа, акватории Черного моря, участок А-8.

Проведена демонстрация работоспособности насосного оборудования, эжекторов, рукавных линий и усовершенствованного сборно-разборного накопителя сепаратора для очистки морского дна на глубинах до 8-10 м от мазута с линией дополнительной очистки морской воды, с помощью стационарного фильтра. Стационарный фильтр предусматривает использование фильтров с фиброволокном и активированным углем. С целью замены дорогих и малоэффективных активированных углей был предложен сорбент на основе расширенного графита, так называемый сорбент СТРГ, производимый на базе инженерингового центра ИнгГУ «Разработка модифицированных сорбционных материалов» по ТУ 2164-001-06167706-17.

В лабораторных условиях проведены исследования процесса сорбционной очистки воды от нефтепродуктов с помощью сорбента СТРГ.

Установлено, что при использовании сорбента СТРГ удается очистить воду перед сбросом в море ниже уровня ПДК (для вод рыбохозяйственного назначения т.е. ниже 0,05 мг/л)

Abstract. *This article discusses the technology of using a sorbent based on thermally expanded graphite for the purification of seawater from high-viscosity fuel oil M-100 at the final stage of the purification process. In December 2024, two tankers carrying fuel oil were wrecked in the Kerch Strait. 9200 tons of high-viscosity fuel oil, such as M-100, were released into the environment. The technology of extracting fuel oil from the seabed and cleaning the sand is accompanied by the formation of large amounts of water containing residual concentrations of petroleum products. To this end, the final purification stage requires the use of sorption materials for filtration purification under dynamic conditions, by filtering the purified solution through a fixed*

layer of sorbent. The object of research is a sorbent based on thermally expanded graphite (STRG), which is produced at the engineering center of Ingush State University and has been tested at the site of the emergency in the resort city of Anapa.

Sorbent STRG has a high sorption capacity for petroleum products of any viscosity, high hydrophobicity and is a porous material. The testing of this type of sorbent was carried out at the site of emergency together with POLITECHNIKA LLC. Venue: Russian Federation, Krasnodar Territory, Anapa, Black Sea water areas, section A-8. The performance of pump equipment, ejectors, hose lines, and an improved modular separator for cleaning the seabed at depths of up to 8-10 m from fuel oil with an additional seawater purification line using a stationary filter was demonstrated. The stationary filter uses fiberglass and activated carbon filters. In order to replace expensive and ineffective activated carbons, a sorbent based on expanded graphite, the so-called STRG sorbent, was proposed. This sorbent is produced at the IngSU Engineering Center for the Development of Modified Sorption Materials in accordance with Technical Specifications 2164-001-06167706-17. In laboratory conditions, the process of sorption purification of water from petroleum products using the STRG sorbent was studied. It was found that when using the STRG sorbent, it is possible to purify water before discharge into the sea below the MPC level (for fishery waters, i.e. below 0.05 mg/L).

Ключевые слова: сорбенты, мазут, сорбционная емкость, разливы нефтепродуктов.

Keywords: sorbents, fuel oil, sorption capacity, oil spills.

Ведение

В качестве объекта исследований выбран сорбент на основе терморасширенного графита, так называемый СТРГ, получаемый из окисленной формы графита при температуре 1050 °С. Основные данные сорбента приведены в таблице 1.

Таблица 1 - Характеристика сорбента СТРГ

Наименование материала	Определяемые показатели				
	Сера, %	рН водной вытяжки	Зольность, %	Содержание влаги, %	Насыпная плотность, не более кг/м ³
Сорбент СТРГ	0,26	6,2	1,6	3,3	3

Испытания сорбционного материала проводились на базе ООО «ИНИЦИТ» Ингушского госуниверситета [1].

Как видно из таблицы сорбент является низкоплотным материалом (так называемый черный пух) плотность его составляет менее 3 кг/м³.

Для проведения исследований водолазами МЧС Краснодарского края была отобрана фракция мазута.

С целью применения сорбента СТРГ на финальной стадии в технологии полевых испытаний по откачке водно-мазутной смеси линией дополнительной очистки морской воды, с помощью стационарного фильтра, проведены лабораторные испытания объекта исследования.

Сорбенты, применяемые в адсорбционных технологиях, должны обладать пористой структурой. Анализируемые сорбенты ранее [2] были исследованы с помощью ртутного порозиметра Pascal 140 Evo.

Материалы и методы исследования

С целью определения возможности очистки сточных вод от нефти и нефтепродуктов с помощью сорбентов изучены их сорбционные характеристики в динамических условиях путем фильтрации очищаемого раствора через неподвижный слой адсорбента, для этого была собрана простая лабораторная установка (рис.1).

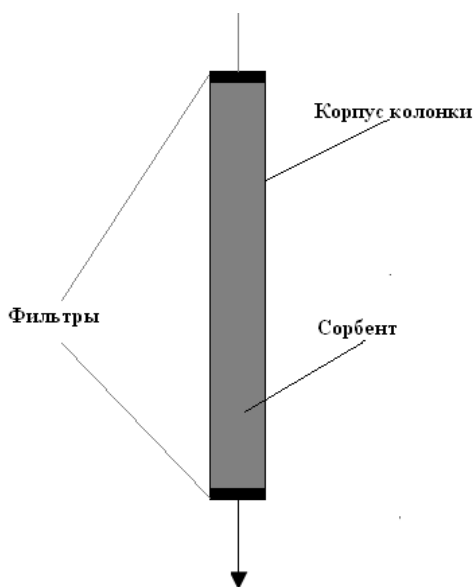

Рисунок 1 – Установка для фильтрации загрязненной воды через неподвижный слой сорбента

Модельный раствор нефтепродукта был приготовлен методом перемешивания мазута М-100 с дистиллированной водой в течение трех суток при температуре 30-50 °С, до образования стойкой эмульсии.

При определении характеристик сорбции в динамических условиях нами учитывалась скорость пропускания воды.

Технология контроля наличия в воде нефти и продуктов ее переработки в настоящее время преимущественно заключается в периодическом отборе проб воды для последующего проведения лабораторного анализа. Лабораторный анализ воды на содержание нефтепродуктов до и после фильтрации проведен с помощью ИК-Фурье спектрофотометра, в соответствии с методикой [3].

Исходная концентрация составила 10,8 мг/л.

Ход работы

Колонку высотой 50 см с диаметром 6 см наполняли сорбентом высотой 10 см, масса сорбента при этом составляла 0,35 гр. Дисперсию подавали сверху через делительную воронку объемом 500 мл, и раствор самотеком проходил через слой сорбента. Очищенную воду собирали в сборник, остаточное содержание нефти определяли в соответствии с [3].

При концентрации нефтепродуктов в воде 10,8 мг/л при объеме пропущенного раствора 500 мл, раствор пропускали со скоростью фильтрации 16 мл/мин, (выбрана объемная скорость пропускания воды, т.к. в этих условиях фиксировать линейную скорость не представляло возможным).

Отбирались две пробы по 250 мл и определялась их концентрация. Полученные данные по очистке воды от мазута М-100 с концентрацией 10,8 мг/л и скоростью фильтрования 16 мл/мин, сведены в табл. 2.

Таблица 2 - Очистка воды сорбентами (исходная концентрация нефти 10,8 мг/л)

Виды сорбентов	Концентрация, мг/л			
	1 проба	Степень очистки, %	2 проба	Степень очистки, %
СТРГ	0,038	99,82	0,042	99,9

В этих условиях степень очистки воды сорбентом достигает 99,9%; концентрация нефти в воде на выходе из колонки ниже ПДК, т.е. менее 0,05 мг/л. ПДК для водных объектов хозяйственно-питьевого и культурно-бытового водопользования составляет 0,3 мг/дм³, для водных объектов рыбохозяйственного значения более строгая – 0,05 мг/дм³.

При очистке воды скорость фильтрации играет важную роль, так как продолжительность контакта воды с сорбентом составляет секунды, и очень важно, чтобы за время вода успела полностью очиститься от нефти [4,5].

Второй стадией было определение влияния скорости пропускания загрязненной воды на степень ее очистки. Для этого раствор пропускали через слой сорбента со скоростью 32 мл/мин при той же концентрации 10,8 мг/л. Полученные данные сведены в табл. 3.

Таблица 3 - Очистка воды сорбентами (исходная концентрация нефти 10,8 мг/л)

Виды сорбентов	Концентрация, мг/л			
	1 проба	Степень очистки %	2 проба	Степень очистки %
СТРГ	0,067	98,8	0,072	97,6

При очистке воды со скоростью фильтрования раствора 32 мл/мин. ПДК нефтепродуктов находится ниже уровня 0,3 для водных объектов хозяйственно-питьевого и культурно-бытового водопользования.

Как видно, степень очистки воды от нефтепродуктов уменьшается с повышением скорости пропускания воды, причем во всех случаях концентрация нефтепродуктов находится ниже уровня ПДК для водных объектов хозяйственно-питьевого и культурно-бытового водопользования. При скорости фильтрации 15 мл/мин этот показатель находится ниже уровня ПДК для вод рыбохозяйственного назначения.

Выводы

Лабораторные исследования свойств сорбентов СТРГ при очистке раствора, содержащего 10,8 мг нефтепродуктов на 1 литр воды, при различных

скоростях пропускания через слой сорбента показали, что эти сорбенты можно использовать в фильтрах двойного назначения: как фильтрационную загрузку в насыпном фильтре, заменяющую кварцевый песок на последнем этапе предварительной очистки воды от свободно плавающих нефтепродуктов и тонкодисперсных взвешенных веществ (размер частиц >3 мкм), и как сорбент для извлечения растворенных нефтепродуктов.

Список литературы

1. Акт исследования сорбента СТРГ. Утверждено ООО «Ингушский национальный инжиниринговый центр инноваций и технологий». 27.11.2017 г.
2. Р.К. Костоев, Д.С. Точиев, Э.И. Нилхо, З.Х. Султыгова, Р.Д. Арчакова, Б.А. Темирханов., Л.Я. Ужахова. Применение метода ртутной порозиметрии в анализе сорбционных материалов. //Тонкие химические технологии, 2020;15(1):76-83э
3. РД 52.24.476-95. Методические указания. ИК-фотометрическое определение нефтепродуктов в водах.
4. Крылов, И.О. Установка доочистки сточных и ливневых вод от нефтепродуктов / И.О. Крылов, С.И. Ануфриева, В.И. Исаев // Экология и промышленность России. – 2002. – № 6. – С. 17–20.
5. Каменщиков, Ф.А. Нефтяные адсорбенты / Ф.А. Каменщиков, Е.И. Богомольный. – Москва–Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2005. – 268 с.

Работа выполнена в рамках проекта «Разработка и использование наноуглеродных сорбционных материалов для ликвидации разливов нефтепродуктов», заявленного от ИнГГУ на Домене «Наука и инновации», 2025 г.

ТЕХНИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 69.003.13

СОВРЕМЕННЫЕ СТРАТЕГИИ И МЕТОДЫ ЭНЕРГОЭФФЕКТИВНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА ЗДАНИЙ

Мягкова Мария Юрьевна

магистрант

Уральский федеральный университет имени первого Президента России

Б. Н. Ельцина, Россия, г. Екатеринбург

***Аннотация.** В статье изучены причины перехода к энергоэффективным технологиям, определение энергоэффективности, мировой и российский опыт, исторические причины отставания, методы и инструменты повышения энергоэффективности, тенденции и перспективы.*

The article examines the reasons for the transition to energy-efficient technologies, the definition of energy efficiency, global and Russian experience, historical reasons for the lag, methods and tools for improving energy efficiency, and trends and prospects.

***Ключевые слова:** энергоэффективное строительство, энергоэффективность, энергосбережение, теплопотери, класс энергоэффективности.*

***Keywords:** energy-efficient construction, energy efficiency, energy saving, heat loss, energy efficiency class.*

Энергоэффективность зданий и сооружений – это экономически целесообразное энергосбережение, показатель, характеризующий оптимизацию «стоимости жизненного цикла», включая первоначальные затраты на его жизнеобеспечение, эксплуатацию, в частности, энергетические ресурсы, на экологические издержки [1].

Условия нарастающего экологического кризиса, загрязнение окружающей

среды и исчерпание природных ресурсов побудили человечество искать способы генерации электроэнергии и тепла из возобновляемых источников. Энергия, получаемая за счёт сжигания ископаемого топлива и работы АЭС, уступает место ресурсам, основанным на солнечном свете, водных потоках, ветре, приливах, биотопливе и геотермальной теплоте; одновременно ведётся работа над новыми методами получения энергии [2].

Задуматься об использовании энергоэффективных технологий заставляет не только экологическая ситуация, но и экономическая. Стоимость электроэнергии и теплоснабжения продолжает расти, из-за чего проблема эксплуатационных расходов на содержание жилья становится всё более актуальной. Энергоэффективность здания оценивают по уровню потерь тепловой энергии – их измеряют в киловатт-часах на квадратный метр ($\text{kВт}\cdot\text{ч}/\text{м}^2$) в год либо за отопительный период.

Энерго- и ресурсосбережение играют ключевую роль в современном мире: повышение энергоэффективности и реализация мер по энергосбережению отнесены к приоритетным направлениям научно-технического развития Российской Федерации. Появление методов энергоэффективности положительно влияет на экономику на протяжении всего жизненного цикла объекта строительства.

В российской науке требования к энергоэффективности зданий развивались поэтапно: начиная с осознания необходимости усиления тепловой защиты сооружений и заканчивая признанием энергетической эффективности в строительстве и строительном производстве одним из приоритетных направлений. При этом значительную роль играет опыт развитых стран — их нормативные документы служат основой для формирования российской нормативно-правовой базы в сфере энергосбережения и повышения энергетической эффективности [3].

Вопрос об энергоэффективности был и остается одним из приоритетных направлений в экономике России. Актуальность энергосбережения и повышение энергетической эффективности зданий обусловлена высокими затратами и постоянным ростом тарифов на энергоресурсы. Общая площадь эксплуатируемых зданий в России составляет около 5 млрд. м^2 . На отопление только жилых домов

расходуется 400 млн. тонн условного топлива в год или более одной трети добываемых энергоресурсов страны [4].

Приоритеты строительной отрасли в период советской экономики определялись задачей максимально быстрого и масштабного ввода жилых объектов при минимальных затратах. По этой причине вопросы энергопотребления зданий не имели первостепенного значения и регулировались ограниченно, в основном через нормативы по теплозащите. Такая ситуация была обусловлена двумя факторами: острой жилищной проблемой и относительной доступностью энергетических ресурсов. При этом совокупное энергопотребление зданий сохраняло высокие показатели и, согласно оценкам исследователей, формировало существенную долю общего энергетического баланса государства.

Внедрению программ энергосбережения мешают несколько проблем: общественные здания сильно изношены, работники бюджетной сферы не всегда знают, как экономить энергию, а у руководителей организаций нет достаточных стимулов повышать энергоэффективность. Помочь в решении этих задач может энергоаудит: он показывает реальное состояние объекта, помогает понять, какие меры по энергосбережению стоит принять, оценить их потенциал и найти причины потерь энергии. В итоге это позволяет сократить расходы на энергоресурсы. Россия активно развивает альтернативные источники энергии – особенно успешно продвигаются проекты в области солнечной энергетики, гидроэнергетики, ветроэнергетики и геотермальной энергетики [5].

Одним из способов снижения потребления энергии является уменьшение теплопотерь здания, за счет улучшения утепления, компактности, правильной формы здания, территориального зонирования и ориентации по сторонам света.

При идеальных условиях энергоэффективный дом должен обладать независимой энергетической системой, которая полностью исключает расходы на поддержание комфортной температуры воздуха. Отопление в энергоэффективном доме должно обеспечиваться за счет тепла, которое выделяется бытовыми приборами и людьми, живущими в этом доме. При необходимости вспомогательного "активного" обогрева рекомендуется использовать альтернативные

источники энергии. Для горячего водоснабжения возможно применение установок на основе возобновляемых источников энергии — например, тепловые насосы или солнечные водонагреватели. Проблему охлаждения и кондиционирования здания возможно решить с помощью соответствующих архитектурных решений, а при необходимости вспомогательного охлаждения – задействовать альтернативные источники энергии, например, геотермальный тепловой насос.

В сфере строительства значительно растет значимость экологически безопасных материалов. На сегодняшний день девелоперы все чаще выбирают переработанный металл, низкоуглеродный бетон, сертифицированную древесину и продукцию с минимальным содержанием вредных веществ. Такой подход не только улучшает экологические характеристики объекта, но и благоприятно сказывается на здоровье и комфорте людей, находящихся в здании. Для повышения энергоэффективности архитекторы применяют материалы, снижающие тепловые потери здания и способствующие созданию комфортного микроклимата [6].

Тенденции энергоэффективного строительства активно развиваются, что в ближайшее время ведет к деформациям рынка недвижимости, где энергоэффективность станет базовым стандартом. Девелоперам нужно будет адаптироваться и учитывать новые стандарты.

В настоящее время в сфере энергоэффективного строительства существует ряд проблем. Несмотря на то, что нормативные акты формально закрепляют ответственность за соблюдение энергоэффективных требований, но фактически их исполнение часто затруднено. Причина заключается во внутреннем противоречии: поставщики энергоресурсов заинтересованы в росте потребления. Кроме того, последствия нерационального использования энергии в зданиях обычно выявляются спустя несколько лет после начала эксплуатации – к этому времени застройщик может уже покинуть рынок, и предъявить претензии становится некому.

Присвоение классов энергоэффективности в настоящее время опирается преимущественно на проектные расчеты, а не на реальные показатели. Из-за чего после ввода здания в эксплуатацию может выясниться, что фактические

показатели не соответствуют заявленным. При этом эффективных механизмов контроля и привлечения к ответственности практически не существует. Такая ситуация искажает реальную картину и вызывает сомнения в корректности используемых методов оценки.

Для полноценного учёта реальных показателей энергопотребления необходимы специальные инструменты. Среди возможных решений – организация регулярного мониторинга зданий, проведение плановых проверок, а также внедрение автоматизированных систем учёта и контроля. При этом тема оценки энергоэффективности остаётся недостаточно разработанной: на текущий момент единая методология в этой сфере ещё не сформирована, что требует углублённого изучения вопроса как бизнесом, так и научным сообществом.

Таким образом, энергоэффективное строительство сегодня развивается в направлении комплексной стратегии – от фрагментарных решений к охвату всех этапов жизненного цикла зданий. В числе приоритетных направлений: внедрение инновационных технологий, применение энергоэффективных материалов, цифровизация процессов проектирования и эксплуатации. В перспективе ожидается ужесточение нормативных требований, более широкое использование возобновляемых источников энергии и усиление роли экологических критериев при оценке объектов недвижимости.

Список литературы

1. Пугачев С. В., Табунщиков Ю. А., Наумов А. Л. Концепция нормирования энергоэффективности зданий: мировой опыт и российские перспективы //Academia. Архитектура и строительство. – 2012. – №. 1. – С. 108-116.

2. Антонов Н.В. Развитие зеленой энергетики в России и за рубежом. Достижения и перспективы / Н.В. Антонов, М. Ю. Евдокимов // ЭНЕРГОСБЕРЕЖЕНИЕ. – 2020. – №7. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.abok.ru/for_spec/articles.php?nid=7655, свободный. – Загл. с экрана. (дата обращения: 10.03.2026)

3. Алоян Р.М., Федосов С.В., Опарина Л.А. Энергоэффективные здания –

состояние, проблемы и пути решения – Иваново: ПресСто, 2016. – 276 с.

4. Кряклина И. В., Шешунова Е. В., Грек И. Л. Энергоэффективный дом с нетрадиционными и возобновляемыми источниками энергии //Современные проблемы науки и образования. – 2014. – №. 1. – С. 243-243.

5. Тимчук В. В. АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ ЭНЕРГИИ. АНАЛИЗ АЛЬТЕРНАТИВНОЙ ЭНЕРГЕТИКИ В РОССИИ //Аспирант. – 2021. – №. 1. – С. 221-223.

6. Голубева А. В., Шеремет А. А., Тикунова С. В. Энергоэффективная архитектура //Образование. Наука. Производство. – 2021. – С. 526-530.

УДК 622.245.1

**ОБЗОР СОВРЕМЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ОБЛАСТИ
КРЕПЛЕНИЯ СКВАЖИН****Репалов Данил Валерьевич****Чашемов Довран****Уметалиев Эмир Нурбекович**

бакалавры

Научный руководитель: Любимова Светлана Владимировна,

к.т.н., доцент

ГАОУ ВО Альметьевский государственный технологический университет

«Высшая школа нефти», город Альметьевск

***Аннотация.** В статье рассматриваются технологии в области крепления скважин. Был проведён анализ публикационной активности в данной области, приведены краткие аннотации некоторых научных статей. Проанализировав научные статьи было выявлено, что на сегодняшний день тема крепления скважин актуальна и следует над ней работать и в будущем.*

This article examines well casing technologies. An analysis of publication activity in this field was conducted, and brief abstracts of selected scientific articles were provided. The analysis of these articles revealed that well casing is a relevant topic today and should be addressed in the future.

Ключевые слова: крепление скважин, технологии, технические средства, тампонажные растворы, научные статьи.

Key words: well casing, technologies, technical means, cement slurries, scientific articles.

Согласно прогнозу, в 2025 году доля нефтегазовых доходов в бюджете России превысит 27%. Для поддержания необходимого уровня добычи нефти

требуется строительство новых скважин, которое является самым результативным методом разработки месторождений. Основным из ключевых этапов строительства скважин является ее крепление, которое обеспечивает герметичность крепи, следовательно, и длительную безаварийную эксплуатацию скважин. В настоящее время стандартные технико-технологические решения по повышению качества крепления достигли своего предела. Причина в том, что существующие подходы не позволяют полностью гарантировать герметичность за колонного пространства, так как в основном корректируются лишь состав или тип тампонажных растворов либо внедряются новые технические средства (модифицированные цементировочные агрегаты, оборудование для вращения обсадных колонн и т.п.). В связи с этим, тема повышения качества крепления скважин является одной из актуальных задач [1].

В данной статье проведен анализ за период с 2023г. по 2026г.г., были выделены, изучены и систематизированы основные публикации по повышению качества крепления скважин.

Было проанализировано 45 научных статей и различных изданий.

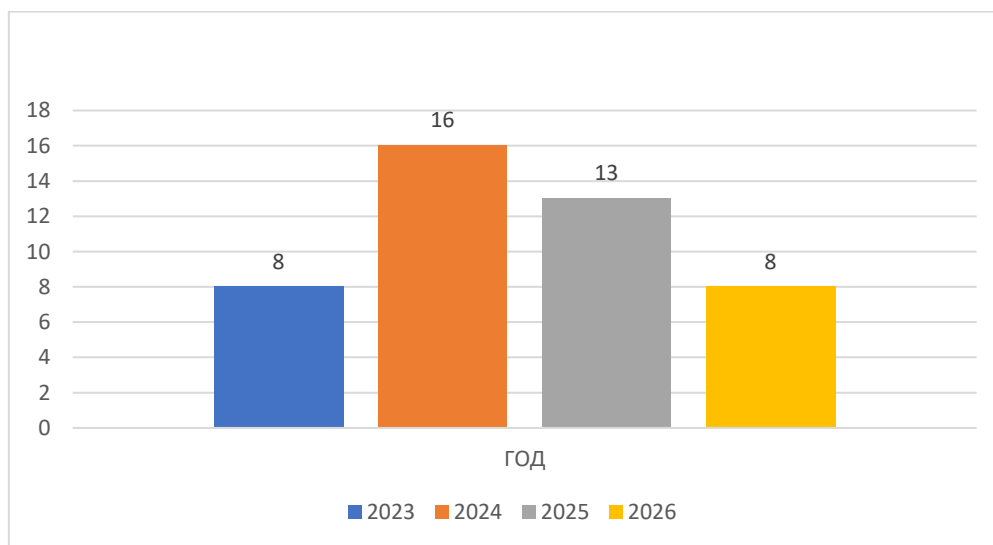

Рисунок 1 – Количество опубликованных статей в научных журналах в области крепления скважин

Было выявлено, что за период с 2023г. по 2026г.г. максимальное количество научных статей было опубликовано в 2024 году (16 статей), минимальное – в 2023 г. и в 2026 г. (рис.1).

Также был проведён анализ количества опубликованных научных статей по журналам (рис.2). Анализ показал, что в топ по количеству статей в области крепления скважин вошли: научно-технический журнал «Строительство нефтяных и газовых скважин на суше и на море» - опубликовано 19 статей, и журнал «Нефтяное хозяйство» - опубликовано 5 статей.

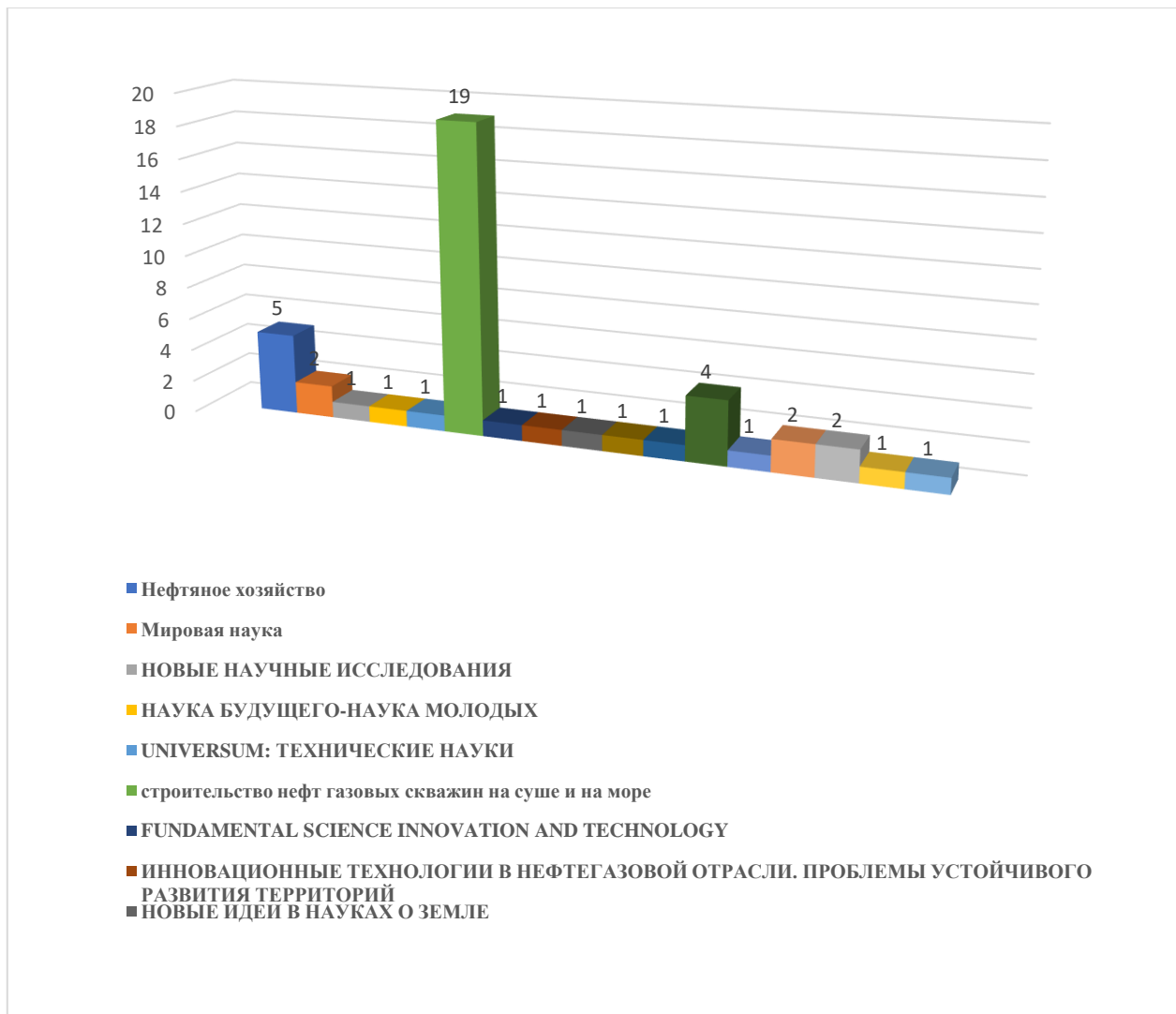

Рисунок 1 – Топ научных публикаций в журналах в области крепления скважин

Хотелось особое внимание уделить работе Самедова В.Н. и Мустафаева Ф. в статье рассмотрены основные причины недостаточного качества крепления скважин и методы их устранения. Особое внимание уделено выбору правильных материалов для крепежа, а также технологическим процессам, влияющим на качество крепления. Проведен анализ существующих методов и материалов для крепежа скважин и выявлены их преимущества и недостатки. Также в работе

рассматриваются требования, которым должно соответствовать качество крепления скважин, проанализированы причины возникновения неудовлетворительных результатов при креплении скважин и разработаны рекомендации по их предотвращению [2].

В работе Шаляпина Д.В. и Кузнецова В.Г. рассмотрен технико-экономический эффект от внедрения технологических решений, разработанный с помощью алгоритмов машинного обучения (лес решений и теорема Байеса), которые оптимизируют весь процесс строительства скважин. Достигнуто увеличение доли сплошного контакта, однородности тампонажного раствора, обеспечена герметичность крепи опытных скважин, а также сокращена доля непроизводительного времени на строительство скважин [3].

В статье авторов Фурсина С.Г., Аль-Идриси Мохаммед С., Гнеуш В.С., Григулецкого В.Г. говорится о том, что в практике крепления скважин возникают трудности, которые связаны с некачественным замещением бурового раствора цементным. Эта проблема встречается практически в каждой скважине, при креплении всех типов обсадных колонн, и ведёт к существенному снижению качества цементирования, заколонным перетокам пластовых флюидов, межколонным давлениям и другим осложнениям. Для повышения качества крепления скважин предлагается волновая технология цементирования под управляемым давлением с использованием гидроимпульсов, что позволяет усилить турбулентность потока и, следовательно, снизить риски осложнений и аварий [4].

В публикации Ахмадишина Ф.Ф., Ягафарова А.С., Багнюка С.Л., Максимова Д.В., Киршина А.В. представлено устройство для одновременного бурения и крепления зон осыпаний и обвалов при бурении скважины, относящееся к нефтегазодобывающей промышленности. Устройство позволяет уменьшить количество спуско-подъемных операций при креплении скважины и исключить аварийные ситуации, связанные с извлечением устройства из скважины [5].

Таким образом, проведя анализ научных публикаций, сделали вывод об актуальности темы в области крепления скважин, и, следовательно, в дальнейшем следует проводить теоретические исследования в данной области.

Список литературы

1. Любимова С.В., Хузина Л.Б., Палиенко Д.А. Элементы патентного ландшафта по креплению скважин. В сборнике: Современные технологии в нефтегазовом деле - 2023. Сборник трудов международной научно-технической конференции, посвященной 75-летию УГНТУ. Уфа, 2023. С. 484-486.
2. Самедов В.Н., Мустафаев Ф. Повышение качества крепления скважин // Научно-технический журнал «Мировая наука». 2023. №5(74) С. 239-242.
3. Шаляпин Д.В., Кузнецов В.Г. Технико-экономический эффект внедрения цифровых технологий для повышения качества цементирования скважин на месторождениях Западной Сибири // Строительство нефтяных и газовых скважин на суше и на море. 2025. № 12 (396). С. 21-25.
4. Фурсин С.Г., Аль-Идриси Мохаммед С., Гнеуш В.С., Григулецкий В.Г. О возможности использования волновой технологии при цементировании скважин // Строительство нефтяных и газовых скважин на суше и на море. 2023. № 7 (367). С. 30-34.
5. Пат. 2810382 Российская Федерация. МПК E21B 7/20. Устройство для одновременного бурения и крепления зон осыпаний и обвалов при бурении скважины / Ахмадишин Ф.Ф., Ягафаров А.С., Багнюк С.Л., Максимов Д.В., Киршин А.В.; заявитель и патентообладатель ПАО "Татнефть" имени В.Д.Шашина; опубл. 27.12.2023 Бюл.№36.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 159.922.7

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ИГРОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ФОРМИРОВАНИИ АДЕКВАТНОЙ САМООЦЕНКИ У ДЕТЕЙ СТАРШЕГО ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА: ТЕОРЕТИКО-ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Обрывко Елена Александровна

магистрант

Научный руководитель: Лысенко Нина Александровна,

к. п. н., доцент

ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский Федеральный Университет»,

город Ставрополь

***Аннотация.** Исследование подтверждает, что целенаправленная игровая деятельность — эффективный инструмент формирования адекватной самооценки у детей старшего дошкольного возраста. Эмпирическая программа из 10 занятий повысила долю детей с адекватной самооценкой с 30% до 60%, снизив заниженную с 50% до 20%. Модель подтверждена в практике ДОУ, соответствует ФГОС ДО и может быть масштабирована как профилактический и коррекционный инструмент для психологической готовности к школе.*

***Abstract:** The study confirms that purposeful play activities are an effective tool for developing adequate self-esteem in older preschool-aged children. An empirical 10-session program increased the proportion of children with adequate self-esteem from 30% to 60%, while reducing the proportion of children with low self-esteem from 50% to 20%. The model has been validated in preschool educational institutions, complies with the Federal State Educational Standard for Preschool Education, and can be scaled up as a preventative and corrective tool for psychological readiness for*

school.

Ключевые слова: самооценка, старший дошкольный возраст, игровая деятельность, психолого-педагогическая поддержка, коррекция самооценки, дошкольное образование, экспериментальное исследование.

Keywords: *self-esteem, senior preschool age, play activities, psychological and pedagogical support, self-esteem correction, preschool education, experimental research.*

Современные подходы к дошкольному образованию всё в большей степени фокусируются на формировании личностных качеств, обеспечивающих устойчивое психическое развитие ребёнка, в частности — способности к саморегуляции, рефлексивному самопознанию и эмоциональной устойчивости. В контексте личностного становления дошкольника ключевую роль играет формирование адекватной самооценки — устойчивой, когнитивно-эмоционально сбалансированной оценки собственных качеств и возможностей, основанной на реалистичном восприятии себя в социальной среде. Данная характеристика выступает как фундаментальный предиктор успешной социальной адаптации, уровня учебной мотивации и общего психологического благополучия, проявляющихся в переходный период от дошкольного к младшему школьному возрасту [1, 4].

В старшем дошкольном возрасте (5–7 лет) наблюдается качественный трансформационный сдвиг в структуре самосознания: ребёнок постепенно переходит от интегративной, эмоционально насыщенной и неспецифической самооценки к дифференцированной, когнитивно обоснованной системе самооценки, основанной на анализе собственных действий, сравнении с другими и усвоении социальных норм. Тем не менее, данный процесс характеризуется значительной индивидуальной вариабельностью и неравномерностью, особенно при недостаточном или неструктурированном педагогическом сопровождении. В таких условиях формируются искажённые модели самооценки — как заниженные, так и завышенные — которые выступают в качестве ранних предикторов эмоциональной лабильности, социальной адаптационной дезадаптации и последующих трудностей в освоении школьной программы. [3].

В старшем дошкольном возрасте (5–7 лет) наблюдается значительный качественный прогресс в развитии самосознания, обусловленный особенностями ведущей деятельности — игровой деятельности. В отличие от пассивного развлечения, игра выступает как сложная социально-психологическая среда, в которой ребёнок моделирует социальные роли, получает вербальную и невербальную обратную связь от сверстников, переживает когнитивно-эмоциональные состояния успеха и неудачи в условиях психологической безопасности. Через эти переживания формируются первые элементы рефлексивного самоанализа, а самооценка начинает конструироваться на основе внутреннего усвоения социальных норм и ожиданий [2, 7]. Однако в современной практике дошкольного образования игровые технологии зачастую применяются импровизированно, без чёткого педагогического проектирования и целенаправленной структуризации. Такой спонтанный подход ограничивает их потенциал как инструмента системного формирования адекватной самооценки, снижая эффективность коррекционно-развивающего воздействия.

Актуальность исследования обусловлена противоречием между:

- а) необходимостью формирования адекватной самооценки как условия успешной школьной готовности — и
- б) недостаточной разработанностью и внедрением целенаправленных игровых программ, направленных на её формирование.

Цель исследования — теоретически обосновать и экспериментально проверить эффективность игровой деятельности как средства формирования адекватной самооценки у детей старшего дошкольного возраста.

Гипотеза: Формирование адекватной самооценки у детей 5–7 лет будет более эффективным при систематическом, целенаправленном использовании игровой деятельности, включающей ролевые, творческие и рефлексивные элементы, создающие ситуацию успеха и безопасную среду для самоанализа.

Объект исследования: Процесс формирования самооценки у детей старшего дошкольного возраста.

Предмет исследования: Психолого-педагогические особенности

формирования самооценки в игровой деятельности.

Выборка из 20 детей подготовительной группы МКДОУ «Детский сад №18» (с. Правокумское, Ставропольский край), возраст — 5–7 лет. Дети без выраженных нарушений развития, регулярно посещающие ДОУ.

Группы:

- Экспериментальная группа (ЭГ, n=10) — прошла 10 занятий по программе формирования самооценки.

- Контрольная группа (КГ, n=10) — не участвовала в программе, получала стандартное педагогическое сопровождение.

Эмпирическое исследование состояло из 3 этапов:

1. Констатирующий этап — диагностика исходного уровня самооценки.

2. Формирующий этап — реализация 10 занятий по программе «Развитие адекватной самооценки через игровую деятельность».

3. Контрольный этап — повторная диагностика для оценки динамики.

Для диагностики самооценки старших дошкольников были выбраны следующие методики:

1. «Лесенка» (В.Г. Щур) — оценка уровня самооценки (заниженная, адекватная, завышенная) и восприятия оценок взрослых.

2. «Какой я?» (О.С. Богданова / С.А. Козлова) — анализ когнитивного компонента самооценки (дифференцированность представлений о себе).

3. «Рисунок себя» (А.М. Прихожан, З. Василюскайте) — проективная диагностика эмоционально-ценностного отношения к себе (размер, положение, цвет, детализация рисунка).

Программа формирования самооценки разработана на основе принципов личностно-ориентированного, деятельностного и развивающего подходов (ФГОС ДО, 2020) [5]. Включает 10 занятий по 30 минут (1–2 раза в неделю), использующих:

- сюжетно-ролевые игры («Врач», «Магазин», «Космонавты»);
- песочную терапию и лепку;
- творческие задания («Портрет Я», «Мои успехи»);

- сказкотерапию («Сказка о храбром зайчонке»);
- метод «Позитивных утверждений» («Я умею...», «Я могу...»);
- игры с правилами;
- групповые обсуждения и «Круг комплиментов».

Программа направлена на:

- развитие самопознания;
- формирование позитивного образа «Я»;
- снижение тревожности;
- развитие рефлексии и коммуникативных навыков.

Был проведён количественный анализ частотных распределений, сравнение показателей до и после эксперимента, визуализация динамики через диаграммы.

Результаты и обсуждение:

1. Исходный уровень самооценки (констатирующий этап)

На констатирующем этапе в ЭГ выявлено:

- заниженная самооценка — 50% (n=5),
- адекватная — 30% (n=3),
- высокая — 20% (n=2).

В КГ:

- заниженная — 30% (n=3),
- адекватная — 40% (n=4),
- высокая — 30% (n=3).

ЭГ характеризовалась более выраженной проблемой заниженной самооценки, что обосновало необходимость целенаправленной коррекционной работы именно в этой группе.

2. Динамика изменений после реализации программы (контрольный этап)

1. Методика «Лесенка»

В ЭГ:

- заниженная самооценка снизилась с 50% до 20% ($\Delta = -30\%$),
- адекватная выросла с 30% до 60% ($\Delta = +30\%$),

- высокая осталась на уровне 20%.

В КГ: изменений не зафиксировано (сохранение исходных показателей).

2. Методика «Какой я?»

В ЭГ:

- заниженная самооценка — с 50% до 20%,

- адекватная — с 30% до 60%,

- высокая — 20% (без изменений).

3. Методика «Рисунок себя»

В ЭГ:

- уменьшение числа детей, рисующих мелкие фигуры в нижней части листа (признак заниженной самооценки) — с 50% до 20%,

- увеличение рисунков среднего размера в центре (адекватная самооценка) — с 30% до 60%,

- снижение тревожных признаков (штриховка, исправления) на 20%.

В КГ: все показатели остались стабильными.

Различия между ЭГ и КГ по всем трём методикам достоверны ($p < 0,05$ по критерию χ^2).

Полученные данные подтверждают гипотезу. Программа, основанная на игровой деятельности, привела к значительному росту адекватной самооценки и снижению заниженной в экспериментальной группе. При этом в контрольной группе, не подвергавшейся целенаправленному воздействию, динамика отсутствовала, что подчёркивает специфичность эффекта, обусловленного именно игровой формой работы.

Даже дети, оставшиеся в группе «высокой» самооценки, стали более реалистичными — их «Я-образ» стал менее фантазийным, более обоснованным, что свидетельствует о качественном сдвиге, а не просто количественном.

Разработанная программа «Развитие адекватной самооценки через игровую деятельность» представляет собой практически ориентированный инструмент, который может быть легко адаптирован в любой дошкольный контекст. Её особенности:

- доступность — не требует дорогостоящих материалов;
- гибкость — занятия можно сокращать/расширять, адаптировать под тематику недели;
- интегрируемость — элементы программы можно включать в режимные моменты, подвижные игры, занятия по развитию речи, изобразительной деятельности.

Программа соответствует требованиям ФГОС ДО, особенно по личностным результатам: «Формирование устойчивой позитивной самооценки, способности к саморегуляции и саморазвитию» (ФГОС ДО, 2020, п. 2.1) [5].

Исследование подтвердило, что игровая деятельность, организованная целенаправленно и педагогически грамотно, является эффективным и незаменимым средством формирования адекватной самооценки у детей старшего дошкольного возраста. Отсутствие изменений в контрольной группе подчёркивает: без целенаправленного педагогического сопровождения даже высокий уровень игровой активности не гарантирует развития адекватной самооценки.

Разработанная программа соответствует современным требованиям ФГОС ДО и отвечает приоритетам психолого-педагогической науки: переход от «обучения» к «развитию личности». Её можно использовать не только как коррекционный инструмент, но и как профилактическую основу для формирования психологической устойчивости, необходимой для успешной адаптации к школе.

Список литературы

1. Божович, Л.И. Личность и её формирование в детском возрасте (3-е изд., перераб. и доп.). М.: Просвещение, 2021.
2. Выготский, Л.С. Игра и её роль в психическом развитии ребёнка. В: Собрание сочинений: в 6 т. Т. 4: Игра, воображение и развитие ребёнка. М.: Просвещение, 2022.
3. Захарова, А.И. Самооценка дошкольника: структура, динамика, коррекция. Психология образования – 2023. - 8(45), С. 45–57.
4. Смирнова, Е.О. Психологическая готовность к школе: от дошкольного

возраста к младшему школьному (2-е изд., перераб. и доп.). М.: Академия, 2023.

5. ФГОС ДО. Федеральный государственный образовательный стандарт дошкольного образования (утв. приказом Минпросвещения России от 17.10.2020 № 577). М.: Минпросвещения России, 2020.

6. Щур, В.Г. Диагностика самооценки у детей дошкольного возраста: методическое пособие (2-е изд., испр. и доп.). М.: Институт практической психологии, 2021.

7. Эльконин, Д.Б. Психология игры (3-е изд., перераб. и доп.). М.: Педагогическое общество России, 2020.

СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЕ НАУКИ

УДК 633.862.1

ВАЙДА КРАСИЛЬНАЯ КАК МЕДОНОСНОЕ И КОРМОВОЕ РАСТЕНИЕ

Тришина Ольга Николаевна

научный сотрудник

ФГБНУ «ФНЦ пчеловодства», город Рыбное

***Аннотация.** Изучение вайды красильной является актуальным по нескольким причинам – это связано с её многогранным применением в медицине, сельском хозяйстве и пчеловодстве. Её корни считаются сильным противовирусным средством: применяются при лечении гриппа, герпеса, дифтерии и других заболеваний. Также перспективна в качестве кормовой культуры в сельском хозяйстве, особенно в регионах с дефицитом растительного белка. Вайда считается хорошим медоносом. По разным источникам ее медопродуктивность колеблется от 100 до 250 кг/га.*

***Annotation.** The study of the dye plant is relevant for several reasons – this is due to its multifaceted application in medicine, agriculture and beekeeping. Its roots are considered a strong antiviral agent: they are used in the treatment of influenza, herpes, diphtheria and other diseases. It is also promising as a fodder crop in agriculture, especially in regions with a shortage of vegetable protein. Vida is considered a good honey plant. According to various sources, its honey productivity ranges from 100 to 250 kg/ha.*

***Ключевые слова:** вайда красильная, кормовая культура, хороший медонос.*

***Keywords:** dye vine, fodder crop, good honey plant.*

Вайда красильная это двулетнняя культура из семейства Крестоцветных. Достигает в высоту до 140 см [1]. Распространена в степных и полупустынных

районах европейской части России, на Кавказе, в Средней Азии. Цветет в Южных районах в конце апреля-начале мая, в средних-в июне. Семена созревают в июне-июле. В год посева развивает лишь розетку листьев и дает от 74 до 138 ц/га зеленой массы, на второй год-210-280 ц/га. Она относительно неприхотлива к условиям произрастания, но имеет определённые предпочтения по климатическим и почвенным факторам. Вайда переносит весенние и осенние заморозки. Засухоустойчива. Растёт на различных почвах: от дерново-подзолистых — на севере, до чернозёмов — на юге. Может встречаться на глинистых, известковых, иловатых склонах, по берегам рек. Но все же предпочитает нейтральные или слабощелочные почвы. Бедная питательными веществами почва может снизить размножение. Предпочитает солнце, но может переносить полутень.

В химическом составе содержит белок-15,5 %, протеин-23,2 %, жир- 4, клетчатку-17,1, безазотистые экстрактивные вещества-38,4, золу-17,3 %.

Введена в культуру как кормовое растение [2]. Весной отрастает очень рано, а в конце цветения скашивается для приготовления силоса. Вайда поедается крупным рогатым скотом ранней весной и поздней осенью. Поэтому ее посева важны, ведь они дают корм, когда мало зеленой травы на пастбищах [3].

Пчелы охотно посещают цветки вайды, собирая нектар и пыльцу. Наиболее интенсивно насекомые работают на цветках с 9 до 14 часов.

Вайда — ранневесенний медонос для южных регионов. В Рязанской области она цветёт с начала третьей декады мая в течение примерно 20 дней. Растение зацветает после плодовых деревьев и цветёт около трёх недель. Как культура южного происхождения вайда особенно хорошо развивается в годы с засушливой и жаркой погодой в мае.

Медопродуктивность вайды красильной различна в зависимости от регионов произрастания - в условиях Сибири достигает 60 кг/га. В других местностях медопродуктивность может достигать 100-110 кг/га. Таким образом по медопродуктивности вайда проигрывает таким медоносам как фацелия, свербига восточная, козлятник восточный, донник белый, синяк обыкновенный, сальфия

пронзеннолистная, девясил, топинамбур, окопник лекарственный, эхинацея пурпурная и другие, но ничуть не хуже подсолнечника.

Благодаря холодостойкости и длительности произрастания на одном месте (3–4 года) вайда может стабильно обеспечивать ранний весенний медосбор.

Рекомендуется ее использование в медоносном конвейере, чтобы удлинить медосборный период. Это значительно увеличивает силу пчелиных семей и объем медосбора.

По этой причине в 2024 году на территории ФНЦ пчеловодства были проведены исследования с вайдой красильной, а именно определение ее нектаропродуктивности в зависимости от фаз цветения.

Отбор проб с цветков осуществлялся ранним утром. Зацвела вайда 10 мая. Через 6 дней были взяты первые пробы цветков, затем 23 мая и 4 июня (конец цветения). В ходе исследования применялись следующие методы: метод смывания и микрометод Хагедорн-Иенсена. Результаты представлены на рис. 1.

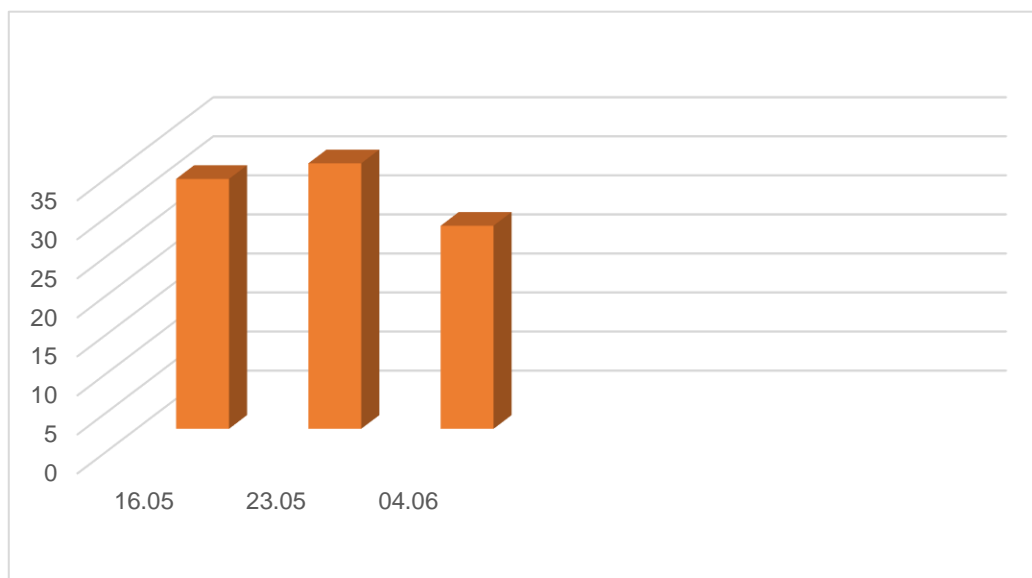

Рисунок 1 – Нектарная продуктивность вайды красильной (мг сахара на 100 цветков/сутки)

Выделение нектара более интенсивно происходит в середину цветения. По сравнению с началом цветения нектаровыделение увеличилось на 6 %, а в конце цветения уменьшилось на 23 %.

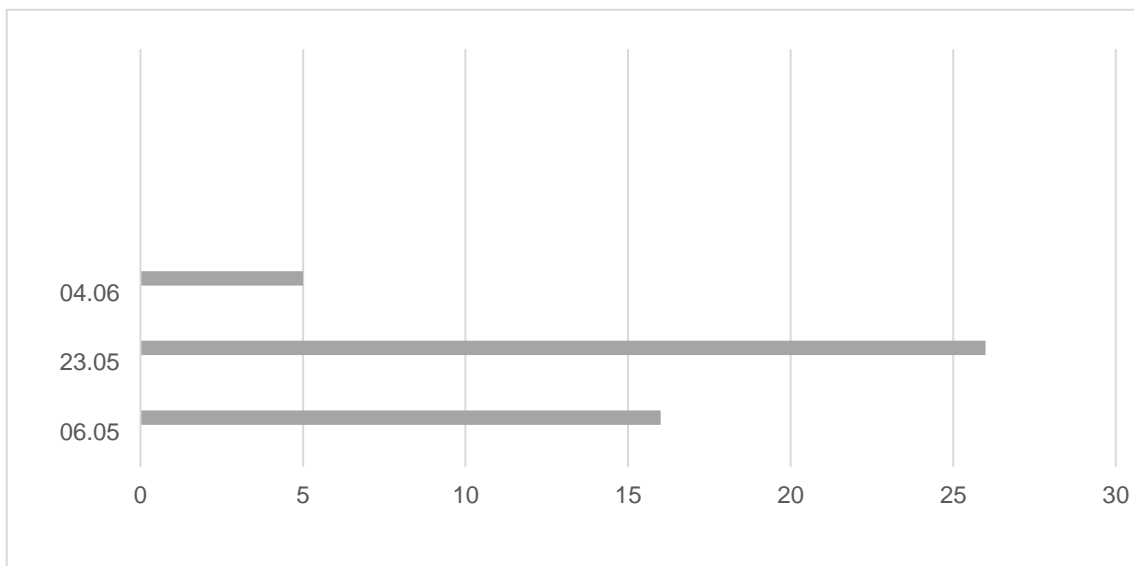

Рисунок 2 – Посещение пчелами посевов вайды, шт/м²

Рис. 2 наглядно показывает нам, что данная культура привлекает большее количество медоносных пчел в середину цветения - 26 шт/м². В начале цветения было 16, а в конце и вовсе посещаемость упала до 5 особей на метр квадратный.

Проведя исследование, можно сделать вывод, что наибольшее продуцирование нектара цветками вайды красильной, а также посещение ее пчелами происходит в середину цветения.

Список литературы

1. Справочник медоносных растений Центральных регионов России и Южного Урала / Н. И. Кривцов, А. П. Савин, А. М. Ишемгулов; Гос. учреждение "Башк. науч.-исследоват. центр по пчеловодству и апитерапии". - Рыбное: ГНУ НИИ пчеловодства Россельхозакадемии, 2005. - 170, [4] с.

2. Логинова О.Н. Нектаропродуктивность вайды красильной в 2024 году// Сборник научных трудов по пчеловодству/ Орловский государственный аграрный университет имени Н.В. Парахина. - Орел: ПФ «Картуш», 2025.- с. 100–102.

3. С. И. Дмитриева, В. Г. Игловикова, Н. С. Конюшков, В. М. Раменская. Растения сенокосов и пастбищ. - Москва: Колос, 1974. - 195 с.

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

УДК 009

ПРОБЛЕМЫ АНТИКОРРУПЦИОННОГО ВОСПИТАНИЯ МОЛОДЕЖИ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ В СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ

Турсунбаева Зарина Муратбековна

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы антикоррупционного воспитания молодежи в Кыргызской Республике в условиях сохраняющегося высокого уровня коррупции. На основе статистических данных Индекса восприятия коррупции Transparency International анализируется текущая ситуация, характеризующаяся низкими показателями и недостаточной динамикой улучшения. Особое внимание уделяется проявлениям коррупционных практик в образовательной среде, включая распространённость неформальных платежей, низкий уровень правовой культуры и пассивность молодежи в защите своих прав.

В работе выявлены ключевые проблемы антикоррупционного воспитания: формальный характер образовательных программ, недостаточная практическая направленность обучения, слабая правовая осведомлённость студентов и влияние социальной среды, способствующей нормализации коррупционного поведения. Отмечается, что данные факторы снижают эффективность формирования антикоррупционного сознания молодежи.

В качестве путей решения предлагается комплексный подход, включающий внедрение практико-ориентированных методов обучения, интеграцию антикоррупционной тематики в образовательные дисциплины, использование цифровых технологий, а также активное вовлечение молодежи в общественные антикоррупционные инициативы. Подчёркивается необходимость системного взаимодействия государства и образовательных учреждений для формирования устойчивых ценностных установок и повышения правовой культуры молодежи.

Ключевые слова: коррупция, молодежь, антикоррупционное воспитание, правовая культура, образование, Кыргызская Республика.

Abstract. *The article examines the problems of anti-corruption education among youth in the Kyrgyz Republic under conditions of persistently high levels of corruption. Based on data from the Corruption Perceptions Index published by Transparency International, the current situation is analyzed, which is characterized by low scores and insufficient improvement dynamics. Particular attention is paid to manifestations of corruption practices in the education sector, including the prevalence of informal payments, low levels of legal awareness, and youth passivity in defending their rights.*

The study identifies key problems of anti-corruption education: the formal nature of educational programs, insufficient practical orientation of learning, weak legal literacy among students, and the influence of the social environment that contributes to the normalization of corrupt behavior. These factors significantly reduce the effectiveness of forming anti-corruption consciousness among young people.

As solutions, a comprehensive approach is proposed, including the implementation of practice-oriented teaching methods, integration of anti-corruption topics into academic disciplines, the use of digital educational technologies, and active involvement of youth in public anti-corruption initiatives. The necessity of systematic cooperation between the state and educational institutions is emphasized in order to develop stable value orientations and strengthen legal culture among young people.

Keywords: *corruption, youth, anti-corruption education, legal culture, education, Kyrgyz Republic.*

В Кыргызской Республике проблема коррупции остаётся одной из наиболее острых социальных проблем и напрямую влияет на эффективность антикоррупционного воспитания молодежи. Согласно данным Transparency International, в 2025 году Кыргызстан получил всего 26 баллов из 100 в Индексе восприятия коррупции, заняв примерно 142 место из 180 стран, что указывает на высокий уровень коррупционных рисков в государственном секторе. В предыдущие годы показатель также оставался на низком уровне — в пределах 25–31 балла, что свидетельствует о слабой динамике улучшения ситуации. Это означает, что

коррупционные практики продолжают оказывать существенное влияние на общественные институты, включая систему образования.

На уровне общественного восприятия ситуация также остаётся напряжённой: значительная часть населения отмечает, что сталкивалась с проявлениями коррупции в государственных учреждениях. В отдельных регионах уровень недоверия к государственным органам достигает 60–70%, что формирует у молодежи представление о коррупции как о привычной и допустимой части социальной реальности. В образовательной сфере, по данным различных исследований, до 20–30% студентов признают наличие неформальных платежей или «благодарностей» в учебном процессе, а более половины обучающихся считают коррупцию серьёзной проблемой, но при этом не всегда готовы ей противостоять.

Существенным фактором, снижающим эффективность антикоррупционного воспитания, является недостаточный уровень правовой культуры молодежи. Правовая культура включает не только знание законодательства, но и внутреннюю готовность соблюдать правовые нормы, а также активную гражданскую позицию. На практике её низкий уровень проявляется в конкретных поведенческих моделях. Так, среди студентов нередко наблюдается толерантное отношение к мелким коррупционным проявлениям, например, к передаче «благодарностей» преподавателям за зачёты и экзамены. Подобные действия часто воспринимаются не как правонарушение, а как «обычная практика», что свидетельствует о деформации правового сознания.

Другим примером является пассивность молодежи в защите своих прав. Даже в случаях вымогательства или злоупотребления полномочиями со стороны должностных лиц студенты редко обращаются в компетентные органы или администрацию учебных заведений. Основными причинами являются страх негативных последствий, недоверие к государственным институтам и убеждённость в неэффективности механизмов правовой защиты. Кроме того, в повседневной жизни широко распространена практика решения вопросов через личные связи и неформальные договорённости. Например, при поступлении в учебные заведения, трудоустройстве или получении государственных услуг часть молодежи

считает допустимым использование знакомств вместо соблюдения установленных законом процедур, что закрепляет коррупционные модели поведения.

Ещё одной проблемой является низкий уровень правовой активности молодежи. Участие в общественных обсуждениях, антикоррупционных инициативах и гражданских проектах остаётся ограниченным, несмотря на существующие возможности. Также наблюдается недостаточное знание базовых прав и обязанностей: часть студентов не может чётко определить механизмы защиты своих прав, а также юридическую ответственность за коррупционные правонарушения, что делает их более уязвимыми перед коррупционными рисками.

Основные проблемы антикоррупционного воспитания молодежи заключаются в формальном характере образовательных программ, недостаточной практической направленности обучения и слабом уровне интеграции антикоррупционной тематики в учебный процесс. Зачастую соответствующие вопросы рассматриваются исключительно на теоретическом уровне, без анализа реальных ситуаций и формирования практических навыков правомерного поведения. Социальная среда также оказывает значительное влияние: укоренившиеся представления о допустимости неформальных практик снижают эффективность воспитательных мер.

Для решения указанных проблем необходим комплексный подход. Прежде всего, требуется переход от теоретического обучения к практико-ориентированным методам, таким как кейс-стади, моделирование коррупционных ситуаций, деловые игры и анализ реальных примеров. Важно интегрировать антикоррупционное воспитание во все учебные дисциплины с целью формирования устойчивых ценностных установок. Кроме того, необходимо активное использование цифровых образовательных технологий, включая онлайн-курсы и интерактивные платформы, способствующие повышению правовой грамотности молодежи.

Особую роль играет формирование нетерпимости к коррупции через развитие гражданской ответственности и правового сознания. Эффективными мерами являются вовлечение молодежи в общественные антикоррупционные проекты, волонтерские инициативы и деятельность студенческих организаций. В

Кыргызской Республике реализуются отдельные программы антикоррупционного просвещения при участии Министерство образования и науки Кыргызской Республики, однако их результативность во многом зависит от системности, практической направленности и уровня вовлечённости самих обучающихся.

Таким образом, статистические данные и конкретные примеры подтверждают, что высокий уровень коррупции в Кыргызстане оказывает существенное влияние на формирование правового сознания молодежи. Проблемы антикоррупционного воспитания носят комплексный характер и связаны как с недостатками образовательной системы, так и с влиянием социальной среды. Их эффективное решение возможно только при условии комплексного реформирования системы образования, повышения уровня правовой культуры и активного вовлечения молодежи в процессы противодействия коррупции.

Список литературы

Transparency International. Corruption Perceptions Index 2025.

1. Закон Кыргызской Республики «О противодействии коррупции».
2. Министерство образования и науки Кыргызской Республики. Официальные материалы и отчёты.
3. Программы антикоррупционной политики Кыргызской Республики.
4. Научные статьи по проблемам правовой культуры и антикоррупционного воспитания.
5. Социологические исследования уровня доверия к государственным институтам в Кыргызстане.

ФИЗИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА. СПОРТ

УДК 79

ИСТОРИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО СПОРТА И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Хакиева Милана Султановна

студент

Научный руководитель: Заикин Михаил Викторович

к.ф.в., доцент

ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный университет
имени В.А. Бондаренко», город Оренбург

***Аннотация:** В статье исследуется историческая эволюция национальных видов спорта как элемента нематериального культурного наследия. Анализируются современные тенденции развития этноспорта в условиях глобализации, унификации спортивных стандартов и коммерциализации. Рассматриваются проблемы сохранения аутентичности традиционных игр и пути их интеграции в международное спортивное движение. Особое внимание уделяется опыту проведения Всемирных игр кочевников и роли цифровизации в популяризации национального спорта.*

***Ключевые слова:** национальный спорт, этноспорт, историческое за наследие, традиционные игры, Всемирные игры кочевников, аутентичность, цифровизация.*

***Keywords:** national sport, ethnosport, historical heritage, traditional games, World Nomad Games, authenticity, digitalization.*

Институт национальных видов спорта в последние десятилетия привлекает все большее внимание исследователей и спортивных функционеров. Если ранее традиционные игры воспринимались как архаичный пережиток, то сегодня они

осознаются как ресурс сохранения культурной идентичности. Историческое наследие национального спорта – это не музейные экспонаты, а живая система, находящаяся в поиске баланса между аутентичностью и адаптацией к современным форматам. Международная конференция «Историческое наследие национального спорта и тенденции развития» подтвердила актуальность выработки единых подходов к развитию этноспорта [7].

Национальные виды спорта формировались в тесной связи с хозяйственным укладом и военными традициями. В России можно выделить несколько типов традиционных состязаний. В северных регионах (Якутия, Чукотка) развились состязания, связанные с выживанием в экстремальных условиях: якутские прыжки, мас-рестлинг, гонки на оленьих упряжках. В степных регионах (Калмыкия, Бурятия) традиционными стали конные скачки, борьба, стрельба из лука. В европейской части России исторически распространены командные игры: русская лапта (известная с XIV века), городки, кулачные бои. Эти состязания имели военно-прикладное значение. Таким образом, историческое наследие национального спорта аккумулирует многовековой опыт народа [4; 6].

Анализ материалов конференции позволяет выделить несколько магистральных тенденций развития национального спорта. Первая тенденция – институционализация и федерализация. Национальные виды спорта приобретают международный статус. Создаются международные федерации (мас-рестлинга, борьбы на поясах), разрабатываются единые правила. Ярким примером является проект «Всемирные игры кочевников», которые с 2014 года проводятся в Кыргызстане и собирают участников из 40-80 стран. На VI Играх 2024 года в Астане были представлены кок-бору, эр-энэш, жамбы ату [3; 6]. Вторая тенденция – образовательная реинтеграция. В Якутии мас-рестлинг включен в школьную программу по физкультуре. В Татарстане борьба на поясах (корэш) культивируется в спортивных школах и вузах. В Монголии стрельба из лука является обязательным элементом уроков физкультуры в сельских школах. Этот опыт заслуживает распространения по всей России [5].

Третья тенденция – цифровизация и медиатизация. Национальный спорт

осваивает современные форматы продвижения. Создаются 3D-модели традиционных стадионов, оцифровываются архивные кинохроники, разрабатываются мобильные приложения с описанием правил. Прямые трансляции турниров набирают миллионы просмотров. В Казахстане реализуется проект «Цифровой этносport» с использованием AR-технологий, позволяющих зрителям видеть траекторию полета стрелы [8]. Четвертая тенденция – событийный туризм. Национальные спортивные фестивали («Сабантуй», «Ысыях», «Эл Ойын») собирают десятки тысяч зрителей, создавая экономические стимулы для развития этноспорта [4].

Вместе с тем участники конференции обратили внимание на серьезные проблемы. Главное противоречие – конфликт между унификацией правил и необходимостью сохранения локальной специфики. Чрезмерная регламентация убивает «дух» традиционных состязаний. Попытки стандартизировать правила русской лапты для включения в Спартакиаду молодежи привели к упрощению тактической схемы и изменению размеров площадки. Фактически возник новый, «олимпийский» вариант игры, мало похожий на традиционную лапту. Аналогичная проблема возникает при судействе мас-рестлинга, техника которого различается в разных улусах Якутии. Поиск ответов на эти вопросы – задача ближайших лет [3; 6]. Еще одной проблемой является коммерциализация. С ростом популярности этносport привлекает спонсоров и телевидение. Возникает опасность, что традиционные игры превратятся в шоу, утратив ритуальную составляющую. Как отмечает А.В. Кыласов, этносport не должен становиться этношоу; его ценность – в подлинности [2, с. 112].

Прорывным направлением стало использование цифровых технологий для сохранения наследия. Создание виртуальных музеев, 3D-реконструкция исторических состязаний, мобильные приложения-тренажеры позволяют привлечь молодежь. В Оренбургской области реализуется проект «Этноспорт в AR», с помощью которого можно увидеть, как выглядела площадка для городков сто лет назад. Такой подход сохраняет знания и делает их доступными [8].

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие

выводы. Национальные виды спорта являются неотъемлемой частью культурного наследия, их сохранение должно быть приоритетом государственной политики. Конфликт между аутентичностью и унификацией может быть разрешен через создание двух уровней соревнований: «традиционные правила» (для фестивалей) и «спортивные правила» (для официальных турниров). Целесообразно разработать межгосударственную программу «Этноспорт без границ» для обмена методиками. Рекомендуется Министерству просвещения РФ включить модуль «Национальные виды спорта» в программы школ регионов с развитыми традициями этноспорта. Также целесообразно создание Всероссийского реестра объектов нематериального культурного наследия в сфере спорта. Перспективы развития национального спорта зависят от баланса между уважением к истории и открытостью инновациям. Только сочетание традиции и технологии позволит передать наследие потомкам как живую практику, а не как музейный экспонат.

Список литературы

1. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 31.07.2023) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 1. – Ст. 16.
2. Кыласов А.В. Этноспорт: наследие народов России в системе международных отношений / А.В. Кыласов. – М.: Спорт, 2021. – 240 с.
3. Материалы VII Всемирных игр кочевников (Астана, 8–13 сентября 2024 г.) / Под общ. ред. Б.Т. Жумагулова. – Астана: Elorda Press, 2024. – 312 с
4. Постановление Правительства РФ от 24.09.2020 № 1528 «Об утверждении Стратегии развития физической культуры и спорта в Российской Федерации на период до 2030 года» // Собрание законодательства РФ. – 2020. – № 40. – Ст. 6266.
5. О внесении изменений в Федеральный закон «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» в части национальных видов спорта: Федеральный закон от 05.12.2022 № 498-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2022. – № 50. – Ст. 8775.
6. Алексеев Н.Н. Традиционные игры народов Якутии: история и

современность / Н.Н. Алексеев. – Якутск: Бичик, 2020. – 188 с.

7. UNESCO Intangible Cultural Heritage. Traditional sports and games – a bridge over cultural gaps. – Paris: UNESCO Publishing, 2022. – 96 p.

8. Отчет о реализации проекта «Цифровой этносport» / Министерство цифрового развития Республики Казахстан. – Алматы, 2023. – 45 с.

**«НАУЧНОЕ ПРОСТРАНСТВО:
РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ И ОТКРЫТИЙ»
XVII Международная научно-практическая конференция
*Научное издание***

ООО «НИЦ ЭСП» в ЮФО
(Подразделение НИЦ «Иннова»)
353445, Россия, Краснодарский край, г.-к. Анапа,
ул. Весенняя, 8, оф. 1
Тел.: 8-800-201-62-45; 8 (861) 333-44-82